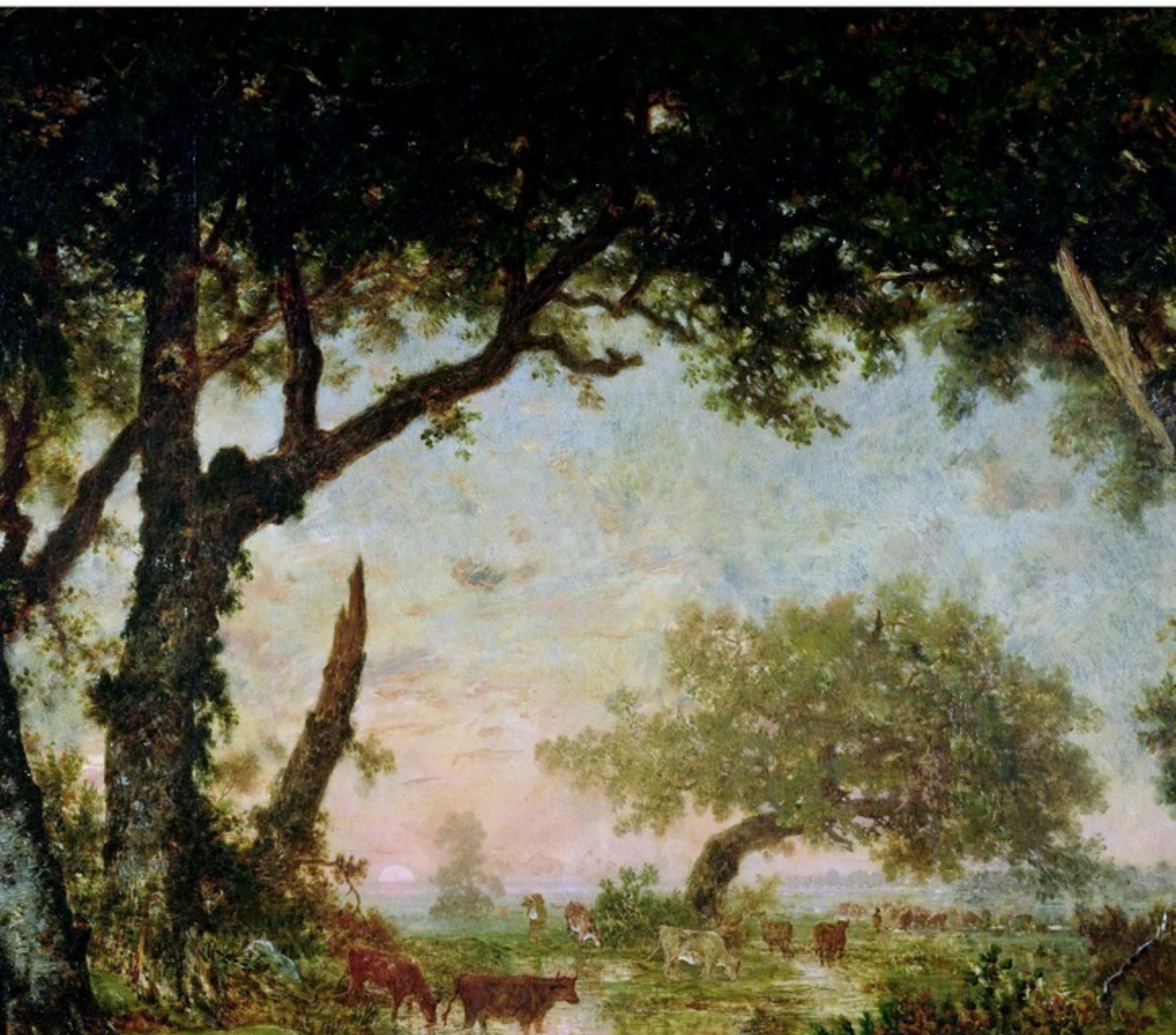

Руслан Леонидович Богомолов

Сотворение Волжской России

4 книги

Руслан Богомолов

**Сотворение Волжской
России. 4 книги**

«Издательские решения»

Богомоллов Р. Л.

Сотворение Волжской России. 4 книги / Р. Л. Богомоллов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932060-5

Приключения целого города, из 1999 года провалившегося во времени в 13 век, весьма были бы печальны и апокалиптически, если бы это не был РУССКИЙ город, с народом, имеющим невероятный дух стойкости и самоорганизации. Стремление к справедливости и человеколюбие помогли горожанам не просто выстоять в отрыве от привычной цивилизации, но и втянуть в становление справедливого общества без агрессии и насилия соседние народы.

ISBN 978-5-44-932060-5

© Богомоллов Р. Л.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Книга первая. Девять дней одного года	7
ДЕНЬ ПЕРВЫЙ, загадочный	7
ДЕНЬ ВТОРОЙ, воскресенье, 17 апреля 1224 года	62
ДЕНЬ ТРЕТИЙ, понедельник, 18.04.1224 г.	82
ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ, вторник 19.04.1224 г.	91
ДЕНЬ ПЯТЫЙ, среда 20.04.1224 г.	101
ДЕНЬ ШЕСТОЙ, четверг 21.04.1224 г.	108
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Сотворение Волжской России 4 книги

Руслан Леонидович Богомоллов

© Руслан Леонидович Богомоллов, 2018

ISBN 978-5-4493-2060-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роман «Сотворение Волжской России» написан в жанре фантастики, но, скорее всего, это политическая фантастика. В нём заложено много идей устройства общества не освоенных, а то и просто утраченных современной цивилизацией. Одна из них – столкновение и взаимодействие различных культур и цивилизаций на основе многовековой российской традиции, о которой известный русофоб лорд Керзон сказал в самом начале двадцатого века, что это политика «объятий и поцелуев после хорошей трёпки».

Первая книга написана в 1998—1999 году в стране пережившей унижение поражением Югославии и в Чечне, пережившей дефолт. В стране, о которую «вытирали ноги» все кому было не лень, в первую очередь собственные «бизнесмены».

Вторая закончена в 2005 году. Одна из главных идей, высказанных героем романа – «Нетерпимость к нетерпимости» – социальный контракт между всеми членами общества, который обеспечивает отсутствие непримиримого антагонизма между людьми разных социальных групп.

И ещё одна из идей романа – возвращение русской армии её главного победоносного фундамента, который лаконично, как всё что он выражал, описал А.В.Суворов в приказе по крымскому и кубанскому корпусам, которыми он некоторое время командовал: «Человеколюбием побеждать противника не менее оружия».

Третья книга, завершённая в 2012 году, развивая идеи первых двух книг, открывает новые подходы к расчётам экономической эффективности, а так же к главному закону экономики – нет высокого качества товара без высокого качества его производителя.

Кроме того, в третьей книге ставится проблема единства морально-нравственной идеологии общества и государства, чему категорически сопротивляется Конституция РФ своей статьёй 13 п.2.

Четвёртая книга, развивая идеи предыдущих, продолжает развивать идеи справедливого общества, справедливой экономики и форм участия в экономической и политической жизни общества человека.

Книга первая. Девять дней одного года

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ, загадочный

Пятница 15 октября 1999 года выдалась на редкость тёплой. Почти три недели с сентября тянулись холодные, дождливые дни, было сыкотно, промозгло. Но в ночь с 14-го на 15-е подул сильный юго-восточный ветер, и к концу этой пятницы часов за пять до заката выглянуло солнце. Вместе с тёплым ветром дохнуло ещё не забытым летом, и засветились лица горожан. Распахнулись куртки, а фуражки и шляпы, если их не снимали, сдвигались на затылок. На задний план отошли все заботы и раздражения от роста цен, поисков заработка, предвыборной болтовни политиков... Одним словом, от бесполой жизни. И как было ни радоваться, глядя на особенно красивые в лучах бабьелетовского солнца лица девчат и молодых, у которых как будто выросли ноги в колготках.

Как бы там ни было, но к ночи тучи разогнало совсем. Небо вызвездило. Многочисленные небесные светляки освещали ночные пейзажи за городом, размыто отражались в Волге. Самоходная баржа, груженная на все десять тысяч тонн мукой, в 23—55 подходила к порту города Волжского. Для неё это был последний рейс навигации. Рулевой Семён Кошкин уже видел впереди огни плотины и мотового маяка, который он должен был обойти. Капитан Иван Кадырович Рахметов поднялся на мостик. Ему нравился этот молодой матрос, окончивший Волгоградское речное училище, отслуживший в Севастополе и вот уже два года ходивший по Волге под его началом. Капитан вполне был в нём уверен, но при заходе в порт и швартовке всегда присутствовал на мостике.

– Ну как, ждут в порту? – спросил Рахметов. Его узкие губы на широкоскулом лице дрогнули в едва заметной улыбке.

Баржа немного запаздывала, идя против ветра весь путь, держа самые экономичные обороты.

– Ждёт, Иван Кадырович, – ответил Кошкин, бросив взгляд на невысокую плотную фигуру сорокапятилетнего крепыша-капитана.

– Разрешите завести на швартовку?

– Заводи.

Когда светящийся маяк зашёл за левый борт, баржа стала медленно поворачиваться. Уже перед её носом тихо поползли огни Волжского порта, как произошло что-то непонятное. Баржу потряхнуло, она накренилась чуть-чуть на левый бок, огни порта застыли на месте, а потом двинулись назад, влево. Встревоженный капитан машинально крикнул: «Стоп машина!» – и рванул рычаг на экстренный «стоп». Кошкин, уступив ему штурвал, ухватился за поручень. Баржу покачивало и разворачивало вправо. Вдруг её с нарастающей скоростью потащило назад, вращая, как щепку, по часовой стрелке. Там, выше по течению, что-то гудело и ревело. Через минуту-другую и плотина, и порт скрылись из виду, а какая-то невиданная сила продолжала тащить их вверх по течению.

Волга повернула вспять!!!

По включенному капитаном сигналу тревоги команда, на ходу просыпаясь и цепляясь за поручни, занимала места по авральному расписанию. Впечатление было такое, как будто мощное течение с водоворотами тащит баржу вместе с Волгой назад, в Николаевск. По свисту ветра и рёву воды ощущалась огромная скорость движения. Около четверти часа, которые казались вечностью, баржа прыгала и скакала по волнам, пока вдруг что-то не закрипело под днищем. Судно накренилось, развернулось носом по взбесившемуся течению, проползло по дну метров сто и остановилось. Мимо продолжала бурлить вода... вверх по Волге. Капитан

постоял несколько секунд, продолжая держаться побелевшими руками за штурвал, повернул голову с округленными глазами к Кошкину и приказал каким-то чужим, но ровный голосом:

– Проверь наличие людей и собери всех на палубе.

– Есть, – Кошкин вышел из транса, отпустил, наконец, поручни и пулей выскочил из рубки. Хорошо иметь командира – загрузил голову его приказом и вперед.

Через минуту вся команда, собравшись на слегка наклонённой палубе, наблюдала, как спокойно спускается капитан.

Вода из-под баржи продолжала уходить, правда, быстро затихая. Судно крепко сидело на дубах. С правого борта, на пологом берегу прожекторы освещали дубраву с огромными, мощными деревьями.

Через полчаса вода стала медленно прибывать, но теперь уже с верховьев Волги. Капитан собрал команду в кают-компании подводить итоги осмотра корабля.

И так, корпус незначительно помят, но цел, течи нигде нет. Винты целые, хотя на одной лопасти есть подозрение на трещину. Часть руля согнута влево градусов на пять, но работоспособность сохранена. Двигатели в норме. Баржа стоит на грунте и вырванных с корнем дубах, погруженная в воду всего на полметра.

– Какие будут предложения? Кто что думает? – Капитан оглядел команду.

Механик Юрий Орман, ветеран корабля, оглядел лица товарищей и, уставившись в пол, отпартовал:

– Главный двигатель остановлен, работает движок резервного генератора. Предлагаю остановить и его, потому что ничего не ясно, а горючее надо экономить.

– Принято, – как-то облегчённо сказал капитан.

Кошкин переживал за свою невесту Любу, которая встречала его там, на причале. Она уже два месяца была беременной, а через две недели намечалась их свадьба. Поэтому он спросил:

– А что там порт, не отвечает?

– Эфир вообще пуст. У меня такое впечатление, что мы провалились в потусторонний мир.

– Чертовщина какая-то. – Матрос Сёмин развел руками; – на стремнине Волги льдины, и подморозило.

Наступившую гнетущую тишину прервал капитан:

– Итак, первое: останавливаем все двигательные установки. Юра, сливай воду со всех систем, Кошкина возьми в помощь. Второе: Паша, сидишь как проклятый на ради и прослушиваешь весь эфир. Через каждые четверть часа вызываешь порт. Третье: Воропаев, берёшь монтировку и на охрану баржи. Маршрут – периметр палубы. Осматриваешь всё вокруг корабля, обо всём необычном немедленно докладываешь мне. Остальные: Сёмин старший, проверить и задраить на замки все люки и двери, кроме входа сюда. Всем отдыхать здесь. Сёмин, примешь вахту у Воропаева в три тридцать. На рассвете оглядимся и примем решение. Приступили!

Роман Карпенко, сидя в кабине КАМАЗа, который летел со скоростью девяносто километров в час по трассе, вглядывался в огни приближающегося Волжского. Оставалось километров пятнадцать-двадцать до первого городского поста ДПС. Шофёр Вася Чухнов закурил и мечтательно произнёс:

– Сейчас в баньке попаримся, отоспимся и утром свеженькие, как огурчики, на завод.

Чухнов ещё днём уговорил Романа заехать к нему в Погромный, в дом его бабки, где он жил со своей женой и двумя малютками-погодками. Роман согласился, так как в Волгоград к родителям он не успевал, а в Волжском ему ночевать было негде, разве что на заводе, куда он вёз комплектующие на двадцать ветроагрегатов.

Карпенко целый год искал на эти «ветряки» заказчиков, завод-изготовитель, деньги на комплектующие. В конце концов, почти всё, кроме электрогенераторов (а это лопасти, стойки, редукторы и другая мелочёвка) он достал практически по цене металлолома. Две машины, гружённые лопастями, Карпенко отправил на завод еще неделю назад, тремя днями раньше ушли ещё две с генераторами и редукторами, за ними на следующий день полуприцеп с секциями стоек. Сейчас, последним рейсом они везли остатки деталей и стоек.

В автомобильном радиоприемнике оборвалась песня Ободзинского и пошла мелодия «Подмосковных вечеров».

– Сейчас посмотрим, – сказал Роман, глядя на часы, – как там Москва с нами сверяется.

Навстречу, издали, все ярче светились фары двух встречных машин. Чухнов сбросил обороты, стрелка скорости поползла влево к цифре 65. В радиоприемнике запикало. Мимо просвистела встречная легковушка, и вдруг машину тряхнуло на шестом сигнале «Пик». Мимо пролетела и вторая машина, джип Чероки. Не успели Роман с Василием, чуть приподнятые толчком, вновь прижаться к сиденьям, как сзади что-то загромыхало. Чухнов резко затормозил, и машина, пролетев по шоссе ещё метров пятьдесят, остановилась.

– Кажется, что-то с прицепом, – пробормотал озабоченно Чухнов, выскакивая из кабины.

Роман, тоже встревоженный, вышел из машины и пошёл назад. Перед ними открылась более чем странная картина. Прицеп, собственно, только его передняя половина, стоял, устремившись передним бортом в небо. Впечатление было такое, как будто кто-то аккуратно разрезал его поперёк. Круглые секции стоек, естественно выпавшие из прицепа, раскатились в правый кювет. Посветив зажигалкой, Роман осмотрел две из них, обрезанные, как лазером поперёк, аккуратно в размер оставшейся части прицепа.

Они пошли назад искать потерянную часть. Василий чертыхался, кляня всех, кто ехал в джипе. Другого объяснения происшедшего, как диверсия, просто не приходило на ум. Вдруг они увидели ещё более поразительное зрелище: дорога, обрезанная как по струнке, обрывалась, а за ней, ниже на полметра, начиналось снежное поле. Влево и вправо от дороги виднелась четкая граница между снежным полем впереди и черной, пропитанной осенними дождями землей, сзади. Насколько хватало глаз и звёздного света, перед ними тянулась эта заснеженная земля. Только сейчас Роман почувствовал морозный холод, которым тянуло на них с Василием от этого белого простора. Впереди, метрах в тридцати, разворачивался джип. Он подъехал вплотную к срезу дороги, и из него вышли четверо – двое молодых парней и пожилая пара.

– Мужики, что это было? – спросил водитель джипа, берясь за руку Романа и поднимаясь на полотно дороги. Это был молодой высокий брюнет лет двадцати пяти. Он был явно возбуждён, как, впрочем, и его спутники, коротким полётом машины и её приземлением на внезапно возникшем снежном поле.

– Спроси чего полегче, – ответил Василий, помогая подняться на полотно пожилому, но однозначно крепкому мужчине, – у нас полприцепа как корова языком слизала, прямо тут.

– Вместе с дорогой, – добавил Роман, когда все уже были рядом.

– Какие-то инопланетянские шутки, – нервно хихикнул юноша лет восемнадцати.

– Где же наши молодые, что с ними? – запричитала женщина, – они ехали впереди нас на десятке, не видели? – спросила она у Романа.

– Да, за секунду до встряски они пролетели мимо, – Роман вдруг отчетливо понял, что десятка исчезла вместе с дорогой, и ему захотелось успокоить эту женщину, – мне кажется, надо разведать, где-то этот снег обязательно кончается, и, может, там ваши тоже стоят и думают: «Где это наши с джипом».

– Действительно, – поддержал Романа её муж, – сделаем так: ты с сыном и этими хлопцами доедешь до поста, а мы со Степаном поедem искать, где кончается эта чертовщина.

– Меня возьмите, – Роману уже не терпелось заглянуть за этот темный ночной горизонт.

– Нет, я еду с вами, – решительно сказала женщина.

– Нет, – не менее решительно и жестко отрезал мужчина, потом заговорил мягче: – Зоенька, я тебя прошу, езжай до поста, там есть связь с милицией, армией, с чем хочешь, хоть с Москвой. Подыми всех на ноги, пусть присылают сюда ОМОН, спецназ, криминалистов, специалистов, спасателей, кого угодно, а мы пока осторожно разведаем, что по чёму. В любом случае мы вернемся часа через два, не больше. Я прошу тебя, и возьми Ванюшку с собой.

– Я поеду с вами, – возмутился юноша.

– Иди сюда, – пожилой мужчина отвёл его в сторонку и стал что-то тихо объяснять.

Роман вспомнил, что в КАМАЗе у него в куртке есть газовый пистолет, который непременно надо взять с собой.

– Пойдем к машине, – сказал он Василию и добавил, обращаясь к водителю джипа: – я сейчас вернусь, куртку одену, а то морозец.

– Давай, – буркнул водитель, и Роман с Чухновым пошли к КАМАЗу.

По дороге Карпенко почти уговорил Василия дать ему ружье, которое тот всегда брал с собой в дальний рейс, но когда они, отцепив прицеп-калеку, залезли в кабину, Чухнов сказал:

– Глянь-ка, Рома, огней вообще никаких.

Оглядевшись, Карпенко заметил, что и вправду нет огней ни Волжского, ни Второго поселка, которые они уже видели впереди, до этой остановки.

– А вдруг там дальше такая же чертовщина?

– Я не удивлюсь. После того, что сейчас видели, танцует всё.

– Так что извини, дорогой, ружьё не дам. Сам понимаешь, со мной баба с сопляком. Может, придётся одному за всех троих держать оборону.

– Никаких возражений, Васёк, – Роман надел свой старый японский пуховик, проверил документы, сигареты, зажигалку, пистолет, запасную обойму с нервнопаралитическим газом – в пистолете у него стояла с разрешёнными слезоточивыми патронами. Он вдруг подумал, что случилось действительно что-то из ряда вон выходящее, если обесточен весь левый берег, а что там Волгоград? У него защемило в душе – кой чёрт он едет неизвестно куда, неизвестно зачем. Может рвануть с Чухновым, а там хоть на такси, да на правый берег, как там родные? Но назад отбавывать уже поздно, решение принято – машина закрутилась.

– Ну, я пошёл, будь осторожен и... в общем, удачи тебе.

– Спасибо, и тебе всего, – пожелал ему Чухнов, и Роман хлопнул дверью.

За полчаса движения по заснеженной степи Карпенко успел познакомиться со своими новыми спутниками. Пожилой сорокавосемилетний мужчина Константин Ефимович Барков – фермер из-под Николаевки – женил своего старшего сына. Свадьбу сыграли в Волгограде ещё в прошлую субботу, но до пятницы у него ещё были дела по поставке ржи, по ссуде на энергостроительство, по зачёту налогов поставками, по... Короче, только вечером пятнадцатого они собрались домой, сын вёз молодую жену и двух сестер на своей десятке, а джип Константина Ефимовича с ним, женой и младшим сыном вёл его племянник Степан, монтер Николаевского участка левобережных сетей. Константин Ефимович специально взял его с собой, чтобы можно было, где пригубить, а где и выпить без оглядки на свою машину, зато у Степана на неделю наступил сухой закон. Вот и сегодня, вернее, уже вчера, Барков со сватом остограммилась на дорожку.

Константин Ефимович всё нахваливал невестку – студентку четвертого курса сельхоз академии. Там старший сын с ней и познакомился – он этой весной получил диплом агронома.

Машина, после долгого, ровного как стол участка, стала спускаться в лощину шириной в сто метров и глубиной четыре-пять. На её камышовом дне подо льдом тёк почти вымерзший ручей, шириной не больше метра. Выбрав место, где камыш был пореже, Степан сходу, ломая жидкий ледок под снегом, проскочил ручей и повел джип вверх из лощины. Метров через 200, забравшись на вершину пологого холма, откуда снова виднелась только голая заснеженная

степь, он остановил машину и, по просьбе Баркова, выключил мотор. Константин Ефимович вышел из джипа, взяв свое пятизарядное охотничье ружьё. Вышли из машины и его спутники. Они встали, слушая, как замолкает гудение центрифуги. Вокруг, насколько хватало глаз, простирался снежный ковер. Они уже с полчаса ехали почти точно на север, ну, может, немного смещаясь на восток. Ефимыч дал Степану в ориентир Полярную звезду, которую тот держал чуть-чуть левее.

– Километров двадцать прошли, – предположил Роман.

– Двадцать четыре по спидометру, – уточнил Степан.

– Тихо! – Скомандовал Ефимыч, – послушайте.

Все затаили дыхание, вслушиваясь в звенящую тишину. Вдруг где-то сзади раздалось: «Ууу», – и чуть ниже по ложине недружно запели несколько голосов: «Ууу».

– Волки? – тревожно спросил Степан.

– Они, – ответил Ефимыч и уточнил: – стая.

– Поохотимся, – азартно сказал Степан и, открыв дверь джипа, достал из-под сиденья самодельный охотничий нож-тесак.

– Из клапанной стали, – похвастался он Роману, повертев ножом под внутренним освещением кабины.

– Видать, внизу в ложине их логово, а сейчас мы их шумом привлекли, они на след наш вышли и идут за нами, – рассудил Барков, – Степан, разворачивай машину назад и по моей команде включай освещение.

Пока Степан быстро разворачивал, Роман заменил в своем пистолете магазин со слезоточивыми патронами на нервнопаралитические. Ждать пришлось недолго. Через несколько секунд после того, как вновь затих двигатель, стоящий справа от капота Ефимыч прошептал Роману, который прислонился к капоту с другой стороны:

– Вон они, метров тридцать пять.

На белом снегу виднелась группа волков, десятка полтора. Они остановились, видимо заметив свою жертву, и вдруг передний, вожак, медленно двинулся к машине, а остальные бросились врассыпную, охватывая людей полукольцом.

– Врубай, – шепотом скомандовал Ефимыч, и галогенки осветили оскалившиеся в предвкушении добычи пасти.

Первым же выстрелом Ефимыч уложил вожака. Стрелял он отменно: пять выстрелов – пять волков со своего фланга, последний в десяти шагах справа от машины. Ему, повидавшему в жизни многое, ходившему охотиться и на кабанов, и на медведя, когда работал в Сибири, такого видеть не приходилось. Зверь, даже в самой глухой тайге, уже очень хорошо знал силу человека, поэтому включенный свет фар и первые выстрелы обращали в бегство самых матерых хищников, но чтобы вот так, презирая смерть, зверь шёл на него!.. Патроны были в машине в сумке за задним сиденьем. Барков рванулся к задней двери, вскочил в машину, краем глаза наблюдая, как несётся на него прыжками оскалившаяся морда. Едва успел захлопнуть дверь, как на неё буквально упал рычащий зверь. Джип качнуло, но Ефимыч быстро достал из сумки початую коробку с патронами. Пальцы тряслись и плохо слушались, когда он, торопясь, набивал магазин ружья.

Роман первый выстрел сделал одновременно с последним Баркова. Волк, ослеплённый фарами и пытавшийся обойти этот свет правее, почти перед самой машиной вышел из её луча и рухнул, вдохнув пары отравы. Второй получил свою порцию, уже разгибаясь в прыжке, и долетел-таки, окаменевшим, к ногам Карпенко. Третий уже зашел сбоку, но был не один. С ним рядом бежал другой, помельче. Поэтому, когда этот третий рухнул, его сосед остановился и медленно, покачиваясь и спотыкаясь, стал пятиться, видно, тоже чуть хватанул газа. Слабый, еле заметный ветерок тянул через машину и Романа на правый фланг волчьей стаи. Видимо учуяв запах смерти, волки остановились, не решаясь идти дальше.

В это время Степан, с ножом и монтировкой прикрывавший Романа с тыла, обратил внимание на неистового волчару, который врезался в дверь, захлопнутую Ефимычем. Он в ярости попытался укунить кузов, потом обойти технику сзади, но, видимо, его спугнули красные габариты. Наконец, когда Ефимыч, зарядив ружье, вышел из машины к ним, на левую сторону, волчара отступил метров на пять и с разбегу запрыгнул на джип, уцепившись за багажную решетку.

– Берегись, братцы! – Степан со всей силы опустил на оскаленную пасть монтировку.

Яростное рычание заглушил выстрел Баркова. Неистовый приподнялся и молча рухнул на решетку. Оставшиеся в живых волки растворились в темноте.

Роман опустил пистолет в карман и достал пачку «Ростова». Руки не слушались, с трудом достал две сигареты, дал одну Степану, другую неловко всунул в неразжимающиеся губы. Барков обошёл машину, осмотрел окрестности, выключил свет и взял сигарету из протянутой Романом пачки. Степана никак не слушалась зажигалка, и Ефимыч достал и зажег спички. Когда все прикурили, затянувшись, сказал:

– Д-а-а-а?!

Романа после двух затяжек уже отпустил, начавшийся было озноб, и он спросил с ярко выраженной иронией:

– Интересно, кто на кого охотился?

Степан вдруг взорвался таким заразительным хохотом, что с минуту их всех трясло от смеха. Потом, уже докуривая сигарету, Ефимыч добавил со всей серьезностью:

– Поверьте старому охотнику, я не только не видел, но и не слышал о таких непуганых зверюгах. По всему, они должны были бежать, как только мы зажжём фары, и тут хорошо бы двух-трех успеть пристрелить.

– А красного света они все же боятся, – Степан убрал на место монтировку и нож, – этот-то волчара с крыши не стал обходить сзади красные габариты.

– Гм, уже не плохо, – хмыкнул Ефимыч, – и всё же загадочное место. Куда нас занесло?

– А что, если свернуть на запад, к Волге, здесь километров пять должно быть, не больше, если Волга на месте, значит всё не так уж и плохо. Может, на берегу, какой хуторок будет, связь, – предложил Роман.

– Времени почти час, – задумчиво произнёс Барков, – а что, к двум назад успеем.

Сказано – сделано. Через десять минут, уложив и увязав шесть волков (больше не поместилось) на крышу джипа, разведчики мчались на запад.

Проехав километра четыре, они вдруг увидели встречного всадника, который, попав в свет фар, развернулся, подняв коня на дыбы, и поскакал прочь, забирая правее.

– Давай-ка за ним, – скомандовал Ефимыч, и Степан, доворачивая и доворачивая вправо, объезжая невесть откуда появившиеся кусты и деревья, погнал джип за наездником. Роман заметил в левом окне далеко мелькнувший огонёк, а потом там выросла стена леса.

– Прибавь-ка, Стёпа, – попросил Барков, и машина, подминая небольшие кусты, подпрыгивая на каких-то кочках и ветках, стала быстро сокращать расстояние до всадника, углубляясь вместе с ним в редколесье.

Когда дистанция сократилась с пятидесяти метров до десяти, Степан посигналил, но всадник повернул влево и скрылся в чаще. Машина развернулась за ним и резко затормозила, подмяв молодую поросль и едва не врезавшись в деревья, которые оставляли проход всего метра полтора.

– Глуши, послушаем, – приказал Барков и вышел из машины с ружьем наготове, чертыхаясь и кляня загадочного всадника. Вышли и Роман со Степаном. Свет фар упирался в часто стоящие деревья метрах в пяти от машины. Вдруг в тишине из леса раздался мощный звериный рёв, слившийся с ржанием лошади и шумом ломающихся сучьев. В свете фар пролетела справа налево, с храпом раскидывая ветви деревьев, лошадь. Внезапно, прямо перед капотом, тоже

справа, появилась летящая сильными прыжками фигура странного юноши, одетого в подобие овчинного полушубка серым мехом наружу, серые штаны и меховые короткие сапоги-унты. На голове у этого юноши была меховая островерхая шапка с волчьей или собачьей шерстью наружу. Ослепленный светом, юноша не заметил согнутый почти до земли левым передним колесом машины дубок-подросток, зацепился за него голенью и растянулся на снегу. Степан с Романом подхватили и быстро подняли его, крепко держа за руки. Юноша, визжа, тщетно пытался вырваться, но в это время с рычанием перед машиной выкатился огромный бурый медведь, который преследовал потерявшего коня всадника. Наткнувшись на свет фар, зверь поднялся во весь свой более чем двухметровый рост. Его рычание перешло в рев, но не успел он сделать движение в сторону держащихся за руки людей, как прозвучали один за другим два выстрела. Ефимыч справа от капота послал свою пулю под ухо в лохматую голову медведя, а Роман в его пасть свою отраву.

Юноша, наконец-то, онемел от увиденного, задрожал, его ноги подкосились, и он рухнул на колени где стоял. Бросив его, Степан и Роман вслед за Барковым кинулись к медведю, распластавшемуся на снегу. Зверь был мёртв, его грязная и мокрая шкура парила смрадом.

– Странно, как будто он только вышел из берлоги после зимней спячки, – проговорил Ефимыч.

– Вообще за последний час столько странностей: слежавшийся снег с твердым настом, небольшой морозец, медведь после зимней спячки, непуганные волки... Впечатление такое, словно мы попали в дикую лесостепь в раннюю весну, – рассуждал Роман.

– Станный парень, может, он..., – обернулся Степан, но юнца не было, – сбежал!

– Ладно, пора поворачивать назад, – скомандовал Барков, – доставай тросик, отбуксируем зверя.

Через несколько минут они тронулись по своим следам назад, волоча по снегу медвежью тушу. Когда машина выехала из леса. Роман вспомнил про мелькнувший свет и внимательно стал смотреть вправо. Вдруг он за лесом снова увидел мерцающий огонь.

– Ефимыч, может, завернём на огонёк? – предложил он Баркову.

– Где? – встрепнулся тот.

– А вон и правда, – тоже заметил Степан.

– Поворачивай, тут метров пятьсот, – распорядился Барков, – успеем.

Чем ближе они приближались к костру, спускаясь по небольшому склону, тем явственней различали несколько высоких шатров вокруг или, вернее, в полукруг него и людей, стоящих с какими-то жердями. Сбросив скорость, Степан осторожно приблизился к ним метров на десять, остановился, вежливо выключив свет.

– Степан, не глуши, сиди на стреме. Роман, выходим, дверь не закрывай, будь наготове, – встревожено распорядился Барков, сам выходя из машины с ружьём наперевес и не спуская глаз со странно одетых людей.

Большой костёр горел в низинке, шагах в восьми сзади стоящей шеренги из семи человек. Их лица разглядеть было трудно, но они стояли, держа наперевес шесть копий и щиты!!! Роман разглядел слева у костра сбежавшего юношу, который одной рукой держал под уздцы своего коня, а в другой темнело что-то похожее на нож. «Нашёл-таки свою лошадку», – подумал Карпенко. Справа от костра стоял с непокрытой головой седой, обросший старик, он держал в правой руке саблю, а в левой щит. За костром толпились женщины и подростки, вооруженные какими-то кольями, рогатинами, топорами. Позы у всех были самые решительные, и одновременно на лицах читался ужас. Какие-то юнцы держали на привязи трёх лохматых псов непонятной породы. Собаки рычали и изредка взлаивали.

– Стой тут, прикроешь, если что, – бросил Роману Барков.

Он не спеша вышел из машины, встал перед ней, заложил ружье за спину, поднял правую руку и сказал:

– Здравствуйте, господа.

Шеренга зашевелилась, загудела: «Рус, рус, рус». Из её середины вышел на один шаг человек, видимо, командир этой шеренги. В левой руке у него был почти круглый щит с полметра в диаметре, а в правой опущенный вниз меч.

– Ты русич? – спросил он Баркова.

Барков тоже сделал шаг вперед и заговорил:

– Русский, русский, русич, – и спросил, разведя руками, – а вы кто?

Они подошли друг к другу поближе, и командир шеренги сказал, вложив меч в ножны:

– Тэп кэча, род кэчев. Половэцы.

Ефимыч оглянулся и крикнул, махнув вниз рукой:

– Глуши, Степан. Это, ребята, половцы. Чёрт меня возьми, если я что-то понимаю.

Командир шеренги тоже повернулся к своим и на каком-то гортанном языке что-то им скомандовал. Короткие копья шеренги дрогнули и поползли вверх, на плечи этих невысоких молодцов. Когда командир поворачивался к Баркову, тот в отблеске костра увидел его обезображенное шрамом лицо. Шрам проходил от левого надбровья через яму, зияющую вместо глаза, через переносицу и заканчивался над правым углом губ, где усы сливались с седевшей короткой бородой. На голове у него была такая же, как и у юноши, шапка, собственно, такие же шапки были у всех мужчин, подошедших к ним.

Ефимыч протянул одноглазому руку и представился:

– Костя – меня так зовут.

– Кэчтэн, – сказал одноглазый и пожал Баркову руку выше запястья.

Барков неловко пожал запястье Кэчтэна.

– Идэ, – одноглазый жестом руки предложил Баркову пройти к костру, где женщины, попрятав свое нехитрое оружие, обступили их и принялись ощупывать кожанку и воротник с искусственным мехом на Ефимыче. Кэчтэн отдал свой щит одной из них, а старик у костра вдруг зычно крикнул на обступивших Ефимыча, они тут же отстали от него и расступились, давая дорогу к костру Баркову и следовавшему за ним Карпенко. Кэчтэн что-то объяснил старику, потом представил его Косте: «Башкэч»...

Через полчаса мужчины недалеко от костра разделяли тушу медведя, отданную Барковым в знак дружбы роду Кэч. Джип стоял повёрнутый задом к костру, там, где прежде была готовая к бою шеренга, и Барков успел рассказать о том, что он крестьянин (оратай), а Роман – инженер, то бишь розмысл, что Степан электрик, то есть человек, который делает такой вот яркий свет, как у машины.

Разговор вели в основном Ефимыч с Башкэчем, а переводил с ветхо русского Кэчтэна, вымученного его жутким акцентом, Роман, который, на счастье, увлекался историей «Слова о полку Игореве» и самим этим произведением.

Весь табор, как его окрестил Карпенко, кроме мужчин, занятых на разделке медведя, а также беседующего с гостями степенного главы рода Башкэча, переводившего беседу Кэчтэна и юноши-разведчика, крутился возле машины. Степан стоял там же, покрикивая на наиболее усердствующих юнцов, не только шупавших тёплый капот, но и тыкающих чем попало в шины. Его слушались беспрекословно, ибо сама фигура Степана с его широкими плечами и ростом под метр девяносто внушала уважение половцам. Для них, ростом не превышающих метр шестьдесят, он представлялся великаном-богатырём. Собственно, единственным богатырём, ростом метр семьдесят, в их роду был Кэчтэн. Он был воин, и этот страшный сабельный шрам получил, как выяснилось из разговора, в прошлом году («прошэл лэто») в битве с «татэр», где половцы потерпели поражение вместе с русскими от великого полководца Сэб-эдэя.

– Это было на речке Калке? – переспросил Роман.

– Бысть на Каэле, – ответил Кэчтэн.

Роман с Ефимычем переглянулись.

– Кажется, 1223 год, – сказал Роман.

– Я уже ничему не удивляюсь, – потёр виски Барков и добавил, – но самое интересное – это не сон.

Ещё они выяснили, что Волга (Итиль) в полночь вдруг заревела и залила землю буквально в 50 шагах от стана Кэчев, потом вода спала, но что-то огромное со светящимися огнями, двигаясь вверх по течению, с шумом остановилось примерно в тысяче шагов от них, затихло и погасило свет.

Собрав всю эту информацию, разведчики уже подумывали о том, что пора возвращаться в большой город, как раздался шум двигателя, и со степи стало видно УАЗик с мигалкой на крыше, летящий явно по их следам.

– Это бояре из того самого города, о котором мы вам говорили, – сказал Роман одноглазому, усмехнувшись про себя: «Бояре».

– Мы должны поговорить с ними, – заявил Башкэчу Барков.

Все встали, и Роман с Барковым пошли навстречу УАЗику.

Остановившись перед самым носом джипа, УАЗик распахнул все двери, из которых вышли четверо омовцев в бронежилетах поверх курток, касках и с автоматами в руках. Вышедший из передней двери капитан тут же наткнулся на Ефимыча и увидел вокруг себя обступивших машину странно одетых людей, которые молча, с наивным нескрываемым любопытством рассматривали милицейский отряд. Капитану стало как-то не по себе, и он, зацепившись взглядом за привычно одетых гражданских, отдал им честь и, представившись: «Капитан Кочкин», – не нашел ничего лучше, как привычным хозяйским тоном спросить:

– Кто такие? Ваши документы!

Роман и Барков достали паспорта и отдали капитану.

– Послушай, капитан... – начал, было, Роман.

– Карпенко Роман Алексеевич, – прервал его Кочкин, читая, пригнувшись к свету фар, его паспорт. Капитан знал, кто они. В его блокноте были записаны и Карпенко, и оба Баркова, на посту ДПС он получил и записал информацию о них от Василия и жены Баркова, но ему было неловко под взглядами этой толпы и, спасая свое командирское достоинство, он от растерянности пёр напролом.

– Седенко, Николай, проверь документы на машину и оружие, – приказал он сержанту.

– Степан, покажи там документы, – оглянулся Барков, потом спросил капитана:

– Вы можете выслушать меня пару минут? Чтобы прояснить вам обстановку.

Седенко проверял у Степана документы, и капитан, как бы получив паузу, ожидая доклада об этой проверке, снизошёл до выслушивания Баркова. Он даже отдал паспорта обоим.

– Так вот, – продолжал Ефимыч, – это половцы, один из их родов, сейчас здесь весна 1224 года.

– Похоже, что эта территория провалилась во времени из-за какого-то катаклизма, – добавил Роман.

– И здесь есть человек, – продолжал Барков, – который сражался в русско-половецком войске против татар в прошлом году на реке Калке. Нам удалось наладить с ними дружеские отношения, поэтому попроси-ка своих хлопцев убрать автоматы от греха подальше.

– Вам бы, товарищ капитан, представиться старейшине рода Кэчев Башкэчу, вон там, у костра, – предложил Роман.

Кочкин прислонился к капоту УАЗика, задумчиво вынул пачку ЛМ и закурил под шепот и переглядывания половцев, которых он, впрочем, не замечал. Задуматься было о чём. Получив задание проверить исчезновение дороги на Быково, он прибыл на пост ДПС, где и записал

первую информацию, и, пока, ещё не отъехал от города на 20 километров, его радиостанция прослушивала переговоры, из которых вырисовывалась странная картина. Из водохранилища перед плотиной ушла вся вода. За плотиной, на правом берегу, появилась лесная чаща. Исчезли огни Волгограда и Ерзовки. Исчез почти полностью посёлок Средняя Ахтуба, за ахтубинским аэродромом такая же снежная степь. В город перестал поступать газ по газопроводу. То, что сейчас сказали эти двое, приводило к страшному выводу...

– Братцы, – как-то по-свойски, потеряв милицейскую напыщенность, сказал Кочкин, – похоже, что это наш Волжский провалился в жуткое прошлое.

Подожёл Седенко и доложил:

– Всё в порядке.

Кочкин решительно встал, бросил недокуренную сигарету и скомандовал:

– Оружие за спину.

И пока его хлопцы убрали стволы, он обратился к Баркову:

– Константин Ефимович, блин буду, не поверят. Надо кого-то из твоих половцев забрать с собой и срочно ехать назад докладывать, а то рация не достаёт отсюда. Ведите меня к их вождю...

Примерно к часу ночи Паша, вернувшийся на родную волну, услышал вызов диспетчера. Он тут же включил передачу:

– Я сто семьдесят третий, я сто семьдесят третий, как слышите, прием?

И в ответ такое родное и милое:

– Я порт-43, я порт-43, сто семьдесят третий, доложите обстановку.

– Товарищ капитан! – крикнул Паша, выглянув из рубки, – порт на связи.

Рахметов, которому не спалось, в черном бушлате и черной зимней форменной шапке стоял на палубе и разглядывал в свете звезд темную воду с льдинами под ней. Вода явно прибывала. Услышав Пашу, он быстро поднялся в радиорубку и взял микрофон:

– Я 173-й, докладываю, баржа сидит на мели, личный состав не пострадал, повреждения баржи незначительные, вода в реке прибывает. Как поняли? Приём.

– Я порт-43, понял Вас хорошо. Воды нет ни в порту, ни перед плотиной. Сообщите, где находитесь.

– Местоположение неопределённо. Предполагаем: нас отнесло километров на двадцать-тридцать от порта.

– Вас понял, будьте на связи, и привет от Кошкиной.

У Рахметова отлегло от сердца. Он несколько повеселел, – порт жив, связь восстановлена, пропасть не дадут. И всё же, и всё же, произошло что-то невероятное.

– Иди, Паша, поспи, нужен будешь – позову.

– Есть, капитан, – улыбающийся радист вышел из рубки.

В час сорок снова в эфире раздался голос диспетчера порта:

– Я порт-43, вызываю 173-й, ответьте, приём.

– Я 173-й, на связи, – доложил Рахметов.

– Я порт-43, возможно, в радиусе действия вашей радиостанции находится милицейская машина, позывной «24». Попробуйте выйти с ней на связь и узнать, что с ними, а то мы их потеряли. Милицейская частота 1932 герца. Как поняли?

– Понял вас хорошо, ищу милицейскую машину на частоте 1932 герца. На время поиска ухожу с нашей волны, – принял команду Рахметов и тут же стал перестраиваться.

Услышав характерный шум в эфире и определив по шкале, что он у цели, Иван Кадырович включил передатчик:

– 24-й, 24-й, я 173-й, прошу ответить, – подождяв секунд 15, снова повторил, – 24-й, 24-й, я 173-й, прошу ответить, – и опять замолчал, вслушиваясь в эфир.

И тут в наушниках бухнуло:

– Я 24-й, я 24-й, кто такой 173-й? Приём.

– 173-й – это я, капитан баржи Рахметов. Сажу на мели недалеко от вас. Поскольку горотдел милиции потерял связь с вами, то просили через нас выяснить, как у вас дела, почему не отвечаете? Приём.

И уже другой голос:

– Я 24-й, капитан Кочкин, связь потеряна потому, что углубились на 30 километров от города, подождите минут пять, есть очень важная информация, а пока передайте, что Барковы и Карпенко живы и здоровы, вернутся с нами. Всё.

– Понял, через пять минут выйду на связь снова.

Рахметов перевёл радиостанцию на речпортовскую волну и передал диспетчеру свои переговоры с Кочкиным. Затем опять вернулся на милицейскую частоту:

– 24-й, я 173-й, на вашей волне жду информации. Как поняли? Приём.

И опять первый голос:

– Понял хорошо, ждите.

Прошло пять минут, шесть, восемь, десять. Рахметов уже хотел ещё раз вызвать 24-го, но в это время в микрофоне раздалось:

– Рахметов, это я, Кочкин, приготовь бумагу и ручку. Слышишь?

– Слышу отлично. Приготовил. Приём.

– Давай, Рахметов, записывай точно. Диктую медленно. Ничему не удивляйся. Готов?

– Готов, давай.

– «Нахожусь на территории, соответствующей весне 1224 года. Буду в городе через час. Доставлю половца, участника битвы на Калке 1223 года. Капитан Кочкин». Всё! Записал? Повтори.

Рахметов повторил текст и спросил:

– Кочкин, ты серьёзно?

– Серьёзней не бывает. Не думай, что у меня крыша поехала. Как передашь, сообщи. Жду на связи.

Рахметов передал в порт радиogramму.

– 173-й, это я, порт. У твоего Кочкина все на месте? Приём.

– Когда я сажу на мели посреди дубравы, а ты видишь вместо Волжского моря его дно, то у нас с тобой все на месте? Передай в горотдел и сообщи мне. Жду на связи.

Через пару минут в наушниках снова зазвучал голос диспетчера, но уже какой-то глухой, потерянный.

– 173-й, передал слово в слово. Это же жуть, если правда.

Рахметов, который за это время пытался переварить радиogramму Кочкина, как истинный капитан, всё, что ни происходило вокруг, примерял к своему кораблю.

Он вдруг ощутил жуткую опасность для него, неподвижно застрявшего в этом лесу тринадцатого века. Какие племена, какие орды бродят вокруг?!

– Порт-43, это опять я, 173-й, попроси горотдел, чтобы распорядились Кочкину оставить мне пару своих человек с оружием. Мне баржу с мукой на мели охранять нечем.

– Понял, 173-й. Жди на связи.

Через пару минут:

– 173-й, дежурный горотдела разрешил на усмотрение Кочкина. Как понял? Приём.

– Понял, и на том спасибо. Перестраиваюсь на милицейскую волну.

Кочкин с нетерпением ждал результатов передачи радиogramмы в горотдел. С помощью Баркова и, конечно, Карпенко, который кое-как переводил с ломанного старорусского Кэчтэна и обратно, капитану удалось уговорить Башкэча – направить Кэчтэна к «вэлыкому князу» большого города в качестве посла. Договорились, что Кэчтэн поедет не один, а с Кэчушем – юно-

шей, который завлекал в лес, подальше от родного стана неизвестный «авгол» (дом на колесах). Он же и сообщил своему роду о результатах разведки, о «группыче» (гром-копё – ружьё), о сильных и высоких людях из авгола, о том, что это, наверно, они своим группычем издавали далеко в степи те звуки, из-за которых он, Кэчуш, поскакал в разведку. Этот Кэчуш был последним и единственным сыном Башкэча, пятеро его братьев погибли, защищая ещё год назад многочисленный род Кэчев, и, как сын вождя, несмотря на свои 14 лет, храбро брался за любые опасные дела. Он просто жаждал отправиться в посольство со своим дядей Кэчтэном. Ему понравились эти люди, которые, не смотря на свою силу и группычи, очень уважительно говорили с его отцом. Даже этот боярин с четырьмя звездочками на каждом плече. Наверное, большой воин, главный дружинник в городе у русов. Дядя, правда, говорит, что у этих русов какая-то странная речь, похожая, но не такая, как у русычей, вместе с которыми тот воевал против татар – гибели половецкой.

Когда кэпытэн Кочкин предложил Кэчтэну ехать с ним, Башкэч сказал: «Надо ехать и сделать всё, чтобы эти сильные люди с их страшными группычами стали союзниками половец. И хотя большая часть половецких родов истреблена татарами полностью, а оставшиеся, как и кэчи, сильно уменьшились и рассыпались прочь от Дана и Итыля, всё же стоит тогда снова объединиться против татар. Всё это сильно воодушевило Кэчуша, и он рискнул попросить отца дать ему в дорогу свой щит, окованный медью с выбитой на нем лисой – главным божеством и символом Кэчев. Потом он достал свой длинный нож с оббитыми медью деревянными ножнами и подвесил их за кожаное кольцо к кожаному поясу.

Кэчтэн, кроме своего щита и меча на поясе, получил от Башкэча золотой медальон, размером с ладонь подростка. Он крепился к массивной цепи, которую Башкэч и повесил на грудь Кэчтэна. На медальоне красовался барельеф головы лисицы.

Кочкин с интересом смотрел на эти приготовления, когда в динамике рации раздался голос Рахметова:

– 24-й, как слышишь? Приём.

Кочкин взял в руки микрофон:

– Слушаю тебя, капитан.

– Твоя радиogramма из порта в горотдел передана дежурному, а у меня к тебе просьба: сможешь мне дать пару человек с оружием? Сам понимаешь, баржа с мукой на мели, беззащитная, а вокруг чёрте-чо. Дежурный горотдела добро дал. Приём.

– Кормить их будешь?

– А куда я денусь?

– Где находишься? Ракету дать можешь?

– Смогу, подожди минутку.

– Сейчас с баржи будет ракета; всем наблюдать, где взлетит, – приказал Кочкин своим.

Через полминуты, она, зелёная, вертикально взвилась в звёздное небо за лесом.

– Рахметов, вижу. Метров семьсот будет. Значит так, здесь половецкий стан, я ребят у них оставляю до утра с рацией. А утром ты сможешь за ними посудинку прислать? Приём.

– Смогу, спасибо. Значит, как рассветёт, пускай включаются, я с ними свяжусь и переправлю.

– Всё, держитесь до утра. Вызовешь братьев Седенко,

Положив микрофон, Кочкин обратился к двоим омовцам,

– Седенки, остаётесь здесь, рацию включите на рассвете – батарейки берегите. Вас вызовет капитан баржи. Задача: перебраться на ту посудину для охраны в распоряжение её капитана Рахметова. Ясно?

– Ясно, командир, – ответил за двоих Седенко-старший, – до утра отдыхать по очереди?

– Разумеется. Оружие и снаряжение из рук не выпускать, даже во сне.

– Понятно, командир.

- Как попадёте на борт, передайте по радио в порт, чтоб доложили дежурному.
- Есть.
- Карпенко, – позвал Романа Кочкин, – объясни половцам, что до утра с ними остаются двое наших ребят, а утром они переправятся на баржу, которая стоит тут на мели. Ракету видел?
- Видел.
- Ну вот, это с неё.
- Ясно, – Роман и вооружённые омовцы пошли к костру.

Полковник Жилин Виктор Борисович задержался на работе допоздна. Два года он возглавлял отдел внутренних дел города Волжского и все эти два года держал на особом контроле разработку трех крупных криминальных группировок, которые поделили между собой весь город. За два года слежки, сбора оперативной информации, в том числе и от внедрённых в эти банды сотрудников, было собрано достаточно материала, чтобы посадить почти всех членов этих банд. Неуязвимыми с точки зрения доказанных фактов оставались несколько человек, в том числе все трое главарей. И, тем не менее, он принял решение брать всех и добрать необходимые доказательства уже в ходе допросов, очных ставок и тому подобного.

Подождать бы ещё пару месяцев, но где-то из милицейских кабинетов произошла утечка информации. Бандиты что-то заподозрили и собрались в 10 утра на сходку. К полудню взяли всех – от сборщиков рэкетирского налога, транспортировщиков наркоты и фальшивой водки, до лидеров этих трёх группировок, и начались допросы, опознания... В общем, пошла рутинная работа по оформлению доказательств тех преступных фактов, которые были уже известны разработчикам, и выявлению новых. Пока всё шло как обычно, кто-то из бандитов скисал, кто-то вёл себя нагло, а кто-то изворачивался, прикидываясь паинькой. Только к полуночи заматанная следственная бригада собралась в его кабинете, отправив задержанных в переполненный следственный изолятор, в камеры, из которых загодя выпустили под подписку почти весь остальной подследственный контингент.

Жилин поблагодарил ребят за их тяжкий труд и отправил всех по домам до завтрашнего позднего утра, когда они должны были возобновить работу. Оставшись один, он включил радиоприемник на волне «Маяка» и под тихую музыку стал ещё раз прокручивать информацию сегодняшнего дня, чертя на листе бумаги кружочки и мягкие линии. Через несколько минут, когда «Подмосковные вечера» напомнили о наступающей полночи, он встал и пошёл к шкафу за тёплой милицейской кожанкой. Пора было домой – утро вечера мудренее. Надел куртку и пошёл к столу выключить радио, глядя на часы. Отставание с полминуты. Взялся подвести стрелку и тут звякнул стакан, стоящий вплотную к пустой бутылке из-под минеральной. Жилин насторожился. Радио замолкло. Он машинально стал прокручивать настройку – тишина. Не было ничего, ни на ФМ, ни на КВ, ни на СВ, ни своих, ни зарубежных. Эфир был пуст, как стриженная голова новобранца. Тревожное предчувствие чего-то неприятного охватило Жилина, стало обидно, как ребёнку, у которого отняли игрушку. «Сходил домой, называется», – подумал он и как-то особенно затосковал по тёплой своей постели с тёплой женой, по горячему свежесваренному чаю, который она непременно наливала ему, когда он приходил даже за полночь. Потух свет, причём потух сразу: и в кабинете, и за окном. Жилин тут же забыл о теплом доме. Он резко поднял трубку телефона – тишина мёртвая, положил её на место, на ощупь подошел к сейфу, на ощупь же его открыл и, пошарив на нижней полке, достал фонарик и огрызок свечи в блюде. Посветил и взял кобуру с Макаровым, не выключая фонаря, поставил блюдо на стол, надел ремень с кобурой и портупеей, взял фонарик и пошёл к выходу из кабинета.

Внизу в комнате дежурного в рации шумел, нет, громыхал эфир. Дежурный по горотделу старший лейтенант Иванов уже переключил радиостанцию на резервные аккумуляторы и при

свете фонаря пытался записывать информацию, но в эфир, перебивая друг друга, влезали то одни, то другие, Жилин вошёл в дежурку, взял из рук Иванова микрофон и решительным голосом приказал:

– Всем стоп. Объявляю режим радиомолчания. Запрещаю выходить на связь без моего вызова. Говорит полковник Жилин, повторяю: запрещаю выходить на связь без моего вызова.

Затем, отключившись от эфира, спросил Иванова:

– Все машины на выезде?

– Нет, три стоят возле отдела.

– Всех старших машин ко мне сюда.

Пока Иванов передавал команду сержанту, охраняющему вход в здание, Жилин просмотрел список радиоточек постов и патрульных машин с их позывными и начал с дальних постов:

– 11-й, я первый. Вопросы есть?

– Я 11-й, – это был пост на ГЭС со стороны Волгограда, – докладываю: перед плотиной с ревом уходит вода! Да уже ушла вода из Волжского моря, прекратился сброс воды из-под турбин. Погас свет на плотине. Исчезла опора на правом берегу, а провода право-центральной опоры свисают в воду. Исчезли огни на правом берегу, нет связи с волгоградским постом ДПС у монумента, и вообще телефон молчит. И ещё, какие-то ощущения... С правого берега веет какой-то жутью и холодом. Всё темно. У меня вроде все.

– 11-й, я первый, пост не покидай, жди подкрепления. И давай там без мистики. Всё. 12-й, докладывай.

– Я 12-й (пост на плотине со стороны Волжского), могу добавить к 11-му, что горят огни только на военном сторожевике и туристском теплоходе, которые вошли в шлюзы, и в канале перед шлюзом светится баржа. Всё.

В это время в дежурку вошли два лейтенанта и старшина – старшие трех машин.

– Веселов, – обратился Жилин к седоватому старшине, – ты на УАЗке?

– Так точно.

– Вдвоём с водителем?

– Нет, ещё сержант Бородин.

– Отлично, едешь на плотину, возьмешь 12-го, ну пост, что с нашей стороны, и вчетвером к посту у монумента. Свяжись там с областным дежурным. Доложишь, что мы без связи и света, и что-то с плотиной.

В это время тихонько щёлкнул телефон. Иванов поднял трубку: «Работает».

– Свяжись с Волгоградом, с дежурным по УВД, – приказал Жилин Иванову, а старшине, приподняв левую руку, сказал:

– Постой пока.

– Цыплавов, – уже обращаясь к молодому лейтенанту, – дуй в порт на своей БМВ, оценишь обстановку и назад, доложишь, что и как.

Зазвенел 02.

– Темнов, на телефон, принимай информацию, пока Иванов дозванивается.

– Товарищ полковник, по межгороду связи нет ни с кем. Вообще ни с кем, не только с Волгоградом. Телефонистка на 07 сама удивляется, а по коду сбрасывает, – доложил Иванов.

– Веселов, вперёд, – скомандовал Жилин и добавил в спину старшине, – потом без доклада с 11-го не уходи.

– Понял, – оглянулся Веселов и несуетливо, но быстро пошёл к выходу.

– Товарищ полковник, – Темнов положил трубку телефона 02, – на резервной подстанции в лаборатории инженерно-строительного, возле ТЭЦ-1 ЧП, и похоже убили человека.

– Всё, лети туда, – распорядился Жилин и опять в микрофон радиостанции, – 35-й, я первый, где находитесь?

– Я 35-й, нахожусь между 11-м и 16-м микрорайонами.

– Я первый, 35-й, направляйтесь на ТЭС-2 и выясните причину отсутствия света.

Жилин, не выпуская из рук микрофона, сдвинул фуражку на затылок. Принимая экстренные решения, направляя людей в тревожные точки, он не особенно вдумывался в происходящее. Как человек, уколовшись, сперва отдергивает руку, а потом разбирается, что там укололо, так и Жилин по привычке, выработанной всем опытом его работы, сначала реагировал на всю полученную им информацию машинально. Нет света, был сбой с телефонной связью, межгорода и сейчас нет, удивительное произошло на ГЭС... «Стоп!!! Ушла вода из Волжского моря! Не может быть! Но докладывали об этом оба поста. Исчезла опора на правом берегу, исчезли огни Волгограда и Ерзовки», – мысли Жилина уперлись во что-то сверхтревожное. Предчувствие опасности, выходящей за рамки обычного, нарастало.

– Иванов, – Жилин передал дежурному микрофон, – выясни обстановку на всех постах. В случае малейшей неясности или ещё чего-нибудь посылай туда патрульные машины на усиление.

– Есть, товарищ полковник.

Жилин снял фуражку, вытер невесть от каких мыслей появившуюся испарину на лбу своего широкого, несколько курного лица пятидесятилетнего мужчины, и взял телефонную трубку.

Через четверть часа он поднял с постели всех начальников отделов и командира ОМОНа, которому дал полчаса на сбор по тревоге своих орлов в горотделе, а всем остальным приказал собраться к часу в полном составе. Затем связался с заместителем главы администрации города Ярославцевым, позвонив к нему домой, и сообщил всё, что знал о происходящем на границах города и в порту. После связался с начальником ГОЧС. За это время Иванов доложил Жилину о ещё одном ЧП – пост ДПС за рабочим поселком сообщил об исчезновении дороги сразу за Средне-Ахтубинским перекрестком. Исчезла дорога на восток вместе с большей частью самого поселка. Иванов отправил туда патрульную машину.

В 0 часов 23 минуты вышел на связь старшина Веселов. Его доклад не вписывался ни в какие, самые пессимистические предположения. Старшина слыл самым невозмутимым сотрудником горотдела. Он сохранял спокойствие и свой ровный убаюкивающий баритон в самых отчаянных ситуациях. О его невозмутимости ходили анекдоты и легенды не только в городе, но и по области. Поэтому Жилин был крайне озадачен, услышав его взволнованный голос по телефону:

– Товарищ полковник, дороги за плотиной осталось только метров 20, не больше. Дальше стена дремучего леса. Лес в снегу. На машине не пробиться. Информация обоих постов подтверждается. Плотина молчит, воды в Волжском море нет, но она не ушла через плотину. В общем, ГЭС стоит.

– Веселов, оставайся там за старшего, а машину с одним водителем отправь сюда. Ждите ОМОН в подкрепление.

– Товарищ полковник, – обратился Иванов, дождавшись конца его разговора с Веселовым, – с поста на Погромный доложили об исчезновении дороги на север в 10-ти километрах от них. Сообщил водитель-дальнобойщик. Вместо дороги там появилась заснеженная степь. В эту степь поехали на Джипе в разведку три человека гражданских. Послал туда последнюю патрульную машину.

– Хорошо, – сказал Жилин и подумал; «Чего хорошего?»

Ситуация складывалась хуже некуда. Город, получалось, окружен каким-то снегом. Исчезли дороги, вода в водохранилище, свет... «О, легок на помине», – обрадовано подумал Жилин, потому что в это мгновение вспыхнуло освещение, и на душе немного отлегло. Позвонил 35-й прямо с ТЭС-2 и доложил, что на станции пропал газ. На остатках давления энергетики давали ток только непрерывным производствам, а сейчас они раскочегарили котел

на резервном мазуте. Газовики уже подняты и отправились проверять трассу на машине – связь на трассе пропала.

Жилин приказал ему возвращаться в горотдел, а Иванову поручил освобождающиеся патрульные все вызывать к горотделу.

Когда в час ночи ему позвонил Ярославцев и пригласил в горадминистрацию, Жилин уже разослал патрульные на Погромное-ЛПК, за химкомплекс, за новые микрорайоны, в сторону Средней Ахтубы, а капитана Кочкина на веселовском УАЗике за Барковым и Карпенко. Цель – усиление постов и разведка ситуации вокруг города.

Андрей Андреевич Ярославцев был заместителем главы администрации по коммунальному хозяйству города. После того, как к власти в городе пришли коммунисты, он был единственным замом, оставшимся на своем месте от прежней администрации. Дело он свое знал и исполнял отлично. Школов, новый глава администрации, который естественно потащил за собой членов своей партии, очень скоро беспомощно забуксовал с новой командой, ибо строить коммунизм дальше город, как и вся страна, уже не имел сил, а эффективно работать в условиях капиталистического рынка они не умели. Городу и так доставалось от учебы господ-товарищей, его лихорадило от забастовок, голодовок, митингов и пикетов бюджетников. В этих условиях добить своими соратниками ещё и коммунальное хозяйство Школов не решился и сперва оставил демократа Ярославцева на потом, а потом прошло уже почти два года, и последний из трех замов Школова так и работал.

Андрей Андреевич был сорокапятилетним немного лысоватым человеком чуть выше среднего роста с крупными добродушными чертами лица и синими глазами. Те, кто знал Ярославцева только в деле, считали его добродушную внешность весьма обманчивой. Он был очень жестким руководителем, но, правду сказать, никогда жестоким. Крайне редко кому-то помогал, используя служебное положение, но никогда не использовал его для себя. Прекрасно разбираться в технических, организационных и экономических мелочах ему помогали два его высших образования и опыт работы, как с техникой, так и с людьми. Ярославцев никогда не позволил бы себе занять должность, перебегая дорогу другому человеку, либо подсиживая кого-то. По всему этому он и пользовался уважением у всех, с кем работал. 15-го утром Школов вместе с директором Трубного улетел в Москву в командировку. Официально для согласования вопросов реструктуризации бюджетных долгов завода, а не официально – для субботнего совещания коммунистов о ходе предвыборной кампании в госдуму. Два его первых зама рванули вечером на охоту под Копьяр. Ярославцев же остался, так как его «епархия» проводила подключение домов к теплу, а тут надо было быть на чеку.

Всё шло без серьезных сбоев. Вылезали обычные в таких случаях казусы, которые устранялись по ходу без больших проблем. К вечеру оставалось подключить к теплу не больше 20% домов, но Ярославцев распорядился перенести эти работы на завтра – погода не склоняла к спешке, а любые дела лучше не делать, на ночь глядя. Согласовав с начальниками ЖЭУ количество людей и техники на 16-е, Ярославцев уже в восемь вечера был дома и, прокружившись с домашними делами и заботами, лег спать пораньше. В двенадцатом часу он уже был в постели и, приняв снотворное, так он называл минут 10, не больше, чтения любовных романов, уснул спокойным сном натрудившегося с пользой дела человека, чтобы до рассвета быть на ногах.

Жена Татьяна, работающая бухгалтером в филиале Русюгбанка, дождалась сыновей – 15-летнего Петра и 13-летнего Вовку, которые только в полдвенадцатого пришли со школьной дискотеки, скомандовала им водные процедуры и отбой, а сама села перед телевизором посмотреть только что начавшийся фильм. На лоджии сохла куча белья, которую успел развесить Андрюша. Завтра выходной. Предстояло переглядеть всю эту гору постиранного, а сейчас ей просто хотелось побыть одной, забыть обо всех заботах, о работе в банке и по дому и посмотреть американский детектив с хэппи-эндом. Когда уже затихли мальчишки, вдруг тихо

задребезжали окна, и зарябил телевизор – на экране всё пропало. Татьяна пробежала по всем каналам – тишина. «Что-то на телецентре», – подумала она, положила пульт на журнальный столик, встала с кресла и машинально пошла к окну на кухне, из которого было видно Мамаев курган, но там не просматривались габаритные огни телевышки, не видно было и освещённой мощными прожекторами статуи Родины-матери. Татьяна выключила свет и снова подошла к окну. Эффект тот же. Вдруг что-то случилось на улице, а вот – потухли фонари и освещение рынка справа через дорогу. Она вернулась в темноте в зал – не горел торшер, экран телевизора не светился. Щелкнула выключателем – света не было. В темноте, на ощупь сняла в коридоре с вешалки куртку, надела её на халат и вышла на лоджию. Пробравшись через висящее бельё к перилам, она, с высоты восьмого этажа увидела удивительную картину. Небо было звездное, но не просто звездное, оно было звездами усеяно и представляло собой просто сказочную красоту.

«Надо же, чтобы увидеть такую прелесть, оказывается надо просто отключить электричество», – подумала Татьяна и снова стала искать Мамаев курган с телевышкой. Глаза привыкали к темноте, а звезды горели очень ярко, и она вдруг с удивлением обнаружила, что на том берегу... лежит снег!? На горизонте выпуклым холмиком светлел Мамаев курган, вышки и статуи Родины-матери не было! Татьяна стукнула с силой ладонью по перилам. Ладонь обожгло – да, это не сон. Ещё раз взглянув за Волгу, она повернулась и вошла в квартиру...

– Андрей, Андрей, – тихонько будила мужа, присаживаясь на край кровати, – вставай.

Андрей открыл глаза и повернул заспанное лицо к жене.

– Что случилось? – спросил он, увидев её встревоженное лицо, освещенное бликами неровного пламени свечи.

– Андрюша, у меня крыша поехала или на самом деле Волгоград исчез.

Андрей спросонья, не особенно вникая в её слова, вдруг увидел, как прядь чёлки упала, закрыв левую бровь. Он убрал эту прядь в сторону, погладил пальцами её виски и с нежностью привлек её лицо к себе. Не успел Андрей поцеловать её губы, как Татьяна мягко отстранилась, встала, взяла подсвечник и сказала:

– Андрюша, вставай, одевайся. Я не знаю что, но произошло что-то ужасное. Вставай.

Андрею, наконец, передалась её тревога, он встал и спросил, натягивая домашнее трико:

– Что случилось? Света нету? Что там исчезло?

Татьяна протянула ему куртку:

– Пойдём на балкон, – так она звала лоджию.

Стоя на лоджии и выслушивая жену, озадаченный Ярославцев окончательно освободился ото сна.

– Знаешь, Танюша, это не похоже на общее помешательство, – проговорил он, задумчиво глядя за Волгу.

Он вдруг вспомнил, что в городе нет мэра и обоих его первых замов и что он по должности единственный, кто вправе принимать сейчас «пожарные» решения.

– Ладно, пошли, – сказал он, зевнув и окончательно проснувшись, – хватит тут мёрзнуть.

Умывшись холодной водой, Ярославцев стал одеваться на службу. Он не любил собирать информацию и руководить из квартиры. Как мог, оберегал свой дом от суеты своих дел. Поэтому-то Андрей спешил в свой кабинет. Телефонный звонок застал его уже обутым. Татьяна принесла ему аппарат в прихожую – звонил Жилин. Приняв информацию начальника милиции и пообещав ему позвонить из администрации, Ярославцев поцеловал жену и вышел из квартиры.

– Позвони, если что узнаешь, – попросила она, когда он выходил.

– Обязательно, ложись, поспи, – сказал он на прощанье, понимая, что долго не уснёт теперь его Татьяна.

До здания горадминистрации было полторы автобусные остановки. Ярославцев почти всегда ходил туда пешком, ему хорошо думалось во время таких пеших маршрутов, а сейчас ему позарез нужно было как раз хорошо подумать и переварить ошеломляющую информацию Жилина. Однако когда он стучал в уже освещённую дверь здания «мэрии», в голове ещё была каша, никаких решений не вырисовывалось.

Дежурный милиционер-охранник заглянул через стеклянную дверь и, узнав Ярославцева, тут же открыл её. Молодой рослый милиционер удивлённо поднял брови:

– Что-то случилось, Андрей Андреевич?

– А ты не знаешь? Вся милиция на ногах, небось ваш эфир гудит.

– Какой там эфир, уже два дня как наша старушка накрылась, докладывали всем, обещали заменить, но пока новой нет.

У охраны администрации стояла старая ламповая радиостанция, её постоянно чинили, а она постоянно давала сбои. Жилин всё отнекивался, у него не хватало раций на патрулей, а тут можно было и обойтись. Недавно ему удалось под проведение вчерашней операции выпросить несколько новых аппаратов в областном управлении и после ареста криминалитета он обещал администратору здания «мэрии» Василию Васильевичу Горину заменить старушку на новую японскую, да вот не успел...

– Ясно, – ответил охраннику Ярославцев и, уже поднимаясь по лестнице к себе в кабинет, добавил, – вызывай начальника караула и Горина, – остановился, – Горину скажи, пусть немедленно поднимает водителей, и чтобы обе машины стояли у подъезда по тревоге.

Войдя в свой кабинет, Ярославцев уже знал, что надо сделать в первую очередь. Не раздеваясь он позвонил секретарю Школова Марии Ивановне Дюжевой. Ответил сонный мужской голос: «Алё».

– Простите за поздний звонок, это говорит Ярославцев, пригласите, пожалуйста, Марию Ивановну.

– Послушайте, – раздражённый мужской голос заговорил уже жёстко, – Вы знаете, сколько времени?

– Знаю, – не менее жёстко перебил его Ярославцев, – и у меня его нет разжевывать вам причину. Немедленно дайте трубку Марии Ивановне.

– Я слушаю, – раздался недовольный голос Дюжевой.

– Извините за поздний звонок, Мария Ивановна, – твёрдо, ещё не остыв от жёсткого тона, сказал Ярославцев, – но вам сейчас срочно надо приехать в администрацию и ещё обзвоните и немедленно вызовите на работу весь секретариат, всех машинисток. Вы меня поняли?

– Андрей Андреевич, без 25-ти час, транспорт не ходит...

– Ловите такси, попутку, максимум через час я жду Вас на работе...

Ярославцев дал отбой и, покопавшись в справочнике, нашёл домашний телефон начальника службы ГОЧС, недавно назначенного молодого капитана Альтена Григория Альфредовича. Альтен ответил сразу. Он доложил, что в курсе – Жилин уже проинформировал, и сейчас он поднял свою команду и едет в порт. Там, кажется, нужна помощь. Ярославцев попросил его сразу же, после того как он определится в порту и организует работу, подъехать к нему.

– Понял, буду, – ответил Альтен и положил трубку, спеша к подъезду, где его уже ждал ЗИЛ-131 с командой. Следующим был дежурный по части учебного батальона. Узнав, с кем говорит, дежурный тут же соединил его с подполковником Кузнецовым Виктором Викторовичем. Тот уже прибыл в батальон, поднятый по тревоге по просьбе Жилина, и даже успел послать один взвод на машине в порт, в помощь Альтену, а отделение на БТР и тяжелую саперную машину сейчас отправлял на правый берег у ГЭС, чтобы разобраться с дорогой на Волгоград.

– Виктор Викторович, давайте подъезжайте-ка ко мне и захватите самую мощную радиостанцию, какая у Вас есть, и ещё: не пробивайтесь пока к Волгограду, похоже его там нет.

– Как нет? А где же он?

– А бог его знает. Приезжайте, будем разбираться, где что. Сейчас и Жилина приглашу, а разведку за плотиной все же пусть ваши ребята проведут.

– Ждите, буду.

Ярославцев снял куртку, спустился вниз к охраннику и взял ключи от кабинета Школова. Охранник доложил ему о том, что Горина и начальника караула он вызвал, а потом спросил:

– А что случилось-то, Андрей Андреевич?

– Не знаю толком, но что-то провалилось в тартарары, – помолчал и добавил, – похоже – это мы... Кто придёт, я в кабинете «мэра».

Поднявшись обратно и зайдя в кабинет к Школову, порылся у того в столе, достал ключ от сейфа, открыл его и извлек «секретку» – точную топографическую карту земель Волжского и части прилегающих к нему районов, развернул её и положил на широкий стол совещаний. Глянув на часы, которые показывали уже около часу ночи, позвонил Жилину, попросив его приехать и захватить обещанную рацию.

Потом отметил на карте сообщённые Жилиным точки, где пропали дороги, и появился снег, взял карандаш и линейку, которую использовал как циркуль, и путем нехитрых манипуляций нашел центр этих несчастий – лабораторию «Горхоза». Горхозом по старинке звали бывший институт инженеров городского хозяйства ныне инженерно-строительный. Подумав немного, он позвонил домой начальнику городского отдела ФСБ Гринёву Александру Беркетовичу. Трубку подняла его жена и сказала, что он ещё в полночь куда-то уехал. Ярославцев позвонил тому на работу – телефон молчал. Снова домой и, ещё раз извинившись, попросил его жену передать Гринёву, чтобы тот немедленно заехал или позвонил в горадминистрацию.

В коридоре раздались шаги, отчетливые в тишине пустого здания. В открытую дверь вошёл Жилин, за ним двое оперативников в штатском несли рацию. Ярославцев поздоровался со всеми, и пока оперативники устанавливали рядом с телефоном и подключали свой аппарат, он показал Жилину карту:

– Смотри сюда, Виктор Борисович, – и, ткнув пальцем в точку на карте, спросил, – не можешь сюда кого-нибудь послать?

Жилин посмотрел внимательно и, протянув ладонь к этой точке, ответил:

– Это же район ТЭЦ-1 и лаборатории горхоза. Там же Темнов. Сейчас.

– Оперативники уже подключили рацию, и Жилин взял микрофон:

– 32-й, 32-й, ответьте «мэру».

– Я 32-й, на связи.

– Я «мэр», где Темнов?

– Темнов в комнате охраны допрашивает свидетелей и подозреваемых.

– Передай ему, пусть немедленно позвонит 25-32-42. Как понял? Повтори.

– Я 32-й, срочно позвонить 25-32-42, иду выполнять.

Ярославцев сел наконец-то в кресло Школова и пригласил сестр Жилина с оперативниками.

– Да, Виктор Борисович, пошлите, пожалуйста, к охраннику за ключом от кабинета первого зама. Там радиотелефон, он пока Ваш.

– Саша, – распорядился Жилин, – одна нога здесь, другая там.

Один из оперативников сорвался из-за стола и быстро вышел из кабинета. «Уважают», – довольно отметил про себя Ярославцев и включил микрофон внешней связи зазвонившего телефона:

– Ярославцев слушает.

– Говорит Темнов, – раздалось в кабинете.

– Темнов, здесь исполняющий обязанности главы администрации города Ярославцев и полковник Жилин. Доложите обстановку.

– Какие-то экспериментаторы подключили машину времени что ли и напутали в проводах. В результате один погиб, другого увезли на скорой, а третий тут крутит хвостом. Да, здесь ФСБ, Гринёв и с ним двое, обнаружили склад с оружием, боеприпасами и кое-какой боевой техникой.

– Темнов, давай пулей всех подозреваемых в горадминистрацию, а Гринёву скажи, пусть мне срочно позвонит.

– Насчет подозреваемых, пусть подтвердит приказ полковник Жилин.

– Темнов, – Жилин наклонился к микрофону, – это я, Жилин, исполняй.

Дверь открылась, и вошёл подполковник Кузнецов, стройный, подтянутый, высокий, с правильными чертами лица – красавец мужчина. За ним вошёл оперативник Саша, принёс трубку переносного телефона и ключи от комнаты первого зама.

– Здравия желаю, – козырнул Кузнецов.

– Присаживайтесь, Виктор Викторович, – показал на стул Ярославцев.

– Передвижная радиостанция здесь, Андрей Андреич, – доложил подполковник, – антенну разворачивать?

– Не надо, подключитесь к нашей, – Ярославцев повернулся к Жилину, – Ваши ребята помогут?

– Конечно. Давайте, хлопцы, там, на охране, есть ещё один ввод.

– Знаем, – сказал Саша, – и оперативники ушли.

Позвонил Гринёв. Он сообщил, что огромный ангар доверху набит ящиками с патронами и снарядами к 27-миллиметровой пушке, а возле ангара стоит БМД-3 и две емкости с соляркой, всего тонн на 40. У входа в ангар, в яме, вырытой наклоном к северу, на глубине 3-х метров, лежит свинцовый цилиндр с метр в диаметре и 2,5 метра высотой и от него тянется кабель к подстанциям.

– Нужна срочная усиленная охрана этого склада.

– Понял, Александр Беркетович, охрана будет. Оставь там пока своих людей, а сам срочно сюда, в администрацию. Виктор Викторович, надо послать взвод солдат караулить этот склад.

– Надо значит надо, – сказал Кузнецов и, взяв трубку у Жилина, набрал телефон своего дежурного и отдал распоряжение.

К двум часам в здании администрации сидели на своих местах секретарши и обзванивали город, вызывая на работу немедленно весь административный аппарат, а две машины мотались по городу, этот аппарат собирая.

В кабинете «мэра», у Ярославцева собрались Жилин, Кузнецов, Гринёв, Альтен и военный комиссар полковник Зубов Георгий Валентинович. Допросив здесь же в кабинете задержанных группой Темнова, выяснили следующую картину произошедшего:

1. Неизвестный гражданин, двое задержанных знали его только как Сёма, изобрёл машину времени. Для этого он использовал ядерный взрыв, вся энергия которого в его конструкции превращалась в энергию временного поля. Часть этой энергии тратилась на изоляцию сферы, в которой находились люди, не изменяющие своего пребывания во времени, а другая часть материализовала в нынешнее из прошедшего времени Землю, Луну и Солнце на заданное время из прошлого.

При этом происходила рокировка защищённой сферы с такой же сферой земли из прошлого. Значит, в один час ночи 16-го октября 1940-го года – куда они собирались попасть – в голой степи возник бы ангар вместе с ними и со всем, что находилось в пределах этой небольшой, радиусом 100 метров, сферы, а на земле 1999 года в это же время вместо них появился бы кусок степи образца 1940 года.

В пространстве эта материализация прошлого в настоящее могла происходить двумя вариантами. Первый: земля 1940 года материализовалась там, где она была 59 лет назад, но этот

вариант предусматривал постоянство пространства, в чем Сёма сильно сомневался, но на всякий случай в поле материализации включил Солнце, благо энергии было достаточно. Второй: Самое большое по массе вещество, попавшее в сферу поля, материализовалось вместе со всем, что в этом поле было в точке, симметричной оси пространственного движения этого тела, то есть Солнце с Землёю попадало на противоположный конец галактики.

2. Пять человек, имевших доступ к огромным, не своим, деньгам, клюнули на это предложение Сёмы. Все они были нацистами из национал-коммунистической группы. Они поставили цель – вернуться на 59 лет назад в осень 1940 года и повернуть историю иначе. Для этого они собрали на арендованном у «горхоза» ангаре два комплекта видеотехники (один в резерве) и видеокассеты о катастрофическом для СССР начале войны 22-го июня 1941 года, а также всё это, обнаруженное Гринёвым, вооружение.

Тактика их действий была проста, топорна и тупа до безумия: захватить Берию, привести его в глухое место и там показать все эти видеоматериалы, ошеломить суперсовременной техникой, показать действительно реальные направления развития техники от генетики до кибернетики и ядерной физики. Потом отпустить Берию и через него выйти на Сталина, чтобы всей мощью Красной армии ударить по немцам утром 21 июня 1941-го года, захватить всю Европу, освобождая её от Гитлера, потом, используя ресурсы Европы, захватить всю Азию и Африку, освобождая их от колониализма и японского милитаризма. Последним этапом был захват поставленной на колени Америки. Таким образом завершить мировую революцию, добиться цели, обозначенной в Декларации об образовании СССР – Создать Всемирную Советскую Социалистическую Республику.

Потом, уже, создав мощный космический флот, вернуться на грешную Землю и завоевать её народы, обратив их в правоверную советскую социалистическую веру.

Специальное устройство внутри Сёминой бомбы распределяло энергию, точно дозируя её на срок – 59 лет и на сферу рокировки – радиус 100 метров. Остальная часть энергии создавала то самое временное пространственное поле в виде широкого конуса с округлой вершиной. В эту вершину попадали Земля с Луной, а основание конуса с большим запасом захватывало Солнце.

Включение прибора намечалось на час ночи 16 октября, когда Солнце стояло в зените на противоположной стороне Земли. Общий сбор был намечен на ноль часов сорок минут, но они с Сёмой приехали на место около двенадцати. Сёма хотел лично проверить ещё раз все соединения для включения электричества. Когда он спустился к своей «бомбе», проверяя клеммы подсоединения кабеля, ударил мощный электрический разряд, убив Сёму и взорвав клеммы.

3. Электрик лаборатории, за хорошую оплату подсоединивший вечером пятнадцатого прибор Сёмы, протащил кабель от рубильника на 220 вольт, который стоял на выходе из основной подстанции, к резервной, через неё, дальше по двору лаборатории и оказалось, что не хватило всего около метра до самого прибора. Искать еще кусок был негде, некогда, да и неохота. Всего-то заказчики просили подключить до утра. Шины высокой стороны резервной подстанции тянулись на четыре метра, и этот лодырь обрезал кабель и подсоединил его обрезанные концы к этим шинам («все равно не включены, а завтра утром отсоединю и сниму»). Потом он подсоединил прибор и уехал домой, чтобы вернуться к пол-первого ночи и, сверив часы с заказчиками, ровно в час подать напряжение, включив рубильник за 300 метров от эксперимента.

4. В 10 вечера 15-го октября проректор инженерно-строительного института по хозяйственной части позвонил главному энергетiku института домой и поинтересовался, подключил ли он новую локальную теплоустановку в лаборатории.

– Нет, – ответил энергетик, – некогда было. Завтра подключу.

– Что ты меня завтраками кормишь? Тебе было задание подключить 15-го?

– Было, но на улице потеплело же, а у меня куча согласований с энергонадзором, весь день кружился.

– Не знаю, как хочешь, но чтобы сегодня до полуночи всё работало!

– Сейчас поеду и ровно в 24 ноль-ноль подключу.

– Не язви, а чтобы сегодня же до нуля часов подключил! Всё! – проректор бросил трубку.

Матерясь и чертыхаясь, кляня, на чем свет стоит, проректора, институт и все детали безвинной локальной сети, энергетик стал названивать домой электрику лаборатории, думая: «Я тебе, господин проректор, подключу ровно в ноль-ноль, подниму с постели и доложу в час ночи». Электрика дома не оказалось, дочка передала, что «он сказал, что задержится на работе».

Взбешённый энергетик оделся, взял ключи от машины и поехал в лабораторию, где электрика уже и след простыл.

Самостоятельно осмотрев новый вихревой нагреватель и проверив давление в системе отопления (все было нормально), энергетик проверил подсоединение электрической части и ахнул – двигатель вихревого подогревателя был подключен к резервной подстанции. Позавчера монтажники закончили все работы и доложили об этом. Сам он проверить не мог, просил проследить этого «змея» электрика...

«Бездельник, мать... Распи... его в душу. Выгоню к...», – матерился про себя отчаянно обозлённый на весь белый свет энергетик и пинал ни в чём не повинный двигатель. Наконец, немного остыв, решил отомстить всему свету личной точностью: «Ну, гады, ноль-ноль так ноль-ноль». Глянул на свои старые электронные часы. Они у него отставали на три секунды в неделю. Сегодня утром по сигналу точного времени энергетик поставил их на 10 секунд вперед.

– На десятой секунде и включу, – крикнул он электродвигателю и еще раз пнул его ногой. Однако, устыдившись за свой срыв, немного успокоился и пошёл надевать резиновые перчатки. Зайдя в подстанцию, он включил свет, но единственная из четырех целая лампочка лопнула и погасла. Энергетик задохнулся и только удивлённо выдавил: «Твою мать, ну что за бл-во». Потом открыл пошире входную дверь, чтобы свет хоть как-то проникал в подстанцию, пошёл в основную, достал там дежурный фонарик и вернулся к автомату на резервной. Подсвечивая фонариком, следил, как мелькают секунды, и ровно на десятой щелкнул автоматом, послав 10 киловольт на трансформаторы, но тут что-то вспыхнуло с треском в левом углу и тут же выбило автомат. «Ну что ещё?!» – в отчаянии подумал энергетик, посветил на край шин и увидел невесть откуда взявшиеся обгоревшие концы кабеля...

Итак, выяснив вкратце всю эту информацию, совещание отпустило задержанных под конвоем в СИЗО, и все столпились над картой. Жилин расставлял границы снежного поля, разведанные его патрулями. Все правильно, получалось кольцо с центром в лаборатории. Зазвонил жилинский телефон.

– Да, – ответил он и стал быстро записывать радиogramму Кочкина.

Потом отключил телефон, положил его на стол и прочитал радиogramму ровным без эмоций голосом. Все молча сели на свои места и посмотрели на Ярославцева, только Кузнецов каким-то глухим голосом проговорил: «Ни хрена себе сходил за хлебом».

У Ярославцева зануло под ложечкой, он закрыл глаза, провёл по лицу ладонями, легонько стукнул по столу и сказал:

– Подведем итоги. Первое: в лаборатории горхоза рехнувшиеся на идее авантюристы и гениальный изобретатель подключили машину времени. Второе: замороженный энергетик, благодаря своему разгильдяю электрику, послал в эту машину нерасчетливо большой заряд электричества. Там что-то немного нарушилось, в результате радиус рокировочной сферы уве-

личился со ста расчетных метров до 14 километров, а время материализации прошлого с 59-ти лет увеличилось до семисот семидесяти пяти.

– Похоже, – продолжал он, – что временное поле в результате такого перераспределения энергии сильно уменьшилось и не затронуло Солнца. Я сегодня наблюдал звездное небо, видимых изменений нет. Следовательно, сработал второй вариант материализации, и мы находимся на противоположной от современной Земли стороне Солнца.

– Так или иначе, а ситуация критическая. Резервного запаса мазута на ТЭС хватит только на месяц. Водохранилище же будет наполняться... бог его знает сколько. Надо с гидрологами поговорить. Насколько я знаю, запасов зерна и муки в город успели завести пока только на 4 месяца. Всего остального продовольствия примерно на месяц. Думаю, если не предпринять жестких и необычных мер, с утра начнется паника, город будет неуправляем и погибнет быстрее Атлантиды.

– Уже сейчас те, кто успел хоть немного узнать о ситуации, сообщают её всем знакомым и родным, пытаясь самостоятельно выбраться из неё живым и с минимальными потерями. Надо немедленно принимать меры. Какие будут предложения? – спросил Ярославцев, оглядев присутствующих.

По его твердому тону ощущалось, что у него уже рождалось решение.

– Мои посты сразу закрыли доступ транспорта к границам снежного поля, назовем его так, – доложил Жилин и добавил, – считаю необходимым ввести жёсткое распределение продуктов и взять под охрану продовольственные объекты города. У меня пока всё.

– Разрешите? – вступил в разговор Кузнецов, – учитывая, что вокруг нас племена диких и агрессивных степняков, нужно срочно организовать оборону города. Моего батальона не хватит, надо проводить мобилизацию.

Альтен, посмотрев на Жилина и Кузнецова, поднял руку, как школьник, и сказал:

– Предлагаю официально ввести в городе чрезвычайное положение и немедленно.

– Нужно создать Совет обороны с широкими полномочиями, добавил Зубов.

– У Вас есть мобилизационный план? – спросил Ярославцев.

– Есть, старый, – ответил Зубов, – на развертывание мотопехотной дивизии в Волгограде. Мы должны в течение трех часов собрать и отправить в Прудбой на её формирование личный состав двух батальонов.

– Виктор Викторович, сколько у Вас на складе обмундирования? – спросил Ярославцев у Кузнецова.

– Недавно завезли для будущего пополнения батальона, наших-то курсантов выпускаем через неделю, то есть должны были выпустить в войска, – мрачно добавил Кузнецов, – а свободного оружия наберу человек на сто восемьдесят.

– А у Вас, Виктор Борисович?

– Обмундирования человек на 30, а свободного оружия, вместе с конфискованным у преступников, сотни две стволов наберем.

– Еще и склад в лаборатории, – добавил Ярославцев и предложил: – Будем считать наше совещание пока не утвержденным Советом обороны, а я, значит, его председатель. Нет возражений?

Все закивали головами, напряжение на лицах ослабло.

– Возражений нет, – подытожил реакцию присутствующих Кузнецов.

– Ну и ладно, первым заместителем я назначаю Виктора Борисовича Жилина. А теперь наши действия. Георгий Валентинович, прямо сейчас едете к себе и по тревоге проводите мобилизацию. Соберите один полнокровный батальон и бегом отправьте его к Кузнецову. В четыре часа прошу вернуться сюда с предложениями по всеобщей мобилизации для строительства укреплений вокруг города. Вопросы есть?

– Техника будет?

– Техники, скорее всего, не будет, ей нужно горючее, а на всей нашей земле сейчас нет ни одной нефтяной скважины.

– Понял. Разрешите идти?

– Да. Григорий Альфредович, – Ярославцев уже обращался к Альтену, – вот Вам ключ от моего кабинета. Вызывайте всех руководителей непрерывных производств и дайте им срок до восьми утра остановить заводы. С этого времени электричества и тепла им поставлять уже не будут. Кстати, передайте им, что в пять утра здесь, в актовом зале будет экстренное совещание всех руководителей предприятий. Директору ТЭЦ-1 скажите, чтобы в восемь утра остановился, а потом поедете на ТЭС-2 и с ее директором согласуете минимальную мощность, которую он может дать коммунальному хозяйству и городу при режиме жесточайшей экономии топлива. Понятно?

– Понятно, – сказал Альтен, взяв ключи у Ярославцева.

– Виктор Борисович, отправьте всех своих сотрудников, весь ОМОН, всех постовых, участковых, следователей... В общем, всех-всех на охрану автозаправок, складов с горючим, продовольственных баз, складов, магазинов и киосков – всё опечатать и вскрывать только по Вашему разрешению. Город на осадном положении и Вы назначаетесь военным комендантом, а командовать внешней обороной будет Виктор Викторович, ему передайте все свои 200 свободных единиц оружия.

– Ясно.

– Ну, с богом.

Жилин ушёл, а вышедший из-за своего стола Ярославцев подошёл к карте, и вместе с Кузнецовым и Гринёвым стали определять места постов и оборонительных сооружений вокруг города. Решили, учитывая условия раннего средневековья лучше всего всё-таки вырыть вокруг города ров и насыпать вал. Расчертили план оборонительного обвода – от Волги, у лесопромышленного комбината (ЛПК), к заводу органического синтеза (ЗОС), далее на восток и, захватив дачи и посёлок Звездный, по прямой на юг-юго-запад к среднеахтубинскому перекрестку и к реке Ахтуба. Получалось около сорока километров. На выезде на правый берег Волги, у плотины, решили построить из стоящего там леса настоящие крепостные стены.

Кроме существующих внешних постов посчитали необходимым поставить еще пять и наладить пешее патрулирование внешнего обвода.

Кузнецов уехал выводить свой батальон на рубежи обороны и встречать пополнение – командовать «Российской Армией», как сказал ему Ярославцев, пожелав удачи. Потом, вызвал Дюжеву, и поручил ей новое задание: вызвать всех депутатов городской думы на 4 часа, директоров предприятий или их замов на 5 и немедленно к нему, как наконец появится, заведующую торговым отделом.

Отпустив Дюжеву сел напротив Гринёва:

– Ну как, «начальник тайной полиции»?

Гринёв усмехнулся:

– Тяжело вам придётся.

– Да уж, как придётся. Знаете, Александр Беркетович, что я хотел бы вас попросить? Всё-таки ФСБ и внешняя разведка всегда работали рядом.

– Вы хотите, чтобы я организовал внешнюю стратегическую разведку?

– Не только. Через несколько дней, когда устоится наше новое существование, надо будет организовать несколько посольств: в Киев, Владимир, Новгород, Византию, на юг и восток, да и на север к Волжским булгарам, они, кажется, разгромили в прошлом году монголо-татар. В общем, надо провести предварительную консультацию с историками, покопаться в литературе, чтобы как можно лучше представлять мир 1224 года, подобрать людей. «Посольский приказ» вам в руки. Включим его пока в состав вашей службы, тем более, что вопросы приёма ответных посольств и службы контрразведки соприкасаются. Сейчас вы, знаете что? Забирайте

гостиницу «Волжская» в полное распоряжение, встретьте, как дорогого гостя, половца, которого везут ребята Жилина, побеседуйте с ним. Ладно? А к пяти часам его сюда.

– Нет возражений.

– Вот и хорошо, Александр Беркетович.

Ярославцев остался один и стал писать обращение к жителям города, затем постановление Совета обороны. Он спешил успеть к четырём часам. За это время его прерывали дважды. Первый раз позвонил Альтен – директор ТЭС отказывается выполнять распоряжение об отключении заводов, требуя письменного приказа от губернатора области.

– У тебя есть оружие и люди с собой? – спросил Ярославцев.

– Газовый пистолет, а люди мои все в порту спасают корабли из ила.

– Сможешь его арестовать и назначить на его место начальника смены?

– Смогу, – решительно и зло ответил Альтен.

– Тогда дай ему трубку и, если после разговора со мной он будет артачиться, действуй!

После минутной паузы раздался голос Зарубина – директора ТЭС.

– Алё, слушаю Вас, Андрей Андреевич.

Ярославцев хорошо и давно знал Зарубина. Ещё учились вместе на инженеров-теплотехников. Если тот закусит удила, а этому особенно благоприятствовали студенческие пирушки, то только получив, наконец, в лоб, он успокаивался и приходил в норму.

– Станислав Сергеевич, послушай, дорогой, и уясни до конца, что нет ни Волгограда, ни Москвы, ни правительства, ни губернаторов. Вся Россия – это наш город. Ты меня знаешь?

– Знаю, – ещё бы он не знал «Ярова Славу», этой, ещё давней студенческой кличкой его звали между собой и руководители предприятий города, так или иначе сталкивавшиеся с ним.

– Так вот, я волею судьбы сейчас возглавляю это государство, и если ты немедленно не выполнишь распоряжение члена Совета обороны, я не поставлю тебя к стенке, осажденному городу дороги патроны, я отправлю тебя через трибунал под охраной ребят с автоматами сутками рыть оборонительные укрепления, пока не загнёшься! Понял!!?

– Понял.

– Вперёд! – Ярославцев бросил трубку.

Зарубин сегодня был поднят в начале первого начальником смены, который доложил о пропаже газа и предпринимаемых мерах. Он тут же вскочил с постели и через полчаса уже был на работе, застав отъезжающую милицейскую машину. Ознакомившись с обстановкой, сел на телефон давить на газовиков. Когда в половине второго ночи стало ясно, что пропала газовая магистраль с севера и что там, в двух метрах от газовой подстанции, начиналась от среза трубы заснеженная, абсолютно пустая степь, он подумал, что над ним шутят. Рассвирепев, стал искать начальника газовой службы, но того нигде не было; позвонил на всякий случай в приемную администрации города. На удивление, ему ответила Дюжева, но сказала, что Ярославцев занят – в кабинете Школова проводит какое-то важное совещание. Тогда Зарубин несколько успокоился, раз Администрация на ногах, значит, меры примут и газ найдут. Он даже прилёг поспать на диване в кабинете, наказав начальнику смены разбудить его, если появится что-то новое.

И вот в три часа ночи его будит какой-то молодой капитан, плетёт какие-то сказки о машине времени и приказывает прекратить подачу электричества на все предприятия города с 8-ми часов утра.

Зарубин взорвался. Знает ли этот молокосос, что подобные распоряжения согласуются с губернатором области, что надо это согласовать с руководством левобережных сетей. Короче, Зарубина понесло. Альтен, спокойно пытающийся вразумить директора ТЭС, распалял его ещё больше, в конце концов, он пообещал вышвырнуть этого капитана, если тот немедленно

не уйдет сам. Альтен вышел из его кабинета и от начальника смены позвонил Ярославцеву. Туда же, к телефону, он и пригласил Зарубина, появившись у него неожиданно снова...

– Пиши официальное распоряжение и подпишешься: «Член Совета обороны такой-то», – пробормотал, положив трубку, Зарубин.

В половине четвертого появилась наконец-то заведующая торговым отделом Седенко Наталья Петровна, сорокатрёхлетняя женщина. На вид ей трудно было дать даже сорок. Стройная, красивая до недоступности, она была вдовой одного из летчиков, лечившихся в Будёновске и расстрелянных Басаевым, захватившим там больницу и роддом. Два её сына, Николай и Сергей, погодки, один за другим отслужили в ВДВ. Последний, Сергей, вернулся из армии только полгода назад и поступил, вслед за братом, служить в ОМОН. Они в тайне ото всех, тем более от матери поклялись друг другу захватить, судить и расстрелять Басаева, как преступника, поскольку месть – это не по-христиански, а те, кто должен был его судить, не судили. Теперь им надо было дожидаться совместного отпуска, чтобы попробовать достичь своей цели. Наталья Петровна материнским сердцем догадывалась, что неспроста её сыновья так рьяно принялись изучать солдатские науки и чеченский язык, но не знала, как им помешать и не пыталась этого делать.

– Что-то вы долго, – попенял Ярославцев, встав и предложив ей стул.

– Так автобусы не ходят, я пешком. Пока дошла. На ночном такси с моей зарплатой не наездишься.

– Да уж верно, – сказал Ярославцев, присаживаясь сам.

Он немного знал Седенко, но то, что знал о её честном и открытом характере, о её большом опыте работы в общественном питании и оптовой торговле продовольствием, давало ему надежду на правильность его решения.

– Наталья Петровна, я хочу вам поручить очень важное дело.

Он вкратце, не вдаваясь в подробности, обрисовал ей сложившуюся ситуацию и рассказал об уже принятых мерах.

Седенко слушала, опустив голову, изредка бросая взгляд на Ярославцева, пытаясь оценить по выражению лица, тону голоса, насколько, волею судьбы оказавшись во главе большого города, этот человек способен им управлять. До сих пор она знала его по выступлениям на разных совещаниях, да по отзывам непосредственно работавших с ним людей. Тревога на её душе возникла, когда ещё в первом часу ночи были подняты с постели оба её сына, она постоянно нарастала всю эту ночь от обрывков самых невероятных слухов и возросла почти до паники, когда Дюжева подтвердила ей кошмарную реальность. Сейчас эта тревога исчезла. Седенко вдруг стало спокойно оттого, что всю ночь на ногах вся милиция, что город берут под охрану военные, что у Ярославцева уже есть какой-то план действий и что город просто в крепких руках этого мужчины. Когда Ярославцев закончил говорить, она спросила:

– Что я-то смогу сделать со своим отделом из двух инспекторов?

– Вам, Наталья Петровна, предстоит встать во главе материального обеспечения населения осажденного города и всех его учреждений. Первый этап: необходимо сегодня до 12-ти часов дня переписать все продовольственные товары, которые находятся в магазинах, киосках, торговых точках, базах и складах города. Второй этап: организовать питание всего населения по типу полевых кухонь и в столовых не позднее утра семнадцатого, то есть завтра, а сегодня, я думаю, где-то во второй половине дня, комендант города и командующий внешним кольцом обороны, дадут вам количество людей и пунктов питания. И, наконец, третий этап: переписать все непродовольственные товары. Самое главное, что все – и продовольственные, и непродовольственные товары изымаются у их владельцев по накладной в долг, то есть не конфискуются, а, скажем, реквизируются на нужды города. В дальнейшем товары будут либо возвращены владельцам, либо те получают денежную компенсацию. Теперь о ваших людях, – Яро-

славцев кивнул, заметив попытку Седенко что-то сказать, – кроме Марии Ивановны, и еще двух секретарей весь остальной аппарат администрации передаётся в Ваше распоряжение на 24 часа в сутки. Ещё в Ваше распоряжение мобилизуется аппарат всех банков города, вся налоговая и торговая инспекции, и посмотрим, кого ещё можно будет передать Вам. В общем, учёт и распределение продовольствия по типу «военного коммунизма» на срок, может быть, несколько месяцев. Задача ясна?

– Не совсем. А зачем нужны непродовольственные товары?

– Пока не знаю точно, но в условиях, когда в наш город прекращено поступление ткани и обуви, бумаги и спичек и тысячи других вещей, и, пока, мы что-то, не начнём делать сами, а что-то, закупать у окружающего нас мира, мы не можем дать этим товарам исчезнуть в одночасье.

– Тогда надо проверить и склады готовой продукции предприятий.

– Правильно, в первую очередь пищевых.

– Понятно.

– Тогда приступайте немедленно. Горин поможет вам собрать весь аппарат администрации. В четыре зайдите сюда, я представлю Вас Совету обороны. К десяти часам представите мне план ваших действий. Всё, можете идти...

В четыре часа утра в кабинете у Ярославцева собрались члены Совета обороны. После представления им Седенко в её новом качестве, они, вместе с Председателем Думы, прошли в зал заседаний, где собрались члены городской думы.

Председатель Думы, Сафонов Николай Степанович, был уже подробно проинформирован Жилиным о ситуации, в которую попал город, и о действиях Ярославцева, и уже успел рассказать думцам вкратце об этом. Удивительное дело, но его почему-то больше волновало не то, что предпримет Ярославцев для спасения города, а то, что будет с Думой. Когда в зал входили и рассаживались в первом ряду силовики и Седенко, Сафонову на секунду показалось, что решительно идущий за ними Ярославцев сейчас взойдет на трибуну и объявит о роспуске Думы до лучших времен, о переходе всей власти в руки Совета обороны, о диктатуре этого Совета, а значит о диктатуре Ярославцева в городе, о расстрельных мерах по созданию жесткой дисциплины и мертвящего порядка. Но Ярославцев сел в первом ряду, рядом с Жилиным и мягко попросил Сафопова дать ему 20 минут для экстренного сообщения. Тревога Сафопова поутихла, но не отстала. Он открыл экстренное заседание Думы и сообщил, что депутаты вызваны из-за чрезвычайной ситуации, в которую попал город сегодня ночью. Затем предоставил слово для подробного сообщения об этом Ярославцеву.

Председатель Совета обороны поднялся на трибуну и оглядел зал. Перед ним сидели 24 человека, избранных населением города. Взглянув на эти такие разные лица, он обнаружил отсутствие объединявшего их прежде выражения уверенности в себе, которую им придавало ощущение поддержки тысяч людей, проголосовавших за них на выборах. Сейчас, среди депутатов, были разлиты тревога и абсолютная неопределенность положения города и их собственного. Прежде, когда от их решений зависело многое, они в спорах, столкновениях взглядов и мнений медленно, но, в основном, верно принимали эти решения. Сейчас же не было времени на обсуждения. Ситуация катастрофическая, требующая принятия любых решений, но мгновенно, ибо в таких случаях не совсем верные действия всегда лучше их отсутствия. Сейчас у Ярославцева было два пути. Самый простой: приостановить существование Думы на неопределенный срок, а может и навсегда, объявить городу, что ради спасения его жителей от хаоса, паники и гибели, Ярославцев всю власть принимает на себя, а Совет обороны, как совещательный орган, призван помогать ему. Однако этот путь привел бы к возникновению подпольной оппозиции каждому его решению, даже безошибочному на все сто процентов. Далее пойдут репрессии к недовольным его действиями, а кончится всё это мертвящей

дисциплиной, доносами и развращением общества любовью каждого к непогрешимому Ярославцеву. А уж потом, в этой драконовской системе, каждый новый дракон будет смешивать с грязью память о драконе предшествующем.

Ярославцев был странным демократом. Он терпеть не мог словоблудия демократических тусовок. За всё время с 1990 года он искренне и убежденно участвовал в деятельности разных демократических партий и движений, но ни в одной из них он не нашел «умения хотеть». Этим «неумением хотеть» объяснял, любимый Ярославцевым А. В. Суворов поражения австрийской армии от французов в конце XVIII века. В конце концов, он охладел к политической возне, но в душе оставался антикоммунистом. Он был ярким противником искусственного равенства между работающим и ответственным человеком и разгильдяем, а то и просто наплевистом, неважно, в какой области эти люди работали. Кроме того, было естественное неравенство между людьми по уму, темпераменту, физическим данным, наконец, по накопленному, а не пропитому и растраниженному богатству, переданному потомкам. Поэтому он не собирался жёсткую политику «военного коммунизма» превращать в трамплин для собственного диктаторства. Гораздо больше он рассчитывал на деловую инициативу свободных людей, способных ради собственных амбиций и благополучия вытащить из тяжелого положения весь город – то, что осталось от России 1999-го на этой земле 1224-го года...

Так что Ярославцев, по своей натуре человек честолюбивый и не желавший, чтобы о нём шла дурная слава даже у потомков, решил избрать второй вариант.

Он безо всяких предисловий зачитал депутатам проект обращения к гражданам города Волжского. В начале обращения вкратце сообщалось о положении, в котором оказался город с пригородами, затем в городе объявлялось чрезвычайное военное положение. Всё население с 16-летнего возраста объявлялось мобилизованным на защиту города с оружием и с лопатами на строительство оборонительных сооружений. Вся власть в городе сроком на один месяц передавалась Совету обороны под председательством и.о. главы администрации Ярославцева. На время чрезвычайного положения отменялось хождение всяких денежных знаков, а прежние деньги объявлялись ничтожными. Все продовольственные и промышленные товары объявлялись реквизированными Советом обороны с последующим возвращением их владельцам или выплатой компенсации за них.

Заканчивалось обращение следующими словами: «Россияне, сегодня мы, оторванные от нашей большой Родины, просто обязаны сохранить присущие нашему народу во все века силу духа, терпение и стойкость. Только все вместе мы сможем защитить и сохранить наш город, наши семьи, наших детей и наше будущее от трагической развязки. Да поможет нам Бог и наша воля к жизни».

И не давая депутатам опомниться, Ярославцев зачитал им проект постановления о создании Совета обороны. Кроме уже названных и работающих всю ночь Жилина, Кузнецова, Гринёва, Альтена, Зубова и Седенко, он предложил ввести в его состав председателя думы Сафонова, председателя городского суда Дьякову Веру Никитичну и прокурора города Замятина Александра Николаевича. После чего Ярославцев сел за столом президиума рядом с Сафоновым.

– Какие будут замечания по предложенным исполняющим обязанности главы администрации документам? – спросил Сафонов.

– Факты положения города, изложенные в обращении, невероятно фантастичны, – прокричал, встав со своего места и заглушая гул депутатских голосов, депутат Казанцев, – они требуют проверки. Предлагаю создать комиссию по этой проверке и доработке обращения.

– Тихо, тихо, товарищи, – пытался успокоить депутатов Сафонов и, заметив поднятую руку Гринёва, добавил, – слово предоставляется начальнику горотдела ФСБ Гринёву Александру Беркетовичу.

– Хочу доложить вам, господа депутаты, что час назад мною в гостинице «Волжская» размещён половецкий посол – воин Кэчтен – с его помощником Кэчущем. Сейчас санитарная бригада проводит дезинфекцию их одежды, карантинную проверку их самих, и к пяти часам он будет здесь и сам расскажет вам о том, как в прошлом году русско-половецкое войско потерпело поражение на Калке.

В притихшем зале, после некоторой паузы, раздался голос Сафонова:

– Уважаемые коллеги депутаты. У нас нет времени на длительные обсуждения и проверки. Я предлагаю утвердить два этих документа, в противном случае Совет обороны обойдется и без нас – он уже действует де-факто, но само его существование и решения не будут иметь вполне законную силу, а всякое промедление сейчас поистине смерти подобно.

Снова взял слово Ярославцев. Он рассказал о принятых уже Советом обороны мерах и добавил:

– Господа, сегодня вы являетесь единственными депутатами России на этой планете. Осознайте, пожалуйста, что сейчас наша Городская Дума – это государственная Дума России. Всякое промедление с принятием решений может привести к потере города, а значит и России, а за словом «потеря» стоит гибель большинства нашего населения и деградация остального. Я твердо обещаю, что самое позднее через четыре недели вы соберётесь снова, заслушаете доклад Председателя Совета обороны и примете решение о дальнейших действиях всех структур власти, а пока дайте возможность работать «пожарной команде» в режиме тушения пожара...

...Без двадцати пять депутаты, после краткого, репликами, обсуждения, утвердили обращение к гражданам «Волжской России» – так они изменили его название. В обращение был включен список Совета обороны с указанием новых должностей Жилина (комендант города, заместитель Председателя Совета обороны) и Кузнецова (командующий вооруженными силами Волжской России). Был утвержден состав Совета обороны, предложенный Ярославцевым с добавлением в него главного санитарного врача Бескаравайновой Юлии Романовны.

Городская Дума приняла постановление о введении с нуля часов 16-го апреля 1224 года, сроком на один месяц, чрезвычайного положения в городе и передачи на этот срок всей власти Совету обороны, а так же о собственном заседании не позже как за два дня до окончания срока ЧП.

Перед тем, как разойтись, Ярославцев объявил депутатам, что они его, Председателя Совета обороны, решением передаются на три дня в распоряжение Седенко для проведения реквизиционных мероприятий.

Затем Ярославцев пошёл в свой, теперь уже надолго свой кабинет главы администрации, пригласив Жилина, Зубова, Кузнецова, Альтена и Гринёва.

Не успели ещё войти все, как Жилин, по просьбе Ярославцева, стал докладывать о принятых мерах: опечатаны и взяты под охрану все продовольственные склады, магазины, киоски и все предприятия пищевой промышленности. Опечатаны и под охраной все бензозаправочные станции. Сейчас те же меры применяются в отношении промтоварных точек непродовольственной группы. Опечатать их милиция спешит, но на охрану сил уже нет. Зубов обещал дать Жилину по мобилизации человек 150, после того, как сформирует батальон для Кузнецова.

Военком доложил, что первая мобилизованная рота уже отправлена Кузнецову и что полнотой пополнение и ему, и Жилину поступит к восьми утра. Что касается всеобщей мобилизации населения, то тут есть два варианта. Первый, по месту жительства, но тогда нужно вводить в каждом микрорайоне военного комиссара; второй, через предприятия города – проще, все задачи по формированию рабочих полков ложатся на руководителей предприятий.

– Вот что мы сделаем, – сказал Ярославцев, – в каждом микрорайоне, из числа пенсионеров-офицеров надо назначить коменданта микрорайона, а во дворах – комендантов дворов.

Такая структура позволит Жилину осуществлять руководство городом, на этих же комендантов и возложить функции по мобилизации всего свободного населения по первому варианту.

Теперь о том, как кормить население. Первое: дети будут обеспечиваться питанием вместе с учителями в школах с завтрашнего дня. Второе: врачи и больные – в больницах. Третье: служащие и рабочие, занятые в своих организациях и предприятиях – по месту службы и работы. Четвертое: все женщины с детьми до пятнадцати лет, не задействованные в службе по школам, больницам, организациям и тому подобное, остаются мобилизованными в подчинении комендантов дворов для организации круглосуточного патрулирования этих дворов и прилегающих улиц, аналогично пенсионеры и инвалиды. Питаться они будут либо в близлежащих столовых, либо как-то готовить на комендантскую команду самостоятельно.

– Всё остальное население формируется в рабочие роты, батальоны, полки и отправляется рыть укрепления вокруг города в распоряжение Кузнецова, который организует их питание так же, как и боевых подразделений. Такая схема мобилизации будет работать наиболее эффективно и прозрачно.

– Что у вас, Виктор Викторович? – спросил далее Ярославцев у Кузнецова.

– Батальон полностью выведен на позиции вокруг города. Пока за внешним кольцом всё спокойно, но вот проблема: без конца возвращаем машины, которые пытаются вырваться наружу в объезд постов. Приходится даже открывать огонь. Я разрешил в таких случаях, стрелять аккуратно по колесам. Пополнение начало прибывать. Одеваю, вооружаю и на позиции.

– Сколько у вас полевых кухонь?

– Одна и две в резерве на консервации.

– Обе резервные сюда и как можно быстрее.

Открылась дверь, заглянула Дюжева:

– Андрей Андреевич, руководители предприятий собрались в большом актовом зале.

– Спасибо, сейчас иду. Обращение напечатали?

– Да, Сафонов размножает сейчас на ксероксе.

– Хорошо, – и обращаясь уже к Жилину, – Виктор Борисович, подготовьте вместе с Георгием Валентиновичем решение Совета обороны «О мобилизации», «Об организации комендантской службы», о назначении Вас комендантом города и приказ о запрещении движения по городу всякого транспорта в целях экономии горючего. Оставьте на ходу по две легковые машины у себя, Кузнецова и у меня, остальные неспециализированные немедленно в гаражи, а нарушителей с 10-ти утра на штрафные стоянки. Александр Беркетович, где ваш половец? – повернулся он к Гринёву.

– Уже привезли, в кабинете первого зама.

– Возьмите, пожалуйста, обращение, зачитайте его директорам и попросите половца рассказать им о себе, я подойду чуть позже.

– Есть, – Гринёв вышел из кабинета.

– Виктор Викторович, где будет ваш штаб, где вас искать при необходимости?

– Штаб останется в части на Деревянном (так в городе неофициально назывался посёлок, где размещался учебный батальон), а где меня найти, будет знать дежурный. Проще через сержанта, что в радиостанции под вашим окном.

– Ну что ж, желаю удачи, – отпустил его Ярославцев.

Кузнецов вышел.

– Григорий Альфредович, возьмите под свое начало порт и ГЭС. Ваша задача: в минимально короткий срок восстановить и привести в действие весь наш флот и подготовить агрегаты ГЭС к приему большой воды. Напишите проект постановления Совета обороны об этом, и сегодня, к двум часам дня, вместе с директором ГЭС и начальником порта представьте мне план действий. Вопросы есть?

– Вопросов нет. Разрешите идти?

– Действуйте.

– Ну что, господа, оставляю вас здесь, работайте, буду после совещания с директорами, – сказал Ярославцев Жилину с Зубовым, писавшим проекты приказов, и вышел в приемную.

– Мария Ивановна, – он отвлек Дюжеву от очередного телефонного звонка, – сделайте себе, пожалуйста, список членов Совета обороны с их адресами и телефонами и пригласите их всех на заседание на 16 часов. Да, ещё, оставьте за себя в приёмной одну девочку, а сами с другой отдыхать. Вы приедете к 14-ти часам, а вторая секретарша к 20-ти, на ночное дежурство. Возьмите одну машину, она отвезет вас по домам.

Ярославцев пошёл в кабинет первого зама «мэра» и позвонил домой...

Люба Саркисян, с красивым армянским отчеством Армаисовна, ещё девятилетней девочкой попала в Волгоград вместе с родителями после известных сумгаитских событий. Её отец был врачом стоматологом, а мать – учительницей английского и немецкого языка. По паспорту её отец был армянин, а мать азербайджанка, но, по сути, они принадлежали к той, теперь уже размётанной и исчезающей в истории нации «Бакинец». Это была удивительная этническая общность, сложившаяся ещё в конце XIX века. Её костяком служили русский язык и русская культура, разбавленная кавказскими обычаями, еврейским и немецким практицизмом и мусульманским домостроем. Политиков-авантюристов никогда не устраивало мирное сожительство разных культур и обычаев, а тем более их взаимопроникновение. Раздор и ненависть – вот главные слагаемые, которые позволяют быстро, буквально «из грязи – в князи» прорваться к власти, опираясь на минимум интеллекта. Поистине вечно живущий принцип: «Разделяй и властвуй». То, что в дальнейшем, в перспективе, оказываются проигравшими их собственные народы, что на ненависти нельзя ничего строить, а только разрушать всё подряд, начиная с души и совести людей, этих политиков не волнует. Власть любой ценой, хоть по трупам собственных оболваненных националистов.

Так и пришлось Армаису увозить от угрозы расправы свою семью сюда, в Россию. На все свои сбережения он купил домишко на южной окраине Волгограда, и за десять лет постепенно отстроил его, превратив в двухэтажный коттедж. Всё это стоило Армаису и его жене Земфире очень больших трудов – не очень-то нажикуешься на зарплату врача и учителя. Поэтому отец Любы без конца пропадал на всяких подработках, а мать бралась за переводы на дому различных статей, договоров, инструкций. И всё же средств хватало с большой натяжкой, а у Любы были ещё братик и две сестрички младше её. Поэтому девушка не могла согласиться на уговоры родителей и после 11-го класса пошла не в университет, как они настаивали, а в профтехучилище речников, на повара. Во-первых, через год у неё будет очень полезная профессия, во-вторых, в училище, кроме стипендии, было ещё и бесплатное питание. И если Люба не могла бы пока существенно помочь семье, то, по крайней мере, разгрузить хоть отчасти семейный бюджет от расходов на себя – уже было неплохо. В конце концов, отец смирился с решением дочери.

В мае, перед окончанием училища, Любу направили проходить практику на баржу Рахметова, и Кошкин влюбился в неё с первого взгляда. Она хорошо помнила, как этот красивый сильный парень потерял дар речи, когда Рахметов привел её с берега, чтобы представить команде кока-практиканта. Люба сначала даже обиделась – вся команда люди как люди, а этот угрюмый какой-то. Поэтому она всё пыталась в небольшое свободное время почаще крутиться возле него. Её разбирал азарт: сможет она разговорить этого Кошкина или нет. Прошла неделя, вторая, но Кошкина при ней, как подменяли, он терялся, не знал, куда себя деть и в то же время не мог оторвать от неё глаз. Каждый раз, когда появлялась в его поле зрения её стройная фигура с черноволосой, черноглазой головкой, у него разливалась в груди какая-то теплота. Кошкин терялся и забывал про всё на свете. Он в этот момент ощущал только её присутствие и... терял дар речи.

Однажды, когда они подходили к Астрахани загружаться ранними помидорами для Москвы, Люба поднялась в рубку, где капитан наблюдал, как Кошкин заводит баржу в порт на швартовку.

– Можно мне посмотреть? – спросила она Рахметова.

– Проходи, дочка, – разрешил капитан улыбувшись.

Кошкин, оказавшись между Рахметовым и Любой, слушая её воркующий голос и объяснения капитана, что, да зачем все эти кнопки, рычаги, тумблеры и приборы, просто весь взмок от напряжения. Ей-богу, в первый раз заводить баржу в порт было легче, чем сейчас. Он с огромным трудом выполнил все операции с максимальной точностью и, только, когда баржа уже стояла пришвартованная и заглушила двигатель, отер, наконец, пот со лба. Рахметов же, как будто специально добивая его, спросил Любу:

– А что, дочка, в Астрахани бывала?

– Нет, ни разу.

– Вот как? А Кошкин её знает вдоль и поперек.

Кошкин удивленно глянул на капитана, он ведь на самом деле всего два раза был на астраханском берегу, да и то в город не углублялся.

– Ну так вот, – продолжал Рахметов, – сегодня уже вечер, а завтра целый день будет погрузка и я даю вам с Кошкиным увольнительную на берег с восьми утра. Семён сходит в управление портом, занесет документы и будет тебя знакомить с городом. Согласны?

– Здорово! – воскликнула Люба, а Кошкин посмотрел на неё с такой нежностью и растерянностью, что ей стало его жалко, и она тихо добавила, – если не хочешь, я сама посмотрю город.

– Нет, нет, еще потеряешься, – встрепенулся Кошкин,

– Ну, тогда я завтра буду готова к восьми утра, – сказала Люба и, чего-то засмутившись, выскочила из рубки.

На следующий день Семёна как будто прорвало. Он, гуляя по Астрахани, без умолку рассказывал Любе о себе, о своих казачьих корнях, о службе в Севастополе, о военных кораблях и их различиях, о Волге с её мелями и глубинами, о городе Волжском, где он родился и вырос, о...

Люба слушала его, вникая и не вникая в суть рассказа, её все больше и больше интересовал сам Кошкин. Она взяла его под левую руку, он как-то задохнулся на полуслове, пожал правой ладонью её пальцы на своей руке и уже тише продолжал рассказывать дальше. Незаметно они зашли на базар, наполненный всевозможным богатством. Люба стала прицениваться к клубнике, и Семён тут же купил ей кулек ранней ягоды, потом они пошли по рядам с заморскими фруктами, и вдруг Люба услышала знакомую азербайджанскую речь. Она взглянула – за прилавком стоял какой-то неприятный, нагловатый парень, лет семнадцати, и мужчина, лет тридцати пяти. Этот сопляк, поглядывая на неё, говорил на своем языке старшему: «Хороша фигурка, такую бы попку да в постель», а второй ему: «Вот бы воткнуть ей, чтоб завизжала и своей попкой завертела», – и, – «Ха-ха-ха».

Люба замерла, в ней мгновенно поднялась ярость и, повернувшись лицом к хохочущему мужику, она швырнула прямо в его лицо клубникой и прошипела на азербайджанско-русском:

– Втыкай своей сучке, гядаш паршивый, чтобы она у тебя что-нибудь отвертела.

– Что случилось, Люба? – спросил недоумевающий Кошкин, взяв её под руку.

Он не понимал, о чем речь, его удивило знание Любой азербайджанского и озадачила её ярость. Семён догадался, что эти двое действительно сказали что-то оскорбительное, и посмотрел на обидчиков решительно, как бы требуя объяснений.

– А ничего не случилось, забирай свою шалаву и проваливай отсю... – закричал ему юнец.

Но не успел он договорить, как левая рука Кошкина уже схватила его за грудки. Опрокидывая с прилавка коробочки с апельсинами, яблоками, виноградом, Семён мгновенно выволок

его к себе и резким ударом правой отправил лететь на три шага и ещё на пару шагов скользить-катиться по асфальту. Кошкина взвила наглая манера этого молокососа разговаривать таким тоном, да еще оскорблять обожаемую им девушку. В это время из-за прилавка выскочил старший напарник поверженного юнца и бросился на Кошкина с ножом. Семен схватил валяющийся деревянный ящик, подставил его под нож, и тот, с силой сломав боковую досочку, застрял в днище. Следующее мгновение: черноусое лицо, получившее сильный кошкинский удар в челюсть снизу, запрокинулось вправо-назад и, поднимая за собой туловище и выпустив из рук застрявший в ящике нож, улетело обратно через прилавок, чтобы с грохотом опуститься за ним.

Люба, придя в себя, схватила Семёна за руку:

– Бежим!

– Ни хрена, – прошипел сквозь зубы не остывший ещё Кошкин и, увидев подбегающих двоих парней в милицейской форме, пошёл прямо на них, не выпуская из рук ящика с застрявшим в нем ножом.

Старший сержант Баилин, приняв от Кошкина заявление о покушении на убийство и записав его и Любы объяснение, повертел в руках нож со слоеной пластмассовой рукояткой и сказал:

– Теперь слушайте ребята внимательно. Сейчас идите на корабль. Вас там, а может, ещё по дороге, найдет их мафиози, ну что-то вроде главы их местного землячества или клана, как хотите, человек в семьдесят. Давно его ребята не попадали в такие переделки. Те-то двое новенькие, ещё не поняли, что они в России, а не у себя дома, где им подобное хамство по отношению к русским сходит с рук. Так вот, будет он просить, чтобы вы забрали заявление – соглашайтесь, только скажите, чтобы я сам к вам на баржу заехал.

– Это, чтобы ты с них подороже взял? – усмехнулся Кошкин.

– Зря язвись, – ухмыльнулся в ответ Баилин, – драку-то ты затеял. Я видел, и свидетели подтвердят, но могут подтвердить и твою интерпретацию, если я их об этом попрошу. Вот нож – это серьёзная улика и большое преступление, поэтому их пахан уже наверняка здесь и ждет встречи со мной. Тебе очень нужно таскаться по следствиям и судам, да девчонку свою таскать? А он с ними сам по-свойски разберётся, и снова вся его контора будет вести себя тихо и мирно, уважать православный народ. Понятно?

– Понятно, я подумаю, – уже без усмешки сказал Кошкин и встал, встала и Люба. Семён взял её под руку.

– Подожди, я вас выпущу через чёрный ход, – встал из-за стола Баилин.

Они вышли прямо на улицу и не спеша пошли к порту.

– Я не знал, что ты по ихнему понимаешь, – прервал молчание Семён.

– У меня мать азербайджанка, я родилась в Баку и в школе начинала учить их язык.

– Вот как, а фамилия вроде армянская.

– И армянский знаю.

Кошкин с восхищением посмотрел на неё. Он сам учил в школе немецкий и так его толком и не знал. Поэтому всякий человек, знающий больше одного не русского языка, был для него академиком.

– А может, и ещё какие знаешь?

– Английский, я же готовилась в университет, да понимаешь, нас четверо детей, я старшая, родителям очень трудно, поэтому я – повар.

Семён нежно обнял её за плечи, ему вдруг захотелось разбиться, но чем-то помочь ей. Люба не отстранилась. Она только подняла на него свои чёрные насмешливые глаза и спросила:

– А где ты научился так здорово драться?

– А, до армии два года боксом занимался, а потом во флоте нас учили боевому самбо, – с деланной скромностью ответил Семен.

Когда через три часа они подходили к барже, в левой руке у сияющей Любы был букетик астр, купленный Кошкиным, а правой, прижимаясь к нему, девушка держала Семена под руку. Он, ощущая своим предплечьем девичью грудь, был на седьмом небе. Они молчали, думая каждый о своём, но уже представляли себя только вместе друг с другом.

Когда до баржи оставалось метров 300, их догнала невесть откуда вынырнувшая черная БМВ и, поравнявшись с ними с левой стороны, сбавила ход. В передней дверце опустилось стекло и, выглянувшая бритая голова спросила Любу:

- Айгыз, сан азербайджансан (девушка, ты азербайджанка)?
- Ёх, бакыям (нет, бакинка), – ответила Люба.
- Бу саним киши (это твой муж)?
- Хари, мян ону арвад (да, я его жена).
- О азербайджан дили билир (он понимает по-азербайджански)?
- Ёх (нет).
- Деян буюрун (подожди, пожалуйста), – и водителю БМВ, – Сахла (стой).
- Они просят нас остановиться, – сказала Люба Семёну, останавливаясь.

Семён, напрягшийся с самого начала разговора и готовый к немедленному отпору, не прерывал непонятного ему диалога, который пока вёлся вроде бы спокойно. Остановившись, он взял Любу за руку и прикрыл её левым плечом.

Из машины вышли четверо. Трое, как и этот бритый, здоровенный под два метра детина, были в черных футболках и серых пиджаках. Четвертый, в джинсовой куртке и с красной ссадиной под глазом, только-только начавшей синеть, был тот самый наглый юнец, презрительно ухмылявшийся сейчас, глядя на Кошкина и Любу. Его взяли, чтобы опознать их, и наглец думал, что сейчас им кранты.

– Это твоя жена? – спросил бритый Кошкина, кивнув на Любу, которая сжала ладонь своего матроса.

- Да, – уверенно соврал Семён и пожал в ответ ладонь подруги.
- Что там, на базаре случилось?
- Он оскорблял её, – ответил Кошкин, кивнув на наглого юнца.

В следующую секунду мощный удар пудового кулачища смел с лица юнца ухмылку, он упал, а молодой кучерявый парень молча поднял его, приложил к разбитому, кровоточащему носу под сразу ставшими удивленно-виноватыми глазами, платок и запихнул его на заднее сиденье машины.

– Больше он никого оскорблять не будет, а твою жену будет обходить за километр, – продолжил бритый, и, вытирая платком кулак, добавил, – что же касается того, который кинулся на тебя с ножом, то его больше в Астрахани не будет никогда, клянусь чем хочешь, только заberi заявление из милиции, – потом повернулся к водителю, – пичаг вер бура (дай сюда нож).

Водитель достал из машины тот самый нож с наборной ручкой.

– Отойдём в сторонку, – бритый взял Кошкина под руку и отвел его к бамперу машины, – возьми нож на память, это твой трофей. Заberi заявление, и, когда что будет нужно, только спроси на базаре Газала, это я. Договорились? Сейчас, если хочешь, заплачу тысячу за обиду и отвезу туда, к Баилину, и обратно. Кошкин улыбнулся, вспомнив наставления старшего сержанта, и сказал:

– Вот что, Газал, скажи Баилину, чтоб выбросил мое заявление, а если не поверит, то привези его сюда. Я буду вон на той барже. А денег ваших не надо, я честью жены не торгую.

– Хорошо, – Газал хлопнул Кошкина по плечу, – ты мне, правда, нравишься – наш человек.

Они сели в машину и, развернувшись, поехали в город, а Семён подошёл к Любе:

– Ну, привет, «жена».

– «Киши», – и пояснила в ответ на недоуменный взгляд Кошкина, – «муж» – обьелся груш.

Они засмеялись, и вдруг Кошкин обнял Любу, и они слились в коротком, но обжигающем поцелуе. Так они приняли сердцами слияние своих судеб в одну судьбу.

Вечером, за ужином в кают-компании Воропаев, который случайно видел с бака их разговор у БМВ, поинтересовался этим случаем. Пришлось им рассказать о своих приключениях на берегу. Люба обрисовала героическое поведение Семёна, его храбрость и силу. Матросы бурно реагировали на её рассказ, когда же она рассказала, как они прикинулись мужем и женой, – всё, кличку «молодожёны» они себе обеспечили минимум до конца навигации, а Любу, матросы, до конца практики, звали исключительно «Кошкиной».

Потом было знакомство с родителями и родителей друг с другом, была договорённость сделать скромную свадьбу в конце октября, Люба поступила всё же в университет на заочное отделение. В августе, когда её матери с остальными детьми удалось устроиться в загородный детский лагерь, а отец Любы был в командировке, к ней приехал отпущенный Рахметовым Кошкин, и она стала женщиной. Семён, уже имевший кое-какой севастьяпольский опыт, был очень нежен и нетороплив.

Двое медовых суток они не выходили из дома и распались так, что Кошкин хотел бросить баржу, а Люба, напротив, – переселиться к нему в каюту, но, в конце концов, они приняли мудрое решение испытать страдание разлукой. Семён вернулся осунувшийся на баржу, а Люба, расцветая, понесла плод их любви. В сентябре, с помощью отца Семёна, ей удалось устроиться в волжский портовый ресторан «Прибой», и будущая госпожа Кошкина поселилась в Волжском, в двухкомнатной квартире прабабки Семёна. Там она принялась обустраивать их будущее гнёздышко, да помогать по хозяйству ещё очень шустрой, несмотря на свои восемьдесят, одинокой старушке, бабке Пелагее.

Когда на её глазах Волжское море исчезло вместе с дорогой сердцу баржей, она кинулась к диспетчеру и не отходила от него, пока не дали свет, не заработала портовая радиостанция, не услышала знакомые голоса Паши и Рахметова.

Итак, баржа на мели, километров 25 от порта, это минут 25 по асфальту на север. Внизу у речного вокзала стоял старенький «Москвич» – отца Кошкина. Она сегодня специально взяла его, чтобы после встречи с Семёном, а может, даже, и с ним, добраться ночью домой. Обычно в половине двенадцатого, после закрытия ресторана, их развозил старый портовый ПАЗик.

Люба набрала телефон родителей Семёна, трубку поднял сонный отец, Григорий Петрович. Она рассказала ему всё, что знала, и сказала, что немедленно едет к Семёну, искать их баржу.

– Люба, не пори горячку, – Григорий Петрович был обескуражен её сообщением и, даже, ущипнул себя за руку, чтобы убедиться, что этот разговор, не сон, – сейчас же езжай к нам домой. Поедем искать Семёна вместе. Я уже собираюсь.

Когда она добралась до Кошкиных, Григорий Петрович и мать Семёна, Клавдия Андреевна, уже были на ногах. Клавдия Андреевна хлопотала на кухне. Григорий Петрович, открыв дверь Любе, вернулся в зал к телефону, а она прошла на кухню, поздоровалась со свекровью.

После того, как их невестка устроилась на работу в ресторан «Прибой» и поселилась в Волжском, стало ясно, что у них с Семёном будет ребенок, и свадьба стала просто формальностью. Тогда Люба, сперва неловко, а потом всё привычнее стала звать родителей Семёна папой и мамой.

Клавдия Андреевна кипятила в кастрюле кипятильником воду и укладывала в целлофановый пакет бутерброды.

– Принеси-ка, Любаша, из кладовой, там, зелёный рюкзак.

Люба принесла и удивилась, видя, как мать Семена укладывает в него несколько банок консервов, буханку хлеба и пакет с бутербродами.

– Куда столько, мама, мы же сегодня назад вернёмся, – спросила она.

– Э, дочка, – улыбнулась Клавдия Андреевна, – идёшь в поход на день, бери запасов на три, мало ли что.

– Ага, рюкзак уже здесь, – обрадовано отметил Кошкин-старший, зайдя на кухню, – я сейчас.

Он вернулся в зал, потом опять появился на кухне, неся с собой две пачки патронов к своему старенькому ружью 16-го калибра и большой охотничий нож.

– Значит, такая ситуация, – заговорил Григорий Петрович, укладывая в рюкзак боевое и бытовое снаряжение, – разговаривал с нашим казаком Гориним. Положение в городе аховое. Похоже, мы попали куда-то на другую планету или на землю в другое, прошлое время. Вот почему вода из вашего порта ушла. Моря-то Волжского тогда не было. Так что беда. Газа вот нету, не будет нефти и ничего вокруг не будет. Город в кольце снежного поля, за кольцом никаких дорог. Ничего. Администрация города вся поднята, милиция, военные, все на ногах. Выезды из города все перекрыты уже. Я думаю, к утру всё будет по карточкам или что-то в этом роде. Бед-а-а-а! Ну, да, ладно. У меня хороший знакомый, казак, в поселке ЛПК живёт. Ежели по суше к Семёну не доберёмся, то попробуем-таки по воде. А дочка? – улыбнулся Любе Григорий Петрович, – может, всё же останешься? Опасное, это, дело, а, ты, дитё ждёшь.

– Нет-нет, что Вы, папа, не возьмёте, я сама пойду, хоть пешком, но доберусь!

«Эк присушил девку, казак!» – довольный улыбнулся про себя отец Семёна. Ему сразу понравилась эта чернявая, когда сын, ещё, в июне привел её, в первый раз к ним домой в гости. Потом они с матерью ездили в Волгоград к её родителям и, несмотря на некоторое предубеждение: «к нерусским едем», Григорию Петровичу очень понравилась эта гостеприимная и работающая семья. Он после этого, даже, как-то, по-новому, стал относиться к кавказцам. А боевую и трудолюбивую Любашу, они с матерью, просто полюбили. Клавдии Андреевне даже казалось, что её сын недостаточно внимателен к своей жене-невесте и, при случае, пеняла ему за это.

– Ну так, ладно, едем, – хлопнул себя по колену сидящий на табуретке Григорий Петрович, – а что там чай, мать, готов?

– Сейчас заварится, подсластю и всё, вроде, собрала.

– Добро, а ты, дочка, одевайся потеплее, – Григорий Петрович оглядел Любу, одетую в джинсовые брюки и вязаный свитер поверх кофточки, – оденешь материн пуховик, а штаны ватные, ладно, с собой возьмем, на всякий случай.

Люба попробовала возражать, но Клавдия Андреевна тут же отмела её возражения:

– Тю, я пока в твоей джинсе пощеголяю, – намекая на ее джинсовую курточку, в которой Люба приехала, – а ты смотри мне, береги внука.

Через четверть часа, загрузив рюкзак ещё и термосом с чаем, Люба и Григорий Петрович вышли из квартиры Кошкиных. Люба несла скрученные ватные штаны и канистру с водой, а Григорий Петрович – рюкзак и ружье.

Прежде чем ехать в степь, они на автозаправке залили бензином полный бак и запасную канистру и не успели отъехать, как появился милицейский автобус, из которого вышел знакомый Григорию Петровичу следователь. Автобус тронулся дальше, приятели поздоровались, и Кошкин-старший спросил:

– Какими судьбами?

– А вот повезло тебе, Петрович, успел заправиться. Опечатаваю эту заправку и остаюсь её охранять. Весь отдел на ушах, опечатаваем всё: и магазины, и склады, и заправки. Радиограмму с баржи передали, там наши омовцы, где-то возле них половцев нашли, так получается, что мы вроде как, очутились на земле 1224-го года, за тринадцать лет до монгольского нашествия.

– Ого!

– Вот, тебе, и «ого», так что машины в стойло и садись казак «наконь». Там сейчас начальство Совет обороны создает, Жилин комендантом города, а комбат Кузнецов выводит на позиции за город войска, объявлена мобилизация. В общем, закрутилась карусель. А, ты-то, куда собрался на ночь глядя?

– А я, Василий Кузьмич, к той барже, сын у меня там.

– Т-а-а-к. Вот что, Петрович, попробуй выйти в степь за ЗОСом, там, твой знакомый казак Сивцов на посту. И давай торопись, а то наших там военные скоро сменят, черта с два тогда проскочишь – заблокируют город, ни туда, ни сюда.

– Ну, спасибо тебе, Василь Кузьмич, погнажи мы, – Григорий Петрович подал руку знакомцу и сел за руль.

– Удачи тебе, – махнул рукой следовательно и пошёл опечатывать заправку.

Кошкин-старший действительно встретил группу Сивцова за ЗОСом. Тот, узнав, что Григорий Петрович едет к сыну, пропустил его и посоветовал дожидаться у дороги на Быково две встречные машины, которые возвращались с разведки с половцами, а потом, по их следам и добраться до баржи.

Григорий Петрович вырвался в степь и повернул на северо-запад. Чтобы выйти на Быковскую дорогу, ехать пришлось, объезжая поля, лесополосы и размокшие низинки в степи. Только через полчаса он увидел Быковскую трассу, почти, одновременно со снежным полем. Не въезжая на дорогу, его Москвичёк добрался до снега. Здесь они остановились и вышли из машины. Григорий Петрович достал свой большой бинокль и стал смотреть в сторону Волжского. Там, километрах в трех от них, остановилась поперек дороги машина, из кузова которой высыпали солдаты. Построились на шоссе, и командир ставил перед ними задачу, показывая влево и вправо от дороги. Затем они разошлись и стали рыть окопы.

– Т-а-а-к, – протянул Григорий Петрович, – армия дорогу перекрыла. Вовремя мы проскочили. Гм, спасибо Василь Кузьмичу.

– А вон и разведка, – кивнула, в противоположную сторону, Люба.

Действительно, там, в заснеженной степи показались, судя по свету фар, два автомобиля.

– Садись-ка скорее, – скомандовал Кошкин-старший и, сев за руль, завел свою машину. Потом развернул её лицом к дороге и задним ходом, не включая огней, отъехал от шоссе метров на сто.

И вовремя, машины разведчиков не стали въезжать на дорогу прямо со снежного поля, а развернулись в сторону Москвича и, осветив фарами место, где он только что стоял, снова повернули параллельно дороге. Только проехав метров 700 вдоль трассы, они нашли, где кювет был помельче и дорога пониже, въехали на асфальт и погнажи к военным.

Григорий Петрович только тут снова завёл свой темно-синий Москвич, слитый с темнотой; без огней въехал на снежное поле и ходко повёл его к следам только что проехавших машин. Звёздная ночь и белый снег делали пространство достаточно светлым, поэтому, около километра, он, не спеша, проехал по набитой в снегу колее без света и, включив дальнее освещение, полетел вперед на максимальной скорости.

Всё было бы хорошо, если бы не ручей в ложине, вернее, колея, размочалившая маленькое русло в приличную лужу, с раскисшим дном. Ещё бы, по этой нетронутой человеком степи уже пятый раз, всего, за три часа, проезжали колеса очередного автомобиля. В четвёртом часу, идя строго по колее, Москвич сел на задний мост, едва выбравшись с разгона из ручья и левое колесо весело забуксовало, разбрызгивая черный ил.

Чертыхаясь. Григорий Петрович посадил Любу за руль, а сам, взяв топор, нарубил камыш и стал подбрасывать его под левое колесо, пока оно не остановилось, подмыв под себя десятка четыре камышин. Забуксовало правое. Когда Кошкин-старший накормил, наконец, камышом правую колею, машина напряглась, дернулась было и, снова, забуксовало левое...

Выбрались они из лощины на холмик битвы с волками, когда было уже около пяти утра.

– Стой, – скомандовал Григорий Петрович Любе, которая вела машину от ручья, – давай передохнем, чайку попьём, – и полез за термосом и бутербродами в рюкзак на заднем сиденье.

Невестка тоже была голодна. Они перекусили по бутерброду с колбасой, запили его горячим ещё чаем, и Люба вдруг почувствовала усталость. Напряжение этой ночи куда-то отошло, и глаза сами стали смыкаться.

– Вот что, дочка, ложись-ка, покемарь маленько на заднем сиденье.

– А вы, – встрепенулась Люба.

– Ложись, ложись, а я осмотрюсь немного, – сказал Григорий Петрович.

Он опустил с заднего сиденья на пол рюкзак, взял заряженное ружье, положил в карман своей куртки несколько патронов, потом укрыл невестку, свернувшуюся калачиком, пахнущим бензином одеялом и, закрыв двери, пошёл с фонариком искать продолжение колеи из этого затоптанного и заезженного пятака. Покружившись вокруг машины, он обнаружил трупы трёх волков справа от неё и следы крови слева. Григорий Петрович присвистнул: «Славная была охота, если для всех убитых волков, места не нашлось в багаже».

Найдя следы колёс, которые, сливаясь, вели колею на запад, он вернулся к машине, включил двигатель и отопление, тихо выехал на найденную дорогу, остановился, выключил двигатель, нагнал тепла в кабину и закрыл глаза, решив тоже немного вздремнуть.

Григорий Петрович проснулся примерно через час. В степи было уже светло, но солнце ещё не встало. Опять включил двигатель с отоплением, оглянулся – Люба сладко спала, подложив обе ладони под правую щеку. Он улыбнулся, глянул на часы и осторожно тронулся в путь.

Когда в половине седьмого Кошкин-старший подъехал к половецкому костру, дым которого увидел ещё издали, к машине подошёл омовонец. Григорий Петрович вышел из машины, представился, услышал в ответ: «Сержант Седенко», – и спросил:

– Тут, вроде, баржа поблизости застряла? Сын у меня там, Семён Кошкин, вот мы с его женой и приехали.

Вышла из машины проснувшаяся Люба. Она подошла к свёкру, который представил её Седенко:

– Люба, невестка моя.

– Николай. – Седенко пожал протянутую Любой руку, улыбнулся и уже совершенно ослабившись пояснил, – баржа здесь, – махнул рукой на северо-запад, – метров 700 будет. Они сейчас спустили шлюпку, а мой брательник пошёл на берег их встречать. Они там дым наш видели и плывут сюда. У меня приказ: в распоряжение капитана Рахметова на охрану баржи, а это вот половецкий стан рода Кэчев. Тут у них был один, который по-русски изъяснялся кое-как. Увезли его в Волжский, а остальные не бельмеса не понимают. А вообще-то вам надо представиться главе их рода Башкэчу – вон у костра стоит, на рассвете проснулся. Оружие у вас есть?

– Есть ружьишко.

– Возьмите с собой, очень уважают они оружие наше, и я понял, что явиться к ним с оружием, значит, как бы особое уважение оказать.

– Ясно, – Григорий Петрович достал своё ружье из машины, одел его за спину, – пошли. Подойдя к костру, он поклонился Башкэчу и сказал, помогая себе жестами:

– Здравствуйте, я Кошкин, а это моя невестка Люба,

– Шала, – ответил, слегка наклонив голову, Башкэч.

Услышав в его приветствии что-то знакомое. Люба решила рискнуть и на азербайджанском рассказала Башкэчу, кто они и зачем приехали. Башкэч слушал очень внимательно, казалось, он пытается вникнуть в суть речи, похожей на их язык. Когда Люба закончила, он стал по-своему повторять то, что понял из её слов. Люба же, поддакивая, пыталась повторить его

слова, смысл которых был ей в основном ясен. В конце концов, она довольная беседой, дёрнула кулачком у своей груди:

– Йес, контакт установлен, – и посмотрела своими светящимися глазами на Кошкина-старшего, – он понял, зачем мы приехали.

– Ах, ты, толмачка моя, – обнял её за плечи Григорий Петрович.

Восхищенно глядевший на неё Николай сказал:

– Вам, Люба, надо срочно выучить их язык. Вам же цены нет, как переводчику, это же решение таких жутких проблем.

Люба снова обратилась к Башкэчу. Она сказала ему, что хотела бы хорошо говорить по-половецки и узнать историю их рода. Для этого она попросила Башкэча дать ей в помощь кого-нибудь из своего стана, чтобы она могла с ним беседовать там, на большом корабле, несколько дней.

Башкэч, опять повторив и уточнив её просьбу по-своему, кивнул и позвал: «Арвана». Из большого шатра вышла старуха с испещрённым морщинами лицом. Башкэч сказал ей что-то, указав рукой на Любу. Та посмотрела на молодку, подошла к ней поближе, посмотрела в глаза и что-то сказала. Люба вздрогнула и ответила: «Хари». Старуха улыбнулась, сказала ей что-то ещё и пошла обратно в шатёр.

– Что она сказала? – спросил Григорий Петрович.

– Она сказала, что я беременна и что... В общем, так, пустое, – ответила Люба, не вдаваясь в подробности.

Свёкор не стал особенно вникать, к тому же показались Сергей Седенко и с ним... Кошкин-младший, которого Рахметов послал вместе с Воропаевым на поиски омовцев. Семён радостно обнял Любу, потом отца:

– Как вы нашли нас? Какими судьбами?

– Долго рассказывать, – Григорий Петрович улыбался, глядя на сияющее лицо сына, – принимай жену, а я поехал назад.

– Как назад?! – вспыхнула Люба, – это же опасно, одному.

– Ничего, проскачу как-нибудь, обойду лошину эту поближе к истоку, а может за ним. В общем, пройду. Мы казаки.

– Пап, а почему бы и тебе не остаться на барже, дело у нас найдется, – попробовал уговорить Григория Петровича Семён.

– Нет-нет, Сёмушка, надо ехать, в городе уже, наверное, осадное положение. Беда, в общем-то, сам понимаешь, а мне там в таком случае быть надо, я ведь офицер запаса. Да и мать в городе, бабка Пелагея. Вы давайте быстрее с мели снимайтесь, да возвращайтесь, авось вместе-то беду и расхлебает.

– Что же, как говорится, с Богом, может, по светлу и проще добратся, – согласился Семён.

Отец обнял его, потом Любашу, поцеловал её в лоб и с грустью сказал:

– Ты, милая, уже считай перед людьми, жена моему сыну, а нам дочка, роднее не бывает. Так что не грусти, что твои родные потерялись, не сирота ты, пока мы живы. А ты, Сёма, береги Любашку, ответишь перед нами, если что с ней случится или обидишь чем.

– Не бойся отец, за неё костями лягу, ты же знаешь, – заверил Семён, обнимая свою Любу, у которой глаза уже были на мокром месте.

– Ну, добро, удачи вам, друзья, – пожимал руки Николая и Сергея Григорий Петрович. Потом, махнув всем рукой и поклонившись стоящему в стороне Башкэчу, пошёл к машине.

– И Вам, папа, удачи, – крикнула Люба.

– Ровной дороги, – добавил Семён.

Они помахали вслед поехавшему Москвичу и пошли к шлюпке.

Капитан Рахметов, приняв пополнение в свой экипаж, был несколько озадачен. Он и рад и не рад был увидеть Любу, а уж эта «старуха Изергиль», так он, про себя, окрестил половчанку Арвану. Что с ними делать? Баржа не гостиница. Однако поднявшиеся на борт матросы, омовцы и женщины были очевидным фактом. «Без меня меня женили. Вот неожиданное „подкрепление“ на мою голову», – подумал капитан.

Объяснения Любы, первой поднявшейся к нему, не успокоили. Тут впору думать о спасении корабля и экипажа, проблема, как выжить без поддержки извне, а ей тут блажь в голову – половецкий язык изучать. Не корабль, а институт иностранных языков. Однако подошедший следом с докладом о прибытии для охраны баржи Николай Седенко добил Рахметова. Он после доклада заявил капитану:

– Товарищ капитан, город сейчас в более тяжелом положении, чем Ваша баржа, мы попали в мир, где нет тысячи привычных вещей и не скоро будут, если будут. Зато есть дикая степь и кочевые племена. Если мы не научимся понимать их, говорить с ними – это только осложнит наше положение. Так что надо помочь городу. У Кошкиной талант к языкам и, если она побыстрому создаст что-то, вроде, русско-половецкого словаря, это ж какое подспорье всем нам.

У Рахметова все 12 лет службы капитаном этой баржи не было ничего дороже её. С женой он развелся 10 лет назад, дочка давно вышла замуж и уехала куда-то под Брянск. Баржа была для него всем: домом, семьей, малой родиной, наконец. Весь остальной мир – Волгоград, где у него была однокомнатная квартира, Россия, с её хорошо знакомыми речными портами на Волге и на Дону – всё было постольку-поскольку. Здесь, среди хорошо знакомого, поистине родного экипажа корабля, он чувствовал себя дома, на Родине. И вот сейчас, ему говорят, что, кроме баржи, есть ещё что-то. Недостаточно того, что на мели корабль, ещё и город на его голову.

Он не спал всю эту ночь. В его голове прокручивались разные варианты и способы выпутаться из создавшегося положения. Промелькнула и идея пиратства. Десять тысяч тонн муки им с экипажем хватит надолго, их можно использовать для обмена на другие продукты и даже на всё необходимое для переработки нефти хотя бы кустарным способом. Сырую нефть, которая выходит прямо на поверхность, можно хитростью или силой взять на Апшероне. Таким образом, для осуществления такого плана сначала надо было добыть совсем немного оружия и, главное, боеприпасов, а потом... Потом баржа превращалась в непобедимого рэкетира на Каспии, и все прикаспийские народы тогда обеспечивали бы экипаж всем, чего бы он ни пожелал. Эта авантюрная мысль засела у него в сознании, и первые два автомата, вместе с готовыми морпехами, он ожидал утром. И вдруг, на тебе...

Рахметов посмотрел на Николая, потом на экипаж, который в полном составе собрался на палубе, и внимательно наблюдал за реакцией своего родного капитана. Наступила напряженная тишина и только многоопытный Орман, знавший Рахметова все эти двенадцать лет, покачал головой и проговорил, улыбнувшись, как будто прочитал потаённые мысли капитана и посчитал их верхом глупости:

– Ай-яй-яй, Кадырович.

Рахметову вдруг действительно стало нестерпимо стыдно своей мечты. Он увидел перед собой людей, крепко связанных с большой землей и ни минуты не сомневавшихся в том, что их спасение спаяно со спасением города-берега.

Уже на следующее утро, отоспавшись после бессонных суток, Рахметов встанет со светлым ощущением себя частичкой русского народа, того народа, который в минуты острой опасности спланивается против беды, а каждый русский, при этом, отставляет на задний план свои личные амбиции, если они мешают общему делу спасения.

А сейчас капитан гостеприимно выделил Арване отдельную каюту, отдельную же каюту Кошкиным, а всем остальным распорядился потесниться друг с другом и с Седенками в оставшихся.

Карпенко уснул, только в семь утра, в отдельном номере гостиницы «Волжская». Он как в яму провалился, напряжение двух недель командировки, недосыпание на трассе, последняя бессонная ночь, полная приключений, отрубили его, что называется, мертвецки.

Без двадцати минут три ночи он встретился на посту ДПС с Чухновым, который ждал его в своем КАМАЗе. Милиции на посту не было. Вместо неё там уже расположились старший сержант и три курсанта учебного батальона. Пока командир этой группы находился в будке, около телефона, трое его подчинённых рыли окопы по обеим сторонам дороги за перекрестком, как и их товарищи по взводу километрах в четырёх на север.

Разбуженный в КАМАЗе Василий, очень коротко узнал от Романа результат их разведки и о том, что Карпенко едет дальше с половцами в качестве переводчика. Капитан Кочкин, получивший от сержанта телефонограмму с указанием доставить всех в гостиницу «Волжская», не стал медлить, а позвал срочно к себе Романа и попросил Баркова со всей семьёй ехать за ним. И Чухнов сразу же после отъезда разведчиков завёл свой грузовик и поехал домой.

Через двадцать минут к парадному подъезду гостиницы подъехали джип Барковых и милицейский УАЗик, из которого вышли Кочкин, Роман и половцы. Все вместе они прошли в вестибюль, где от стойки дежурного администратора к ним подошли два ФСБешника во главе с Гринёвым. Александр Беркетович представился им сам, представил своих офицеров и ознакомил с планом действий. Во-первых: Барковы, которых размещали в двух номерах, должны были дать описание своей поездки офицерам Гринёва. Во-вторых: капитан Кочкин здесь же в вестибюле садился писать рапорт о своей поездке, после чего возвращался в распоряжение Жилина. И, в-третьих: Роман с половцами поднимался в большой четырехместный – 403-й номер, где их ждали священник местной недавно открытой церкви и учитель истории, который заочно готовил диссертацию о государственном устройстве Древней Руси. Священник знал церковно-славянский, а историк копался в первоисточниках на древнерусском. Их обоих только что доставили ребята Гринёва, перебудившие ради этого половину интеллигенции города.

Кэчтэн был ошеломлён, начиная с поездки в УАЗике, Его напугала скорость, с которой ещё по степи гнал этот авгол. Он весь напрягся, но, ощутив, как так же напрягся, вытаращив глаза, Кэчуш, Кэчтэн вспомнил, что он воин и что воину негоже показывать свой страх перед юнцом. Он усилием воли попытался себя успокоить и расслабиться и глянул на сидящего справа Романа. Тот был спокоен, только положил левую руку на спинку сидения Кочкина и, не спеша, рассказывал ему про злключения с волками и медведем, потом о своих ветряках. Сержант-водитель время от времени, тоже, вступал в разговор. Все трое посмеивались и чувствовали себя нормально. Это почти окончательно успокоило Кэчтэна. Когда они выбирались через кювет на дорогу, Кэчтэн уже совсем привык к этой сумасшедшей скорости, но то, что началось на шоссе, снова заставило его почувствовать холодок под ложечкой. Однако вскоре, увидев такое огромное количество больших домов-дворцов, стоящих вдоль освещённых дорог, Кэчтэн забыл о страхе быстрой езды. То, что это были улицы, а не дороги, он догадался не сразу, потому что улицами в городах у русичей и у греков, где он бывал, назывались проезды между строениями для конных всадников шириной не более четырех шагов, а это были какие-то длинные площади. И странно, но город, да и дома совершенно не были защищены. Такой город можно было легко взять штурмом – нигде нет заборов, ворот, стражи. А такие огромные, особенно на некоторых нижних этажах стеклянные проёмы в зданиях... Нет, эти русичи или русские, как они себя сами называют, просто беспечный народ, откуда бы они ни появились. Просто удивительно, что их ещё никто не завоевал. И тут он вспомнил про

«группычи» и подумал, что наверняка у них есть ещё какое-то более мощное оружие, поэтому они так бесстрашно построили свой очень большой город. Теперь ему была ещё и понятна работа Степана – конечно же, столько огней в городе стоило, наверное, немалых трудов зажигать и поддерживать.

Когда они выходили из авгола, Кэчтэну пришлось помочь Кэчушу разжать онемевшие пальцы, сомкнутые на спинке сиденья водителя. Юноша с трудом выбросил из кабины одревеневшие ноги и встал-таки на них, когда Кэчтэн напомнил ему, что он воин (или мужчина – у половцев это слово объединяло два таких понятия). Кэчуш пошёл, уцепившись за край щита Кэчтэна, чтобы не упасть. Он шёл и действовал, как во сне, медленно приходя в себя после ужаса быстрой езды. Как только они вошли в это, невиданно большое здание, через не то двери, не то ворота, он был поражен его роскошью внутри и ярким, как днём, светом. Юноша даже оглянулся, но за огромной прозрачной стеной (он никогда прежде не видел стёкол) была ночь. Тогда он поднял голову и увидел множество длинных светильников, которые горели ярким, как фары авгола, огнем. Кэчуш, не успев осмотреть весь вестибюль, уткнулся взглядом в маленький – ему по грудь – забор, к которому потянулась его рука, отцепившись от щита Кэчтэна, чтобы пощупать это красивое дерево, из которого он был сделан. За забором стояла женщина с двумя, почти круглыми прозрачными щитами перед каждым глазом. Щиты были соединены между собой и сидели на носу женщины, да, ещё как-то, крепились под её волосами; то ли сбоку, то ли сзади. Видимо, это была женщина-воин с защищенными глазами. Тут Кэчуш вспомнил про группычи воинов этих русичей и, уже с опаской глядя на эту женщину, отдернул руку. Тем более, что встретивший их человек, который представился: «Александр», и Роман, который объяснил, что это главный боярин по охране князя, позвали их к стене с дверями.

– Это лифт, – сказал Роман Кэчтэну, показывая на двери, а Александр нажал на черный квадратик в стене. За дверями что-то загудело, потом замолкло, и они с легким шумом раздвинулись, открыв глухую комнату. Роман прошел в неё, и что-то раскатисто легонько стукнуло под полом. Повинуясь жесту Александра прошёл Кэчтэн, за ним Кэчуш, а Александр, замкнувший шествие, сразу же нажал один из многих стоящих в ряд квадратиков на стене. Двери, появившиеся откуда-то из стены, задвинулись, комната, загудев, подпрыгнула вверх, чуть не подкосив ещё не совсем, ожившие ноги юноши, и он схватил Кэчтэна за руку, лежащую на рукояти меча. Тот стоял, прижимаясь спиной к стене, с напряженным лицом.

– Мы едем на четвертый этаж, – сказал Александр и показал на черный квадратик, прижатый к стене, – раз, два, три, а это четвертая кнопка включена. Видите?

Кэчтэн вежливо, и с достоинством кивнул головой. Хотя он и не совсем понимал слова Александра, но догадывался об их смысле и старался запоминать: «этаж», «лифт», «кнопка».

Лифт остановился, как будто чуть провалился, двери раздвинулись, и они вышли на какую-то улицу с высокой крышей. По краям этой улицы были красивые одинаковые стены из непонятного материала, они стояли от мощеной деревянными брусочками и устланной во всю длину ковром земли и до самой белой крыши. В стенах были расположены большие одинаковые двери с цифрами. Подойдя к одной из них, по левой стене, с цифрами 403, Александр открыл ее со словами: «Четыреста третий номер», и они вошли в широкий дом – «номер», в котором находились два человека. Первый, стоявший у стола, судя по одежде, был христианский проповедник.

Один такой гостил четыре года назад у Кэчев. Они слушали по вечерам его рассказы о едином Боге, о его сыне Христе, о Христианской церкви, о жизни и похождениях святых, но когда он начал предлагать им принять его веру, креститься и поклоняться его богу, все отказались. Их главным богом был дерзкий лис, голова которого сейчас украшала щиты Кэчтэна и Кэчуша. Кэчи боялись его гнева за измену, да и рассказы этого проповедника, как-то, не грели душу. В конце концов, когда он стал угрожать им карой своего бога, Башкэч распо-

рядился прогнать его палками, что мужчины-воины их рода и выполнили с большой охотой, и поделом ему – не стращай людей, приютивших и накормивших тебя.

Поэтому Кэчтэн сразу же развернул щит навстречу священнику, как бы призывая своего бога самому разобраться с богом этого человека в чёрной рясе и с черным клобуком. Кэчуш, прижавшись правым плечом к Кэчтэну, гордо вскинул свою голову и положил правую ладонь на кинжал.

Второй человек, сидевший в кресле за столом, в очках-щитах на лице, встал при появлении гостей и улыбнувшись сказал:

– Видать, Николай Дмитриевич, насолил им кто-то в вашем обличии.

– Вижу, сын мой, Алексей Натанович, – тихо сказал отец Николай и, улыбнувшись, уже громче добавил, – проходите, гости дорогие, заждались, и поклонился половцам вместе с учителем.

Александр Беркетович, от которого не укрылось напряжение гостей, попросил Романа объяснить им, что это люди знающие язык тех русичей, в союзе с которыми, в прошлом году, воевали половцы. Роман начал объяснять Кэчтэну, подбирая слова, но его перебил Алексей Натанович.

– Вы позволите, я попробую ему объяснить?

– Да, конечно, – Роман был рад сбросить с себя труд переводчика.

Лайсман, такой была фамилия молодого двадцатисемилетнего учителя истории, стал довольно быстро говорить Кэчтэну на древнерусском. Половец внимательно слушал, потом коротко бросил что-то Кэчушу и опустил левую руку с щитом.

– Он всё понял, – сказал Лайсман Гринёву.

– Отлично, – искренне восхитился беглой речью учителя Александр Беркетович, – что ж, все к столу, – пригласил он гостей широким жестом.

– Я, пожалуй, пойду, Александр Беркетович, – не стал присаживаться отец Николай, – Алексей Натанович блестяще справится без меня, а мой церковно-славянский всё же, более поздний русский язык, да и гостям без меня, видимо, легче.

– Ну что ж, спасибо вам, батюшка, извините за беспокойство, не смею задерживать, – пожал ему руку по-светски Гринёв.

Уже накинув теплую куртку, у дверей, отец Николай перекрестил всех широким жестом:

– С богом, господа, а я пойду, помолюсь о спасении от смуты душ наших во дни испытаний, – и ушёл.

Однако не успели гости рассесться вокруг журнального столика, как зазвонил телефон. Уже ко многому привыкшие здесь половцы вздрогнули. Гринёв взял трубку, представился и выслушав бросил: «Иду». Потом, извинившись за уход и попросив Лайсмана продолжить беседу с гостями, вышел.

В холле гостиницы его ждала Юлия Романовна Бескаравайнова – главный санитарный врач города. Её ещё около часа ночи разбудила жена Альтена Катя. Она рассказала о ЧП в порту, куда уехал её муж, о звонке Ярославцева. Юлия Романовна недавно приняла Катю на работу санинспектором в карантинную лабораторию, но уже успела проникнуться симпатией к этой грамотной и очень ответственной женщине, и если та поднимала её среди ночи, значит случилось что-то действительно из ряда вон.

Через пятнадцать минут, позвонив на станцию скорой помощи, в травматологию центральной больницы и домой к Жилину, она уже знала следующее: из порта в больницу доставили двух речников с сотрясением и переломами, ещё четверо с ушибами остались в порту спасать корабли. При резком падении воды, один матрос выпал за борт сухогруза и пропал без вести, вместе с водой.

Из лаборатории горхоза доставили человека, обожженного электрическим током и труп неизвестного, убитого тем же электрическим зарядом.

Из остатка поселка Средняя Ахтуба доставлен человек с сердечным приступом, а за ахтубинским перекрёстком расстилается невесть откуда взявшаяся снежная степь.

Полковник Жилин домой не возвращался, а вся милиция на ногах из-за, какой-то, катастрофы в городе.

Бескаравайнову охватила тревога. Она, пытаясь переварить информацию, застыла на диване с телефонной трубкой в руках минуты на три. Юлия Романовна, возможно, сидела бы и дольше, но подошёл из спальни проснувшийся вместе с ней от телефонного звонка муж, Гавриил Кириллович, главный инженер «Энергомаша».

– Что случилось? – спросил он жену, забирая и кладя на место телефонную трубку.

– Не знаю, – очнувшись, ответила Юлия Романовна, – исчезла вода в Волге и почти вся Средняя Ахтуба. произошла какая-то катастрофа.

– Так что же мы сидим? Виктор что-нибудь знает? – снова спросил после некоторого раздумья Бескаравайнов.

Дело в том, что Жилин был мужем младшей сестры Гавриила Кирилловича Ольги и иначе, как Виктор, а то и Витькой он его не звал.

– Виктор не приходил домой, телефон на работе не отвечает. Он звонил Ольге, сказал только, что какая-то катастрофа. Его милиция вся на ногах, разбираются.

Потом, помолчав немного, взяла трубку и набрала дежурного врача инфекционной больницы. Поздоровавшись и представившись, Юлия Романовна передала распоряжение немедленно поднять с постели водителя их автобуса ПАЗика, чтобы через час он был готов к выезду и ждал ее распоряжений. Потом, положив трубку, обратилась к мужу:

– Заводи свою девятку, Гаврюша, надо срочно ехать.

Через полчаса, узнав от дежурного, что Жилин у Ярославцева, они поехали в администрацию и ждали в приемной, пока не закончится совещание и не выйдет Виктор Борисович. Узнав от него на бегу последние новости о том, где очутился их город, о половцах, о Совете обороны, о новых комендантских обязанностях Жилина, Бескаравайновы сели в машину переварить информацию.

– Боже мой, боже мой, боже мой, боже мой, – причитала Юлия Романовна.

Гавриил Кириллович молчал, он пытался построить хоть какие-то прогнозы на, ближайшие дни, да что там дни – часы! И как ни крути, всё у него получалось одно мрачнее другого.

– Гаврюша, надо спасать детей и внуков! – внезапно воскликнула Юлия Романовна.

– Давай подумаем, как.

– Сейчас же поедem, соберём их и надо бежать и бежать отсюда! Гаврюша! Что ты стоишь? Скорее!!! Давай!!! Заводи!!!

– Куда бежать-то?!

– Куда-нибудь! К маме под Рязань. К твоему другу в Москву, наконец! Бежать! Бежать! Бежать! – повторяла она, схватившись сбоку за баранку руля. Ее вытаращенные глаза смотрели на мужа с возмущением:

– Ну, скорее же!

Тридцать два года прожили они вместе, прожили, в общем-то, счастливо. Были у них и беды и праздники, и ссоры и моменты высшего духовного единства, вырастили и выдали замуж троих дочерей, радовались пятерым своим внукам и внучкам, и за всё это время Гавриил Кириллович ни разу, никогда не поднимал руку на свою жену. Сперва он страстно любил её и обожал, потом воспринимал уже просто как неотъемлемую часть своей жизни вместе с дочерьми, потом зятьями и внуками, а разве можно не любить свою жизнь. Грешно обижаться на судьбу, да ещё, если она подарила тебе такого верного и любящего тебя человека. За всю жизнь у неё только однажды было похожее состояние паники. Они жили тогда в сыром подвале частного дома на Рабочем посёлке, снимая его за 30 рублей в месяц, и платили хозяйке дома ещё 35 рублей, как нянечке. Он, отслужив после техникума в армии, третий год работал масте-

ром на ГПЗ-15 и учился на вечернем отделении горхоза. Она – студентка второго курса медицинского института – родила около года назад их первую дочь Александру. В ту памятную ночь их дочурка под утро даже не плакала – температура у неё поднялась под сорок. И тогда те же вытаращенные глаза, то же: «Скорее! Бежим в больницу!» «Куда, родная? Через весь город? Я сейчас побегу и вызову скорую помощь». Он одевался, а она кутала дочурку, не слушая его. Когда же уже одетый увидел, что его Юлька надевает пальто, подошёл к ней, сильно встряхнул за плечи и крикнул: «Я сейчас приду со „скорой“ и с врачами и отвезу вас в больницу»! Силой снял с неё пальто, Юлька села на койку и согнувшись зарыдала.

Бегом по слякоти к телефону-автомату, ожидание «скорой» на промозглом ветру с мартовским снего-дождём, сопровождение машины с красным крестом к дому с мыслью: «Только бы не завязла в грязи» – всё это заняло полчаса, которые казались вечностью. Когда он вслед за доктором и медсестрой вошёл в дом, то увидел жену, рыдающую в прежнем положении.

Доктор, мужчина лет сорока, сразу же распеленал ребёнка и осматривая его стал задавать дежурные вопросы: «Когда, как, что делали, какие лекарства?..». Гавриил начал было отвечать, но врач его тут же прервал: «Я спрашиваю у вашей жены. Как её зовут? Юля, рассказывайте», и Юлька, встав с кровати, стала отвечать на его вопросы, подавляя всхлипывания и вытирая опухшие глаза. Врач сделал их дочке укол, записал что-то на листочке и всё то время, пока она укутывала ребёнка и одевалась сама, непрерывно с ней разговаривал о всяких житейских мелочах, а перед уходом спросил: «Знаете, Юля, какое сейчас главное лекарство для вашей дочки?» И сам же ответил: «Ваше спокойствие и уверенность в её выздоровлении. Бог его знает как, но ваша паника захватывает и ребёнка, а паника всегда ускоряет гибель. Так что успокойтесь и зарубите на своём носике – Ваша уверенность придаёт ребёнку силы. Пошли». Гавриил проводил жену с дочкой на «скорую» и всю жизнь благодарно вспоминал того доктора, спасшего его дочь и научившего их чему-то очень важному.

Бывали в жизни и другие крутые ситуации, но его Юлька всегда проявляла удивительную стойкость. И вот теперь, на тебе...

Гавриил Кириллович, у которого у самого сердце сжалось от беды, ударил жену ладонью по правой щеке:

– Остановись!!!

Юлия Романовна сникла и заплакала. Бескаравайнов взял её лицо в свои ладони и, глядя ей в глаза, заговорил:

– Если то, что сказал Виктор, правда, а к несчастью так оно, скорее всего, и есть, то спасти детей и внуков можно только спасая город. Без него мы не выживем. Ты очнись, родная, нет ни Рязани, ни Москвы. Нет России, нет Европы и Америки, то есть континенты-то есть и города старинные, но нет никаких государств и народов нашего мира. Кругом варварские и дикие племена. По миру гуляют, как хотят, чума и холера, всякие твои сибирские и прочие язвы, войны, жестокость, рабство. Я не знаю как, но Виктор, Ярославцев, военные, сейчас, делают всё, чтобы спасти город. Им надо помочь, тогда спасем и себя и наших.

Он привлек её к себе и молча стал гладить её затылок. Так продолжалось несколько минут, пока у уже успокоившейся Юлии Романовны не возникло вдруг – так некстати, – желание этого любимого ею и такого привычно сильного мужчины. Она отстранилась от него и, подавляя своё чувство, попыталась возмутиться:

– Ты меня ударил? – возмущения не получилось, так, легкий каприз.

– Ну, прости, пожалуйста, я... как-то... Прости, не хотел.

– Свет включи и не смотри на меня, пожалуйста, – сказала Юлия Романовна, вытирая глаза и доставая косметичку. Гавриил Кириллович усмехнулся и, обняв баранку, уставился в лобовое стекло.

Быстро приведя своё лицо в приличный вид, Юлия Романовна попросила:

– Отвези меня, пожалуйста, в эпидемичку, а сам предупреди детей. Давай соберёмся все утром часов в девять. Я позвоню, будь дома. Хорошо?

– Ладно, – Гавриил Кириллович завёл машину.

И вот теперь Юлия Романовна, вызвав Гринёва, стояла в фойе гостиницы «Волжская». Она просто рвалась в бой. В её сознании крепко засела логически верная мысль мужа, что без спасения города невозможно спасти детей. И теперь она бросилась спасать город так, как это делает любая мать на земле – яростно и бескомпромиссно. Бескаравайнова буквально ошеломила Гринёва потоком своих требований:

– Александр Беркетович, я требую немедленно на границах города установить карантинные посты; во-вторых, сейчас же отправить все трупы волков к нам на анализ в лабораторию; в третьих, всех, кто общался с половцами, как и самих половцев, немедленно посадить на карантин в нашу больницу; в-четвертых: пока не будут исследованы анализы половцев, ни о каких контактах карантинной группы больше речи быть не может; в пятых, любой гражданин, бывший за границами города, должен проходить карантин при возвращении, а тем более любой... не гражданин, прибывающий в город извне. Ну, и последнее: нам нужно немедленно увидеть половцев и, в первую очередь, провести их обследование.

Гринёв был офицером контрразведки и для него, как, впрочем, и для любого военного человека, источником опасности всегда были люди. Он знал, как против человека строит оборону Кузнецов, а тем более, какие действия надлежит выполнять его службе безопасности, о невидимых же врагах, в виде микробов, вирусов и тому подобных, у него были самые поверхностные представления. Сейчас же, слушая Бескаравайнову, он умом начинал понимать, что они, выпав из привычного мира, выпали из той мировой системы противоэпидемической безопасности. Действительно, сейчас полностью отсутствует информация об эпидемиологическом состоянии любой территории земли. Ничего неизвестно даже о том, какие гадости дремлют под снегом возле города.

– Хорошо, трупы волков отвезут в вашу лабораторию, четвёртый этаж гостиницы будет карантинным, там будут размещены и половцы и все, кто с ними контактировал до тех пор, пока вы не получите результатов всех анализов. Насчёт карантинных постов вам, Юлия Романовна, надо обговорить все детали с командующим внешним кольцом обороны Кузнецовым, а что касается ограничения контактов, то я вам обещаю, что кроме визита к Ярославцеву в пять ноль-ноль, больше пока ничего не будет.

Сказано, сделано. Через полчаса четвёртый этаж гостиницы был освобожден ото всех ранее проживающих гостей, которых дежурная переселила на другие этажи. У всех прибывших из-за «кордона» была взята кровь на анализы, в том числе и у половцев. Все это происходило в той самой 403 комнате. Половцам объяснили, что это необходимо, чтобы узнать, не прокрались ли с ними какие-либо болезни. Лайсману удалось убедить Кэчтэна подчиниться мужчине и двум женщинам, одетым в белые халаты и шапочки и с белыми повязками на лицах, тем более, что все эти русские беспрекословно оголяли свои руки и давали себя колоть тонкими иглами, через которые у них откачивали немного крови.

Когда оба половца, Лайсман и Карпенко выходили из гостиницы, все четверо были с марлевыми повязками на лицах. Кроме того, умывшиеся под душем Кэчтэн и Кэчуш были переодеты в чистые нательные рубашки и кальсоны, ещё им выделили теплые больничные курточки-пижамы, уже сверху всего этого было одето их кожаномеховое облачение, которое, несмотря на сушку феном и почти часовое проветривание, все же пахло хлорамином. Бескаравайнова хотела поменять им всю одежду, но тут Гринёв воспротивился. Он понимал, что без этого оригинального облачения и без оружия половцы не будут уже похожи на самих себя.

Кэчтэну очень понравилось купание в струях теплой воды и намыливание пахнущим сиренью удивительным веществом под названием «мыло». Роман, который объяснял ему и Кэчушу, как пользоваться душем и мылом, в свою очередь удивлялся сухому, но жилистому, с четким рельефом мышц телу Кэчтэна, исполосованному еще одним колото-рваным и тремя рублеными шрамами.

Вначале шестого в большом зале администрации собрались почти все руководители крупных и средних предприятий города, а также большинство депутатов городской думы, ожидавших обещанного им появления половцев. Шум и гвалт в переполненном зале стояли невероятные – народ делился поразительной информацией, слухами, предложениями о том, что делать. В это время на сцену, к столу президиума, через отдельную закулисную дверь вошли Гринёв и четверо его спутников, которые сели за стол. Гринёв, сразу пройдя к трибуне и подождав, пока рассядется и затихнет зал, сказал через марлевую повязку:

– Прошу всех присутствующих, в целях соблюдения карантинных мероприятий, не подходить к сцене ближе первого ряда.

Затем, сдвинув повязку под подбородок и кивком головы разрешив это сделать своим спутникам, он продолжил свое выступление, рассказав подробно о том, как, почему и где оказался их город. Потом, сообщив, что в тридцати километрах к северу от города было обнаружено стойбище одного из половецких родов, он предоставил слово Роману.

Роман, выйдя к трибуне, вкратце рассказал о своем путешествии по заснеженной степи, о битве с волками, об убитом ими медведе, о половецком стане.

Зал слушал с напряженным вниманием. Никто даже не дремал, несмотря на самую сонную предрассветную часть ночи.

В конце, как и договаривались с Гринёвым, он представил Залу Кэчтэна и Кэчуша, рассказав, кто они такие, и что отправились они сюда в качестве послов. Роман пригласил на свое место Кэчтэна и вернулся за стол.

Кэчтэн, который не выпускал из левой руки свой щит, вышел к трибуне, резко поднял над головой выдернутый из ножен меч, со свистом разрезал перед собой воздух и аккуратно положил его перед собой, накрыв щитом. Затем низко поклонился залу в пояс и начал свою короткую речь, которую переводил подошедший к нему Лайсман. Кэчтэн, которому Алексей представил сидящих в зале, как старших, «лучших» людей города, отнёсся к своему выступлению очень ответственно. Он рассказал о жестоких и яростных победителях русичей и половцев на Калке в прошлом году. Об их великом и непобедимом полководце Сэбэдае, о том, что половцы гордились бы союзом с их городом и о том, что он на межплеменном совете будет убеждать их заключить такой союз для защиты их с земель от татар.

Кэчтэн, сталкиваясь то с одним, то с другим техническим средством цивилизации конца двадцатого века, всё больше сомневался, люди ли эти русские, не боги ли они? – Разговаривают друг с другом на расстоянии, ездят на автолах, убивают группами – всё волшебное, всё удивительное. При этом русские уважали и слушали Башкэча и теперь вот слушают его. Нет, гордые, сильные и свободные половцы, предпочитающие погибнуть, но никому не подчиняться и не платить дани, должны согласиться с ним и стать данниками этих удивительных русских. Богам за свою защиту дань платить не стыдно.

Обезображенное лицо Кэчтэна притягивало и гипнотизировало зал. Оно воздействовало своей правдоподобностью больше, чем его щит, меч, одежда, да и сам рассказ. Вопросов не было. Тем более, что Гринёв пресёк попытки их задавать ещё во время выступления Карпенко, попросив зал отложить их на потом. Когда Кэчтэн закончил свою речь, прерываемую переводом Лайсмана, Гринёв встал и объявил:

– А сейчас слово для доклада и ответов на вопросы предоставляется Председателю Совета обороны Ярославцеву Андрею Андреевичу.

– Пошли, – скомандовал он «президиуму» и они, надев свои марлевые повязки, покинули сцену через ту же закулисную дверь, через которую входили.

Ярославцев вошёл через другую дверь, прошёл через весь зал, поднявшись на сцену по ступенькам, встал к трибуне. Аудитория загудела, делясь впечатлениями. Председатель Совета обороны поднял руку и, не дожидаясь полной тишины, начал:

– Итак, господа, я думаю, вы получили всю имеющуюся у нас информацию о положении города.

Он внимательно осмотрел зал. Перед ним сидела ВЛАСТЬ города. Ещё в юности, когда он только пришёл на завод и за свою активность и равнодушие был почти сразу выбран в комитет комсомола, Андрей хорошо запомнил поучения многоопытного тридцатилетнего секретаря комитета Николая Филимонова. Тот говорил: «Знаешь, Андрюша, у нас, у комсомольцев, есть масса идей и желания что-то организовать, что-то сделать. Однако, для осуществления любой идеи нужны две составляющие, которых у нас нет. Первое: это деньги и другие материальные средства, они в руках у директора или профкома, что, в общем, тоже, считай, у директора. Второе: это властная „крыша“, то есть партком. Надо, чтобы он, если не будет помогать, то уж, по крайней мере, не мешал, согласился бы с твоими действиями. Так вот, хочешь добиться результатов? Привлечь на свою сторону две этих составляющие, а ребята тогда черту рога свернут».

Ярославцев неоднократно за свою бурную молодость получал подтверждение этой мысли Филимонова.

За последние восемь-девять лет в стране изменилось многое, но этот постулат: реальная власть всегда находится у того, у кого деньги, был неизменен, как закон природы. Да, несколько подрастеряла свою власть и вседозволенность компартия, уйдя в теневую «крышу». Её место заняли усилившие свое влияние государственные структуры, и Ярославцев всю ночь занимался тем, что обеспечивал себе поддержку этой «крыши», этих структур. Сейчас его активно поддерживали и уже развернули свою деятельность армия, милиция, усиленный аппарат администрации. Дума, по крайней мере, согласилась и, пока, не противодействует, и на том спасибо.

И, вот сейчас, перед ним сидит вторая составляющая – материальные средства, о деньгах пока придется позабыть, они превратились в ничего не значащие бумажки. Великое дело: не просто реквизируют их средства, а убедить хозяев этих средств в жестокой необходимости такого шага для их же будущей выгоды, сделать их своими союзниками.

Вот почему Ярославцев использовал Гринёва с его подопечными для подробной обрисовки директорату всей картины случившегося. А сейчас он собирался не только объяснить ближайшие цели вынужденных действий Совета обороны, но и перспективу выживания города. Но главное – дать им сознание того, что они вовсе не превращаются в пешек, а остаются ферзями, от которых зависит главный успех сражения за спасение города от деградации.

Ярославцев, рассказав о принятых уже Советом обороны мерах, о мобилизации всего населения города на первоочередные меры по его защите, перешёл к главному:

– Теперь я хочу, чтобы вы задумались о том, что у нас нет никакого сырья для любого производства, а нам надо производить теперь самим всё: спички, бумагу, ГСМ, все металлы, мыло... короче, всё, что даёт нам привычные удобства для жизни и минимум, хотя бы стрелковое оружие, для обороны. Я жду ваших размышлений на этот счет и предложений. Бумагу будем экономить, поэтому с завтрашнего дня с каждым из вас буду встречаться отдельно и будем решать, что делать с вашими предприятиями, что перепрофилировать, что развивать и какую сырьевую базу искать. Вопросы есть?

Зал опять загудел, посыпались вопросы: «Что с электроэнергией? Как там ГЭС? Как будет снабжаться продовольствием население?..». Ярославцев отвечал на одни, просил подождать с ответом на другие. Наконец, кто-то предложил собрать по городу всех докторов и кандидатов наук и провести мозговой штурм о средствах выживания города. Шум в зале нарастал.

Ярославцев поднял руку, стало стихать, но очень медленно. В этот момент в дверях в конце зала показался прапорщик с солдатом.

– Тихо! – зычно крикнул Андрей Андреевич, стукнув кулаком по трибуне, и махнул рукой военным, приглашая их к себе. Притихший зал оглянулся и увидел проходящих прапорщика с «Макаровым» в кобуре и солдата с автоматом. Всё, это собрание, которое было на грани превращения в митингующую толпу, как будто спустилось на землю и уже с гробовым молчанием воспринимало слова Ярославцева:

– Попрошу не забывать, что у нас военное положение. Уясните сами и объясните это своим людям, что ответственность за невыполнение приказов Совета обороны и должностных лиц в этих условиях будет суровая. А теперь напоминаю: всем руководителям, у которых имеются здания, сооружения и оборудование – организовать немедленно усиленную охрану своих предприятий силами своих сотрудников. Согласовать количество и структуру охраны с комендантом города. Все свободны, кроме руководителей Энергомаша, Механического, Трубногo и Подшипникого.

Директора с шумом встали и пошли к выходу, продолжая обдумывать каждый своё и своих предприятий положение.

Прапорщик, козырнув, доложил:

– Товарищ Председатель Совета обороны, две полевые кухни доставлены по вашему приказанию.

– Хорошо, сдайте их охране на входе и свободны.

– Есть, – и солдаты, развернувшись, пошли к выходу.

– Вот что, братцы, – Ярославцев обратился к оставшимся директорам, осмотрите эти кухни, и, через полчаса, жду ваших предложений по изготовлению двухсот штук чего-то похожего, – и, выйдя из зала, пошёл в свой председательский кабинет.

Как только он вошёл к себе, встал Гринёв, за ним, понимая эту демонстрацию уважения к первому лицу города-государства перед половцами, Жилин и Зубов, а уж остальные встали совершенно естественно. Лайсман тут же представил Ярославцева, как «князя» города Кэчтэну, который пояснил это же на своем языке Кэчушу. Ярославцев подошёл к половцам, пожал им руки, слушая их имена из их же уст, затем поздоровался с представившимися ему Лайсманом и Карпенко, предложил всем сесть и прошёл к своему столу.

За окном уже почти совсем рассвело. «Рано, по-весеннему», – подумал он, и на душе замотанной тяжелой ночной работой полегло, напряжение безмерной ответственности за город несколько ослабло, и Ярославцев сказал улыбувшись:

– Однако весна, братцы, – перевел взгляд на присутствующих, сел в свое кресло и добавил, – всё будет нормально.

– Приказ об организации комендантской службы и план мобилизации всего населения города вчерне готовы, – доложил Жилин, показывая исписанные листы, – читать будете Андрей Андреевич?

– Некогда, сейчас отпечатайте, я подпишу. Теперь, Виктор Борисович, оперативное командование милицией сдайте своему заму, а сами обживайте кабинет напротив. Вы мой заместитель и комендант города, – так что милости прошу, а пока свободны.

Жилин с Зубовым вышли из кабинета и Ярославцев попросил оставшихся снять повязки, а в ответ на укоризненный взгляд Гринёва махнул, усмехнувшись, рукой:

– Зараза к заразе не пристанет. Перейдем к делу. Господин Кэчтэн, когда Вы сможете собрать Большой Половецкий Совет всех родов для заключения с вами союза? Кстати, сколько у половцев осталось людей после монгольской бойни?

Кэчтэн отвечал, что из-за начавшегося ледохода и разлива рек собрать межродовой совет можно будет не раньше, чем через три месяца, а после страшной «татарской» бойни они смогут выставить не больше трех тысяч воинов.

– Ледоход на Волге нам не страшен, гонцов можно переправить и по плотине, – вновь заговорил Ярославцев, – покажите им плотину, Александр Беркетович, а вот воинов столько, наверно, и не нужно, если господа половцы возьмут на себя обязанности дозорной разведки границ общего союза на востоке и на юге, в первую очередь.

– Хош, ладен, – был ответ Кэчтэна.

– Александр Беркетович, сейчас, наверное, и гостям и Вам надо отдохнуть, а через несколько часов, вы с ними обговорите детали нашей помощи в том, чтобы собрать их Большой Совет или как его там... а заодно и место сбора обговорите, где-то недалеко от нас, чтобы наше посольство могло поучаствовать. В общем-то, всё, – Ярославцев встал, встали и гости, – а сейчас извините, ещё дела. До свидания. Он, вышел из-за стола, попрощался с гостями за руку и они расстались, пожелав друг другу всего доброго.

День 16-го апреля 1224 года для Ярославцева пролетел, как вихрь. К девяти часам вечера, измученный огромным объемом принятых решений, он просто перестал воспринимать информацию, а, тем более, верно на неё реагировать. Поручив дежурному секретарю принимать и записывать все сообщения, Ярославцев оделся и вышел из кабинета, направляясь домой.

Прохладный, но не холодный южный ветер освежил его лицо и, метров через 100 неспешного прогулочного движения навстречу этому ветру, его голове стала возвращаться способность рассуждать.

«Итак, – подумал он, – каковы у города перспективы? Первое: продовольствия примерно на полтора месяца, хлеба, при норме от трехсот до шестисот грамм на человека в день, хватит на полгода. Следовательно, даже нормированного отпуска продуктов при всеобщем общественном питании надолго не хватит. Второе: запасы нефтепродуктов мизерны, и взять их негде, следовательно, предельная экономия. Третье: сырьё для заводов тоже взять негде, значит надо срочно организовывать добычу его и энергоносителей. Четвертое: надо срочно искать пути для выгодного обмена промтоваров конца второго тысячелетия на продовольствие тринадцатого века. Пятое: распахать целину вокруг города (благо, весна) и получать достаточно продовольствия, чтобы отменить распределительную систему. Д-а-а, этого для начала достаточно. Стратегию достижения этих целей надо определить уже завтра и быстро подсчитать силы и средства для решения задачи выживания».

Подходя к, своему дому в непривычной темноте улицы и окон, Ярославцев, уже неплохо различавший предметы под звездным небом, заметил два силуэта, которые двинулись к нему навстречу.

– Стой, кто идет? – раздался сильный мужской голос.

– Ярославцев, я здесь живу.

– А, Андрей Андреевич, – мягкий женский голос сопроводил вспыхнувший на несколько секунд навстречу Ярославцеву луч карманного фонарика.

Ослепленный и потерявший ориентацию во вновь навалившейся темноте, городской голова спросил:

– А вы кто такие?

– Комендант двора, старший лейтенант Коровин и патрульная Сёмина, – доложил мужчина.

Разговорились. Ярославцев узнал, что возле каждого дома круглосуточно дежурит двое патрульных, всего в их дворе восемь человек. Причем мужчины-пенсионеры взяли дежурить по два часа в три смены, а женщины по часу.

– Пока так, – закончил Коровин.

Ярославцев же на вопросы патрульных отвечал в общих чертах. Говорил о положении в городе, о принимаемых мерах. Он почти ничего нового не добавил к тому, что уже и так знал

весь город. Некоторые подробности по организации конкретных служб и рабочих рот Коровин знал даже лучше.

В конце концов, усталость снова навалилась на Андрея Андреевича и он, сославшись на неё, извинился и пошёл к своему подъезду. Лифт не работал, и он с удовольствием дал нагрузку на ноги, прыгая через ступеньки по лестнице на свой этаж.

Татьяна с детьми встретила Андрея со свечкой, и, пока он раздевался, а Петр держал горящий свечной огарок, она на кухне налила ему борщ из кастрюли, накрытой одеялом. Под тем же одеялом стоял горячий чайник и сковорода с жареной картошкой и луком.

– Что, пап, учиться не будем? – спросил не то радостно, не то озабоченно Петр.

– Это почему же? – удивился Ярославцев.

– Так говорят, нас, кто с пятнадцати и старше мобилизуют. Завтра с утра в школу.

– Да, и нам тоже в школу. Нас тоже мобилизуют? И что, воевать пойдем? – обрадовано затараторил Вовка.

– Вояка, – съязвил Петр, – тебя половцы только увидят...

– Боже мой! – воскликнул Ярославцев, перебивая сына, – они уже и про половцев знают.

– Мы уже знаем не меньше тебя, дорогой наш светлый князь всея Руси-России, – вступила шутливо в разговор, выходящая из кухни, улыбающаяся Татьяна и добавила, – скорее умывайся и за стол, ужин стынет, а подогревать его не на чем – ни газа, ни света.

– Сейчас, сейчас, – заторопился Андрей. Пробежка по лестнице и веселый щебет родных сняли усталость, задвинули все заботы прошедших суток куда-то в дальний угол, и он счастливый и полный какой-то теплой и ласковой энергией, умывшись, прошёл на кухню.

Пока Ярославцев с аппетитом ел, вся семья собралась вокруг стола, и мальчишки рассказывали, куда они за день бегали, что видели. День был крайне необычный, на улицах почти исчезли машины, зато куда-то спешило множество людей. Ещё больше их собиралось во дворах, обсуждали «Обращение», гадали, чем закончится вся эта заваруха, рассуждали о том, что начальство должно делать в первую очередь, варили еду на паяльных лампах. Потом во дворах зачитали приказ о мобилизации и споры поутихли. Началась суeta с составлением списков, формированием комендантских и рабочих подразделений. С восьми вечера город как-то сразу, вместе с отключением электроэнергии, затих, тем более, что до пяти утра был объявлен комендантский час. Военное положение, так военное.

Плотно поужинав, Ярославцев вдруг почувствовал, что рассказы детей и жены его просто убаюкивают. Он уже не воспринимал смысла сказанного, хотелось просто положить голову на руки и заснуть прямо за столом. Усилием воли он встряхнулся и встал:

– Всё, ребятки, спать. Я пошёл, Танюша.

Татьяна, уже убравшая со стола, поручила Петру помыть посуду, а сама со свечой пошла в спальню впереди мужа. Ярославцев разделся, преодолевая желание упасть на кровать, как есть, и только коснулся щекой подушки на разобранной женой постели, как тут же провалился в бездну.

Татьяна укрыла мужа одеялом, послушала его мерное дыхание и пошла загонять мальчишек в их кровати – свечи надо беречь, да и самой надо ложиться, тоже вымоталась, а утром, в пять часов обещали дать электричество, надо напечь лепешек, хлеб-то вчерашний сегодня доели, а как там завтра их будут кормить – ещё бабушка надвое сказала.

Жилину, да что там Жилину, городу просто повезло, когда в восьмом часу утра в кабинет коменданта города постучал Борис Васильевич Зенин. Полковник Зенин служил начальником тыла расквартированной в Волгограде мотострелковой бригады, а в Волжском этой ночью оказался потому, что выдавал свою дочь Ленку замуж за местного бизнесмена Ивана Козина, который занимался иностранным и местным туризмом. У него была собственная турбаза на Ахтубе, двухкомнатная квартира и старенький ноль-первый жигулёнок, на который

пересел с Вольво, чтобы купить эту квартиру и сыграть свадьбу. Так что не особенно шикарно, но концы с концами сводил. Свадьбу играли на турбазе, и большая часть гостей осталась там догуливать и ночевать, а родители и молодожены, где-то около 23-х часов поехали в город на такси. Проводили молодых в их квартиру. Иван показывал тестю с тещей свое новое и, надо сказать, уютное жилье, пообсуждали его обустройство, сложили в кучу подарки и деньги, собранные на свадьбе и, оставив молодых, пошли ночевать к родителям Ивана в соседний дом, у которого стояла машина Зенина. На едва заметную встряску они не обратили внимание, но, когда потух свет и им пришлось впотьмах подыматься на восьмой этаж, досталось на орехи всему клану энергетиков и электриков на свете. Зато, добравшись, наконец, до кухни, сваты дернули напоследок по стопашке за здоровье молодых и, разогнанные свахами после веселой колготы, легли спать.

В шесть утра Зенины проснулись от настойчивых коротких, но частых звонков в дверь. Зенин вскочил, как ужаленный и рефлекторно бросился одеваться. Сигнал тревоги, въевшийся в его организм ещё с курсантской юности, кинул его к одежде, и, только одев брюки и схватив рубашку, он начал, наконец, просыпаться и соображать, где находится.

— Что случилось? – поднялась жена и стала вспоминать-искать свой халат.

– Кто там? – на ходу поправляя свой халат спросила сваха и приоткрыла дверную глазку.

– Мы из военкомата, – раздалось за дверью, – Козин Иван мобилизуется по тревоге, внизу ждет автобус.

– Его здесь нет... – начала была хозяйка, но Зенин был уже возле неё в наброшенном на плечи пиджаке:

– Открывай, Даниловна.

Сваха поглядела на его сосредоточенное, хотя и заспанное лицо, оглянулась на подходящую к ним сваху, взяла стоящий в углу у двери стальной совок и тихо, пробормотав: «Гляди осторожней, Боря», – открыла дверь, за которой стоял кудрявый светловолосый парень в старой синтетической куртке с трехцветной повязкой на левом рукаве.

– Полковник Зенин, – представился Борис Васильевич, – что случилось?

– Толком не знаю, – ответил парень, – город ночью провалился в какое-то прошлое, вокруг нас дикие степи и то ли половцы, то ли хазары, то ли татары. В общем, мобилизуется армия для охраны границ города. Нам нужен Козин Иван, внизу ждёт автобус.

– Где сбор?

– В горвоенкомате.

– Езжайте, не ждите, я его привезу на своей машине. Парень замялся:

– А Вы точно полковник Зенин? Мне нужен лично Козин.

Зенин достал из пиджака удостоверение, раскрыл его, показал парню и, пока тот читал, пояснил:

– Ивана здесь нет, он в соседнем доме, так что езжайте, я сейчас за ним схожу.

– Ясно, тогда распишитесь вот тут, – парень протянул ему листок бумаги с десятком, фамилий, – и напишите: «Полковник Зенин», да и пусть возьмёт с собой еды на сутки.

– Закрыв за парнем дверь, Зенин посмотрел на присмиревших женщин:

– А где сват?

– А спит, – сваха махнула рукой, – вчера надрался, теперь пушкой не разбудишь.

– Что случилось? – тревожно спросила жена, – Война?

– А бес его знает! Но вроде не война. Сколько времени? Радио у нас есть?

Только теперь все обратили внимание, что за окном уже здорово рассвело.

– Пошли на кухню, – скомандовала сваха.

На кухне она включила радиоточку – только шипение. Зенин включил радиоприемник на магнитоле, прогнал его по ФМ – не было даже шипения, переключил на СВ – тот же эффект. Прогнал автоматически обратно и вдруг ш-ш-ш в одном месте. Глянул на настенные часы:

– Странно, уже восемь минут седьмого...

И вдруг шум прекратился и раздался тревожный женский голос:

– Внимание, внимание, передаем «Обращение Городского Совета обороны к гражданам Волжской России», то есть, к нам с вами, жители города Волжского.

Все трое, застыв, выслушали «Обращение». После обращения выступила диктор с информацией о совещании руководителей предприятий, о речи половца, о всеобщей мобилизации жителей города на выживание. Снова стали передавать «Обращение».

Зенин молча прошёл в комнату, достал бритвенный прибор и, проходя в ванную, бросил свахе:

– Даниловна, звони сыну, скажи, что его призвали по мобилизации, пусть собирается, я за ним сейчас зайду.

– Господи, что за напасть на нашу голову, – глаза двинувшейся к телефону Даниловны были влажными от готовых прорваться слез.

Через двадцать минут, выбритый, одетый в свой новенький, неделю назад полученный из ателье мундир, Зенин сидел на кухне и завтракал – пил чай с бутербродом. Запасливая сваха доставала из холодильника снедь, а жена складывала её в целлофановые пакеты и помещала их в старенький большой портфель, в котором Борис Васильевич привез вместе с бритвенными и туалетными принадлежностями и свой гражданский костюм для свадьбы. Кое-как поднятый свахой, но не до конца проснувшийся Козин-старший, быстро приходил в себя, посасывая напротив Зенина «Сталинградское» пиво из горла и слушая «Обращение». Когда Борис Васильевич, допив чай, поднялся, он встал проводить его, не выпуская из рук бутылки, и уже в коридоре, когда Зенин надевал зимнюю куртку с полковничьими погонами, сказал, сделав очередной глоток:

– Вот что, Боря, как я понял, Волгоград гакнулся, или мы гакнулись от него?

– Хрен редьки не слаще, но надо ещё разобраться, что к чему.

– Что там разбираться? Ты главное запомни – вы со свахой, один чёрт бомжами не будете. Считаю, что этот дом – ваш дом, хоть там что. Ты понял меня? Правильно я говорю, мать? Или как? Даниловна удивленно глянула на мужа:

– И что говорить-то, конечно, и так всё ясно, не чужие ведь.

Зенина заплакала и уткнулась в плечо свахе. Борис Васильевич помотал головой, не то соглашаясь, не то нет, и, взяв за плечо Козина-старшего, сказал только:

– Спасибо тебе, сват, на добром слове, женщин на тебя оставляю.

– А что с ними сделается? Слыхал? – «Всеобщая мобилизация», того и гляди меня забреют...

В это время раздался звонок, стоящий у двери Зенин открыл её, и все увидели Ивана с сумкой на плече и его молодую жену в тёплых спортивных куртках и брюках.

...Иван не слышал телефонного зуммера, он проснулся оттого, что его растолкала жена.

Ленка, влюбленная и счастливая, уснула только около трех часов ночи. Сперва, как только закрылась дверь за родителями, они с Иваном, разбросав одежду по дороге к кровати, отдались желанию друг друга, потом, глотнув прямо в кровати «Байкала» и отдышавшись, начали всё снова, потом опять... Когда около двух часов ночи Иван, тоже счастливый и усталый, мирно засопел, раскинувшись посреди кровати. Ленка поднялась с его плеча, приняла душ, почему-то с чуть теплой водой, и, накинув халат, принялась собирать и складывать одежду, потом занялась подарками, распаковывала и раскладывала их, ища для новых вещей, их новое место. Навела в квартире некоторый порядок, легла под одеяло к мужу и задремала в полглаза. Спала – не спала, и уже под утро ей приснился сон, что они с Ваней сидят за свадебным столом, а гости кидают и кидают им подарки, которые падают и взрываются, как в немом кино – тихо. Иван одной рукой надевает на нее каску, а другой отбивает подарки, и тут вдруг он ловит сотовый телефон, а тот верезжит и вырывается у него из рук.

Ленка проснулась, услышала зуммер реального телефона, высвободилась из сонных объятий крепко спящего мужа и подняла трубку:

– Алё.

Узнав от свекрови о мобилизации Ивана, о собирающемся отце и об «Обращении», Ленка вскочила, набросила халат и растолкала мужа. Она, сколько себя помнила, моталась с родителями по военным гарнизонам и знала быт и порядки армии изнутри. Слово «тревога» и «тревожный чемоданчик» не были для неё пустым звуком. Отец, особенно по молодости, нередко, и днём и ночью поднимался и уходил по вызову посыльного или по телефонному звонку. И сейчас, услышав, что её отец собирается и что тоже надо делать её мужу, она не медлила. Пока Иван умывался холодной водой, она рассказала ему всё, что успела услышать от свекрови и успела найти волну единственной работающей сейчас на земле радиостанции. Газа не было, и Ленка, набрав воды в подаренный им электрочайник «Тефаль», включила его в розетку, когда умывшийся Иван застыл перед радиоприёмником, слушая «Обращение». В отличие от свекрови и матери, Ленка ещё не была той запасливой и бережливой хозяйкой, тип которой являет собой подавляющее число русских женщин. Бесконечные войны, бунты, революции, экономические «взлеты» на горбу народа и падения на тот же хребет, за многие столетия, приучили русскую женщину к извечной готовности встретить любую напасть и пережить её с минимальным ущербом, опираясь на собственные запасы продовольствия и хозяйственных мелочей. Всё это, генетически и примером жизни матери, было привнесено и Ленке, но она ещё не успела даже обжиться в новой квартире, а Иван все продукты отвёз на турбазу, на свадьбу. Поэтому, попив чаю с тортом, добрую четвертинку которого, вчера, захватила для них её мать. Ленка позвонила свекрови и попросила сделать для Ивана хоть пару бутербродов – холодильник молодоженов был пуст.

Наскоро помыв посуду и быстро одевшись по-походному, молодые пошли к родителям...

Борис Васильевич согласился взять с собой дочку, только после того, как она убедила его, что машину надо будет вернуть кому-то назад, к дому, если и его, и Ивана срочно отправят на службу ещё неизвестно куда.

Оставив зятя в военкомате, где того, как бывшего сержанта внутренних войск, охранявшего два года закрытый город Саровск, назначили в формирующийся батальон милиции, Зенин, по совету военкома Зубова, поехал в горадминистрацию к Жилину.

Жилин, обрадованный такому специалисту в армейском снабжении, тут же повёл его к Ярославцеву и, через полчаса, Борис Васильевич уже расписался в графе «ознакомлен» приказа Председателя Совета обороны о назначении его начальником тыла Волжской России.

Зенин был предельно сосредоточен, мысли работали быстро, но в его действиях не было суеты. Он ещё в разговоре с Ярославцевым утверждал, что начинать надо с формирования команды, на что тот посоветовал включить в службу тыла отряд Седенко, который, уже несколько часов работал на переписи продовольственных запасов города. Ему выделили кабинет второго зама, ключи от патрульных Жигулей, и он рванул на ней в военкомат.

В военкомате Борис Васильевич около часа изучал дела офицеров-тыловиков запаса и, отобрав двадцать человек, передал список Зубову с приказом: разыскать и отправить их в его распоряжение в горадминистрацию. Затем он связался по телефону с Кузнецовским дежурным по части и передал ему приказ направить к нему к двенадцати часам их зама по тылу, потом разыскал на овощной базе Седенко, познакомился с ней и с работой её отряда и попросил её перед встречей с Ярославцевым зайти к нему.

Вернувшись в администрацию, Зенин обустроил свой кабинет, несколько передвинув столы, достал телефонный справочник и принялся обзванивать руководителей предприятий и организаций, требуя от них приказом назначить заместителей по тыловому обеспечению и к семи часам прислать их на совещание в администрацию. Его твердый командирский голос действовал безотказно. Большинство руководителей уже пытались выяснить, как будут снаб-

жаться их люди питанием, и теперь, голос Зенина, придавал им уверенности в разрешимости этой проблемы.

К двум часам ночи, Зенин имел в своем распоряжении штаб из семнадцати офицеров, небольшой отряд водителей с грузовиками, роту (так он называл отряд Седенко) переписи ресурсов, батальон обеспечения и... батальон рыбаков. На создание этого батальона его надумил один из направленных к нему офицеров запаса, который жил в Средней Ахтубе и был поражен обилием рыбы, в быстро мелеющей реке образца 1224-го года, перекрытой плотиной из 1999-го.

В течение дня, мобилизуя всех, кого можно, Кузнецову удалось сформировать один неполнокровный боевой полк, уже стоявший на внешней линии обороны города, и 45 рабочих полков, для рытья оборонительного пояса, которые, тоже, частично выдвинулись к месту работы и утром будут там в полном составе. Однако, ещё куда большая часть населения оставалась в городе. Это рабочие и служащие, охраняющие остановленные предприятия, рабочие и инженеры, занятые на срочном изготовлении полевых кухонь, лопат, кандалных цепей для заключенных в ИТК преступников, которых тоже решено было вывести на земляные работы. Больше того, туда же направлялись и «жители» следственного изолятора. «Нечего зря хлеб жевать, – заявил на Совете обороны Жилин, – пусть пашут, пока идёт следствие». Ещё в городе, кроме комендантских дворовых отрядов из женщин, инвалидов и пенсионеров, оставалось большое количество детей, студентов, преподавателей, врачей; почти полк охраны складов, магазинов, автозаправок, жизненно важных объектов, связисты, коммунальщики, энергетики...

Всех их надо было «сосчитать», определить пункты питания, организовать завоз продуктов, а рабочие батальоны ещё и обеспечить инструментом, спецодеждой.

Абсолютно точной картины не было, но к утру должны были сложиться в основном предельно ясные объемы продовольствия, маршруты его доставки, методы учета, распределения и отгрузки. Оставив трёх офицеров с собой для доработки планов, Зенин отправил всех отдыхать до семи утра.

Время «Ч», начала централизованного питания всего населения, было в этих планах задано на 12 часов дня 17 апреля 1224 года.

ДЕНЬ ВТОРОЙ, воскресенье, 17 апреля 1224 года

Этот день борьбы за выживание Волжской России начался для Ярославцева около половины седьмого утра. Проснувшись от ударившего в лицо солнечного луча, он бросил взгляд на часы, быстро встал и, натянув спортивные штаны с лампасами, вышел из спальни. На кухне что-то скворчало. Оттуда тянуло вкусным запахом жареного.

– Доброе утро, Танюшка.

– А, проснулся? Сейчас, погоди минут пять, я тебе полью. В коридоре показалась заспанная голова Вовки.

– Вот и помощник проснулся, – Ярославцев ласково потрепал его за плечо, – так что не торопись, мы сейчас умоемся.

– Ну и прекрасно, кружку, вот, возьми, – Татьяна протянула Андрею литровую кружку, – потом мне польёшь.

– С удовольствием, – он поцеловал её в щеку.

– Нет, а чо, я спать хочу, – загундел Вовка, – я только в туалет хотел.

– А чем ты ночью занимался? – удивился отец.

– Мы с Петькой про Батыя читали.

– То-то я смотрю, свечку всю дожгли, – вступила в разговор Татьяна.

Она вчера, уставшая, уснула сразу вслед за Ярославцевым, только добрала воды во все свободные кастрюли. Ещё с десяти часов утра, когда стало ясно, что Ахтуба катастрофически мелеет, а Волжского моря нет совсем, по радио объявили, что будет отключение воды и всех просили её запастись. Она позвонила домой, и мальчишки, молодцы, заполнили водою ванну, тазики и большой четырёхведёрный бак, что под раковиной.

– Ладно, иди в туалет, я сама отцу полью, тут уже всё готово, – сказала Татьяна, выключая из розетки плитку под сковородой.

– Полуночники, – проворчал Андрей, провожая взглядом Вовку, заходящего в туалет, и сам пошел в ванную.

– Воды долго не будет? – спросила Татьяна, когда Ярославцев, освежённый холодной водой, вытирался махровым полотенцем, а за дверью, слышались шаги удаляющегося в спальню Вовки.

– Дня два, – ответил он, а она, глядя на его ладный, крепко сбитый родной голый торс, вдруг не удержалась, слегка шлепнула по спине, растерла между лопаток след от струйки воды и, прижавшись к нему, произнесла:

– Мужчинка мой.

Ярославцев оглянулся на неё чуть заинтриговано, увидел её слегка прищуренные глаза, вдруг заискрившиеся, откуда-то из бездонной своей глубины, и, улыбнувшись, вкрадчиво спросил:

– Полить, что ли?

– Давай, – томно согласилась Татьяна.

Игра началась. Андрей хмыкнул, зачерпнул воды из ванной и стал смотреть, как она плавным движением подобрала кверху и заколола волосы, потом, не развязывая пояса халата, выскользнула из его верхней части и, скосив на мужа свой лукавый взгляд, наклонилась над раковиной со сложенными лодочкой ладошками.

Он поливал ей на руки, на шею, подбирая и возвращая на плечи свободной рукой капли с её тонкой спины, разглядывал её и ощущал всё большее желание, которое буквально наливалось в нём. Когда она закончила умываться, Андрей, бросив кружку плавать в ванной, схватил и подал ей полотенце. Пока Татьяна одним его концом вытирала лицо и руки, он другим мягко отирал-оглаживал её плечи, спину, снова плечи и, несмотря на двоих выкормленных

пацанов, ещё очень упругую грудь. Потом, отбросив полотенце на стиральную машину, прильнул к левому соску губами и, обняв её одной рукой, другой стал искать и развязывать пояс халата.

Она тихонько застонала, погрузила пальцы своих рук в его волосы и потянула лицо к своему. Топчась по упавшему халату и слив свои губы с её губами, Андрей посадил Татьяну на полотенце и вошел в её влажный от утра и желания «домик». Татьяна ахнула, и они отдались страсти, раскачивая старенькую БАМовскую стиральную машину «Амгунь»...

...Татьяна спешила, она наскоро позавтракала вместе с мужем, и, сияя от счастья, представляла, как они вместе выйдут из дома и пройдутся по двору и улице. Она будет держать его под руку и прижиматься к нему, а он, поглаживая рукой её пальцы, будет улыбаться ей и здороваться с встречными знакомыми и не очень, гордясь, как всегда своей красавицей Танюшкой.

Она знала, что ему на работу к восьми, и они прекрасно успевали. Ей тоже надо было к восьми в промтоварный магазин, по пути в администрацию. Вчера Седенко постаралась распределить свой отряд по объектам поближе к месту жительства ревизоров-переписчиков, и Татьяне, вместе с одним налоговым инспектором достался именно этот магазин.

Ярославцев, видя сияющее лицо жены, благодарно и тепло улыбался ей, но мысли его уже почти полностью захватила работа. Он видел, как она спешит, чтобы успеть выйти вместе с ним, но ему вдруг стало как-то неловко от этого и от своего счастливого состояния здесь, за столом, с любимой женой. Только что, в шесть утра, город маршем покинули подразделения рабочих полков, где-то разлучались семьи, люди шли на внешние рубежи, как на фронт, пенсионеры и женщины, с оружием и без, стояли по дворам и улицам, охраняя комендантский порядок осаждённого города. И в это время они с женой, сияя счастьем, пройдут мимо всех этих людей, напряжённых и озабоченных, поголовно поднятых и обращённых его приказом в «государевых служащих», а значит зависящих теперь исключительно от его воли и от воли их командиров. Ведь приказ о всеобщей мобилизации лишал их свободы самим определять свои действия. Нет, это было, мягко говоря, нескромно. Ярославцев допил чай, глянул на часы, поднял глаза на свою Танюшу и сказал:

– Спасибо, я побежал, опаздываю, – и быстро прошёл в коридор.

Обувшись и надев легкую куртку, он, теперь уже чувствуя неловкость за своё решение перед женой, и оттого, злясь на себя, повернулся к ней. Татьяна стояла возле, скрестив руки у груди и глядя куда-то мимо него. На её лице застыла улыбка, но глаза были удивленно-грустные, Андрея обожгла жалость к жене, он обнял её, поцеловал в висок и сказал:

– Милая моя, любимая, прости, но так надо, – опять поцеловал, – ну пока до вечера, я пошёл, – и открыл дверь.

– Ладно, всё хорошо, вечером позвони, если задержишься, – Татьяна машинально говорила дежурные женские фразы.

– Позвоню, пока.

– Пока.

Дверь закрылась и разрыдавшаяся Татьяна только сейчас поняла, что она проводила мужа на Войну. Ещё вчера, когда она, вызванная директором банка, включилась в учётную работу в магазинах и ларьках, у неё, конечно же, было ощущение тревоги. Разговоры о беде, постигшей город, мысли о сыновьях и муже – всё это откладывалось в ней исподволь, однако, занятая работой по переписи продовольствия, потом заботой о том, как без газа накормить мальчишек и мужа, она ещё не осознавала, что рухнул весь привычный мир. Только сейчас Татьяна поняла, что муж её не просто ушёл на службу, как это происходило каждый день, а что он ушел в бой за выживание города, а исход этой битвы ещё не ясен, но другого пути нет.

Ей самой судьба определила место в этой войне, место рядового солдата тылового обеспечения войск, которыми командует её муж. И теперь уже сердцем ощутив это, Татьяна пла-

кала от обиды на себя, что не так складно проводила мужа, от жалости к нему, к себе, к детям, к соседям и знакомым, ко всему городу, попавшему в переделку.

Проснулся Пётр, дети часто просыпаются, когда матери плохо.

– Мам, ты что, что случилось? – он вытарашил удивленные глаза, поскольку ни разу не видел рыдающую мать. Нет, она, конечно, плакала раз несколько, когда умирали близкие родственники, но так в голос никогда.

Он подошёл к матери, погладил её по плечу:

– Тебя кто обидел? А где папа?

Татьяна взяла себя в руки и, всё ещё всхлипывая, попросила сына:

– Полотенце подай, пожалуйста.

Пётр быстро принёс полотенце.

– Ничего, сынок, не случилось, – она прижала полотенце к лицу, – папа на работе, а это я так, сейчас пройдет.

– Нет, но кто-то обидел же, – неуверенно, но упрямо продолжал настаивать Петр, он вдруг ощутил себя мужчиной, готовым и желающим защищать эту женщину, свою мать. В нём вдруг загорелось светлое чувство главного, истинно мужского смысла своей жизни – защищать ЖЕНЩИНУ – и ему вовсе не хотелось терять это ощущение.

– Да нет же, – улыбнулась Татьяна и обняла сына, – защитник ты мой. Просто: «Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону». Пойдем на кухню, я покажу, что вам с Вовкой кушать, а то я сейчас, тоже ухожу.

Ярославцев хмуро прошагал в высоком темпе от дома до администрации. Кипящая злость на себя, на Татьяну, на судьбу, на целый мир, медленно вытеснялась заботами наступающего дня. «Ну гады, держитесь!» – неизвестно кому угрожал он в пространство.

На ходу здороваясь со всеми, начиная от охраны и кончая молоденькой дежурной секретаршей в приёмной, Ярославцев влетел в кабинет и только тут окончательно взял себя в руки, постепенно остывая, садясь за свой стол. Вошла секретарь и положила ему на стол папку с бумагами:

– Начальник тыла просил подписать эти приказы.

– Где он сам?

– У себя в кабинете.

– Позовите его сюда.

– Хорошо, сейчас.

Ярославцев углубился в чтение рутинных приказов, определивших количество частей и организаций, их положение на территории города и внешнего вала, маршруты их снабжения продовольствием, количественный состав каждой части и организации. Когда вошёл Зенин, Ярославцев уже разобрался в смыслах каждого из них и подписывал, не вникая в подробности, которые уж, конечно, были доподлинно известны Зенину и его начальнику штаба, завизировавших эти приказы ещё в четыре часа утра.

– Здравия желаю, товарищ Председатель Совета обороны, – бодро доложил подтянутый и выбритый, несмотря на всего полтора часа сна, полковник.

Ярославцев встал.

– Здравствуйте, товарищ полковник, проходите.

После крепкого рукопожатия оба присели, и Зенин, которому Ярославцев отдал папку с подписанными приказами, стал докладывать результаты работы своего штаба и планы на сегодняшний день. Андрей Андреевич вышел из-за стола и склонился над Зенинской картой города. Начальник тыла, водя маленькой указкой от обведённых синим баз по красным линиям маршрутов, объяснял, как его служба уже приступила к обеспечению продовольствием мобилизованных граждан, доложил о нехватке лопат, о напряжёнке с полевыми кухнями.

Ярославцев поручил ему подготовить приказ об образовании войсковой бригады тылового обеспечения, в которую, в качестве отдельных частей, включались под Зенинское управление пять машиностроительных предприятий города и ЛПК.

– Пока будете решать вопросы производства предметов первой необходимости для обороны города самостоятельно, – заключил Председатель Совета обороны и добавил: – Да, Борис Васильевич, как, только, приказ будет готов, немедленно мне на подпись.

– Есть.

Зенин вышел, а Ярославцев вызвал по селектору секретаря. Ответила Дюжева, уже сменившая дежурившую ночью девушку.

– Мария Ивановна, там подошли академики?

– Да, здесь в приёмной.

– Пригласите.

Вчера, ещё утром, Андрей Андреевич, который не забыл о прозвучавшей на совещании директоров идеи мозгового штурма перспектив выживания города, собрал всех докторов и кандидатов всяких наук, каких только удалось разыскать. Таких оказалось немало – больше полусотни. Он своим указом образовал из них Академию наук Волжской России в составе шести академиков (докторов наук) и сорока восьми членов-корреспондентов (кандидатов). На том совещании образовали несколько комитетов по различным проблемам.

Сейчас, на восемь тридцать утра, Ярославцев назначил встречу с самым главным комитетом – сельскохозяйственно-продовольственным.

Человечество жило без металлов, без денег и электричества, без огня и даже орудий труда и войны, но никогда без пищи.

Поэтому Ярославцев понимал, что люди выдержат всё – отсутствие свободы на какое-то время, тепла, приличной одежды, жизнь в палатках и землянках, но отсутствие еды приведёт к взрыву любых, самых терпеливых граждан.

И вот сейчас перед ним сидели 12 человек, которые вчера до часу ночи, споря и срывая голоса, считая на калькуляторах и загоняя задачки компьютеру, определяли пути решения продовольственного обеспечения города. Вчера при формировании этой группы, возникла главная проблема – проблема кадров. В городе, который никогда не занимался производством сельхозпродукции, не оказалось ни одного ученого по сельскому хозяйству. Поэтому комитет возглавил академик Чанов Сергей Никанорович, который защитил докторскую диссертацию на картофелеуборочном комбайне и, вообще, всю жизнь специализировался на уборочной технике. К нему присоединились один кандидат технических наук, специалист по оборудованию животноводческих ферм и кандидат экономических наук, защитивший кандидатскую по экономической эффективности фермерских кооперативов. Потом они разыскали в городе восемь агрономов и одного ветеринара, и дело пошло.

Сейчас они разложили «секретки» – карты междуречья Волги и Дона, которые достали в штабе у Кузнецова, и Чанов начал свой доклад:

– Значит так, Андрей Андреевич, вчера мы определяли места расположения посевных площадей и пришли к выводу, что наилучшим местом их будет правый берег Волги и дальше к Дону. Дело в том, что климат, в нынешнюю эпоху, ничуть не холодней нашего двадцатого века. Вчера, беседуя с Кэчтэном, мы выяснили, что такая холодная, долгая и снежная зима, какая у них была в этом году – редкость. Значит, осваивать безводную или маловодную степь левобережья рискованно. Кроме того, холмистый, изрезанный ручьями и реками правый берег Волги, равно и левый берег Дона более приспособлены для обороны сельских поселений, что сейчас немаловажно. Так что тут мы пришли к единому мнению, что необходимо осваивать посевные площади от Волги до Дона, как более плодородные в долгосрочном плане, более защищенные и менее рискованные в смысле засухи. Вечером, с вашей, Андрей Андреевич, помощью, я и двое наших сотрудников облетели на вертолёте довольно значительную терри-

торию междуречья и пришли к выводу, что, несмотря на значительную лесистость пойм рек и речушек, очень много свободных, чисто степных площадей, которые можно пахать прямо сейчас, без корчевания лесов и кустарников. Кроме того, места действительно безлюдные. Только за Доном, где-то в районе Калача, мы заметили дымок костра. В общем, тут мы определились. Теперь о методах освоения этих мест. Первый вариант – веерный. Он состоит в том, что земли, под посевные площади, будут выделяться на правом берегу сразу за плотиной. Чем больше будет фермеров, желающих взять землю, тем дальше веером будет осваиваться целина, захватывая район Спартановки, Тракторного, Водстроя, Аллюминиевого, Винновки. И так, постепенно расширяясь, можно будет дойти за три-четыре года на юге до Царицы, на севере до Ерзовки, на западе до Дона. Этот вариант наиболее экономичен, но вот вопросы безопасности от набегов кочевников, мы согласовать с военными не успели. Эта проблема, пока, в скобках. За этот вариант у нас высказывалось большинство нашей группы. Однако, существует еще один вариант, на котором настаивают двое наших сотрудников, мы их не сумели переубедить вчера, хотя он по затратам, на освоение земель, в семь раз превышает основной, который я Вам, Андрей Андреевич, доложил. Поэтому позвольте им доложить Вам свое особое мнение.

– Разумеется, давайте послушаем, – согласился Ярославцев без особого энтузиазма, его сразу же насторожила цифра: «в семь раз», но привычка выслушивать любые, даже самые фантастические предложения, сработала. В этих идеях иногда проскальзывали золотые зёрна.

– Ну что ж, слово члену-корреспонденту Академии наук господину Удинову Станиславу Петровичу, – с едва заметной иронией по поводу «члена-корреспондента» произнес Чанов и сел на свой стул.

Поднялся Удинов высокий, горбоносый, с черными курчавыми волосами, с седыми висками и с пышными, с проседью, черными усами. Если бы не голубые глаза и полные губы на круглом лице, его, можно было, принять за кавказца. Впрочем, Ярославцев подумал, что этот сорокалетний мужчина, наверное, армянин, или грузин и был несколько удивлен, услышав вместо кавказского акцента родной волжский говор с казачьим продыханием вместо звука «г».

– Мы вот с Григорием Викторовичем, – начал Удинов, – предлагаем следующий вариант освоения междуречья Волги и Дона. Первое: на юге, от устья Царицы, вдоль неё, потом по балке Яблонево́й, рекам Червленой и Карповке до Дона обустраиваются 5 станиц с 10 хуторами. Второе: на севере от устья Пичуги, и по ней, потом по балке Грачи и вдоль одноимённой реки, дальше по Тишанке к Дону еще 5 станиц с 10 хуторами. Третье: от устья Тишанки до устья Карповки по Дону, ещё разместить 6 станиц с 12 хуторами. Таким образом, размещая в каждом хуторе по взводу казаков, а в станице, между каждыми двумя хуторами, ещё и управление сотней, мы обеспечиваем дозорное прикрытие каждой сотней 18—20 километров пограничной полосы. Получается, что три казачьих полка оградят всю эту территорию междуречья, для её освоения, по трём пограничным линиям. Пограничные казачьи поселения возьмут на себя функцию охраны этих границ и закроют степнякам возможность разгуливать по этой территории, создавать угрозы грабежами и налётами. Не будет необходимости наращивать пограничные гарнизоны и войска – дело весьма затратное. Казачьи поселения прокормят, оденут, обуят, обустроят себя сами, а в перспективе сами себя и вооружат. Их только придётся освободить ото всех налогов. Впрочем, казаки в России, в отличие от крестьян, всегда платили налог не деньгами, а службой, кровью. Тем временем крестьяне получают возможность осваивать земли внутри этой защищённой территории, здесь же можно будет и развивать производство всего необходимого, ставить города, строить дороги и тэдэ. Трёх этих казачьих полков будет, вполне, достаточно. Вместе с семьями численность их поселений составит 5—6 тысяч человек, не более...

– Андрей Андреевич, к Вам Зенин, – раздался голос Дюжевой по селекторной связи.

– Пусть войдет, – распорядился Ярославцев, нажав кнопку и повернув голову к микрофону, потом добавил, обращаясь к Удинову: – Прошу прощения, присядьте, мы продолжим через минуту-другую.

Вошел Зенин и подал Ярославцеву лист бумаги. Тот пробежал глазами по тексту и спросил Зенина, подписывая приказ:

– Когда, Борис Васильевич, будут полные данные по ГСМ?

– Не позже часа, Андрей Андреевич, сегодня с утра Седенко должна «добить» ещё две заправки и баржу с соляжкой.

– Хорошо, сразу же полную информацию мне.

– Есть, – Зенин забрал подписанный приказ, четко развернулся и энергично вышел из кабинета.

– Сидите, сидите, – махнул рукой Ярославцев Удинову, когда тот попытался встать и продолжить доклад, – идея Ваша ясна. Сергей Никанорович, какую площадь нам надо засеять, чтобы полностью обеспечить город хлебом и другим растительным продовольствием?

– Если с запасом на низкую урожайность, то, не меньше, 100 квадратных километров.

Ярославцев встал, подошёл к расстеленной на столе заседаний карте. Один из агрономов тоже встал и убрал стул, пропуская его к столу.

– Спасибо, – кивнул ему Ярославцев, внимательно посмотрел на карту и проговорил, как бы про себя, – значит веером полукруг с центром у плотины, сто на восемь, разделить на три, из под корня... В общем радиусом восемь километров. Если учесть, что половина площади неудобья, то радиус вашего веера...

– Примерно 12-километров, – подсказал стоящий рядом с ним агроном, – мы уже подсчитывали, но нужны хотя бы пара-троечка мостов.

– Что ж, хорошо, если каждому фермеру или, правильнее сказать, крестьянину дать по 100 гектаров, то надо найти сотню крестьян, но это не главное. Насколько я понимаю, уже надо пахать, весна в разгаре, а где взять технику? А, братцы? Сколько у нас в городе тракторов, плугов, сеялок? А сколько надо?

– Сколько всего надо, мы подсчитали, а сколько имеется, не знаем. Вчера попытались выяснить на предприятиях, но или не дают информацию вообще, или долго выспрашивают: «А кто такие? А зачем? Ну есть один, а вам сколько надо? И так далее».

– Вот что, Сергей Никанорович, ставлю перед вами следующую задачу: подготовьте приказ, от моего имени, и включите в него трех-четырёх человек, с требованием предоставить им всю информацию об автотракторной технике. Как будет готов приказ, берёте патрульную машину у Жилина и чтобы к 16-ти часам на заседание Совета обороны вы пришли с полной информацией о том, сколько, где, в каком состоянии и какой модификации трактора и другая сельскохозяйственная техника у нас имеется. Далее, объявляете фермерский и казачий призыв. Да-да, и казачий. Давайте раскроем скобки и увидим, что для надежной безопасности ваших крестьянских хозяйств установление пограничных застав и дозоров обойдется в кругленькую сумму, ничуть не меньшую, чем обустройство казачьих станиц. Но, если содержание казачьих застав, со временем, не будет стоить бюджету, почти, ничего, то обычная пограничная охрана так и будет всегда сидеть на деньгах государства. Поэтому просчитайте самые минимальные затраты по организации каждой казачьей пограничной линии отдельно: северной, южной, западной. Да-да, Станислав?..

– Петрович, – подсказал Удинов.

– Станислав Петрович, именно минимальные. Сами понимаете, сегодня у города ресурсы не просто ограничены, главное, пока совершенно отсутствует их пополнение. Вопросы есть?

– Есть, – Чанов закончил записывать что-то в свой блокнот, – как объявить призыв и где собирать фермеров и казаков?

– Напишите обращение к гражданам Волжской России и передайте его по радио, а собрать можно, где хотите, ну скажем ДК «Октябрь» подойдет?

– Вполне.

– Ну вот, и вперед. Всё, переходим к следующим вопросам. Что у нас с семенным фондом и с солью, Сергей Никанорович?

– Семенами у нас занимался Михаил Николаевич Костров, он и доложит.

Встал кругленький, невысокого роста агроном Костров, который последнее время работал снабженцем частной фирмы, занимающейся изготовлением и реализацией муки. Он стал докладывать о количестве ещё не перемолотого зерна ржи и пшеницы на трех мукомольных предприятиях, об овсе на пивзаводе, о запасах картофеля и семян других культур, но Ярославцев его прервал:

– Простите, перебыю. Это, конечно, всё важно, но вот мы ставим задачу засеять сейчас десять тысяч гектаров? Скажите, на какую площадь у нас хватит ржи, пшеницы, овса, овощей и картофеля?

– Тут проблем не будет. Ржи у нас на три тысячи гектар, пшеницы – на пять с половиной, а картофеля, даже если использовать под семена только половину того, что завезли в город, хватит, чтобы засеять четыре тысячи гектар, всего, остального только на полторы-две тысячи гектар. По нашим подсчетам, при урожайности на 20% ниже среднегодовой по Волгоградской области, полученного продовольствия с избытком хватит до осени будущего года.

– Осени 1225-го года?

– Да, конечно.

– Ну что ж, хорошо, ещё и казакам семенного материала хватит.

Ярославцев отложил ручку, которой делал пометки в своем журнале,

– Что по соли? Кто будет докладывать, Сергей Никанорович?

– Пожалуй, я сам, – Чанов встал.

– Ближайшее к нам озеро Эльтон, где можно организовать её добычу, находится по прямой всего в ста километрах от города. Однако добычу надо организовывать с нуля, значит нужно отправлять людей не с пустыми руками, а подготовить оборудование, стройматериалы и тому подобное. Потребности города нами определены, соответственно и определена необходимая производительность эльтонского соледобывающего предприятия, она небольшая, до тысячи тонн в год. К сожалению, мы пока не нашли специалиста по добыче соли, поэтому сейчас, четыре группы студентов, по нашему заданию, роются в библиотеках города в поисках информации о технологиях добычи и переработки соли. Так что более конкретно о необходимом минимуме ресурсов для организации этой работы мы будем готовы говорить в лучшем случае завтра.

Чанов замолчал. Молчал и Ярославцев, что-то отмечал в своем журнале. Потом он встал, попросил Чанова присесть и подвел итоги встречи.

– Итак, учитывая недостаточную профессиональную... скажем, титулованность вашей комиссии в вопросах, которые вам поручили изучить, должен отметить, что поработали вы неплохо. Главное, определена стратегия. Вот теперь надо детально определить ресурсы и тактику создания базы для полного обеспечения города продовольствием. Так что объем работы у вас огромный – ни спать, ни раскачиваться некогда. Все свободны, за работу.

Оставшись один, Ярославцев ещё раз просмотрел свои записи, взглянул на часы – было без четверти десять. «Ого, прозаседали», – покачал он головой и, вспомнив неторопливую речь Чанова, подумал: «Ох уж эти ученые, расскажут, покажут, как делать, а вот сами организовать, самим сделать – слабо. Что ж, кто умеет – делает, а не умеет, учит?». Он усмехнулся и решил: «Всё, пора зенинских офицеров к ним подключать, иначе не справятся, затянут, или вообще завалят, что в нашем положении совсем не две большие разницы».

– Андрей Андреевич, от Кузнецова очень срочно на связи, – раздался в динамике селектора голос Дюжевой.

– Да, давайте их сюда, – Ярославцев нажал кнопку, и динамик микрофона почти тут же выдал голос командира летной группы.

– Товарищ Председатель Совета обороны, я по поручению Кузнецова.

– Да, слушаю.

– У нас на юго-восточном рубеже столкновение со степняками за аэродромом. Наши потери: пятеро ранено и четыре женщины из строительного полка захвачены степняками. С их стороны двенадцать убито, примерно столько же ушло в степь и шестеро пленных, из них пять человек ранено. Да, взято 11 неврежденных лошадей и семь убито.

– Вы откуда звоните?

– С аэродрома.

– Я выезжаю к вам.

– Вас встретят на перекрестке.

Ярославцев, встал, подошел к шкафу, надел куртку и вышел из кабинета. На одиннадцать у него была назначена встреча с энергосырьевым комитетом Академии наук, поэтому он предупредил Дюжеву, что, возможно, задержится, и пусть учёные его подождут. Потом зашёл к Жилину и попросил его подписать приказ по Чановскому комитету за него.

Через 15 минут, встретив по пути четыре машины скорой помощи, его Волга подъехала к среднеахтубинскому перекрестку, где Ярославцев пересел на поджидавший его воинский УАЗик с офицером и двумя солдатами охраны, не считая шофера. Эта машина, проехав метров 50 на восток, пересекла линию будущего рва и вала и повернула на север.

Ров был только обозначен и походил пока на вспаханную полосу шириной пять метров, на которой довольно плотно работали люди. Проехав с четверть километра вдоль этой полосы, УАЗик остановился возле группы из полутора десятка человек, которые стояли метрах в сорока ото рва. Среди них, как-то сразу выделялся Кузнецов. Он повернулся к машине, встретил Ярославцева, представил ему присутствующих офицеров.

Произошло же здесь следующее. Ещё вчера, когда на местности Кузнецов определял со своим штабом линию обороны, он построил систему временной охраны этой линии и строительных частей. На внешней стороне рва, в тридцати-сорока метрах от него, располагалась в окопе вооруженная группа из трех-четырех человек, образуя узел обороны. На расстоянии 250 метров, вдоль фронта, располагалась следующая группа. Кроме того, впереди на расстоянии 500—600 метров ото рва курсировал по фронту в полтора километра боевой дозор из двух человек.

Ещё в восемь часов утра, этот дозор, заметил двух всадников, которые проскакали вдалеке от них. Заметили этих всадников и группы в окопах. В это время как раз начинал свою работу сорок пятый женский рабочий полк. Кузнецов ещё вчера, распределяя рабочие полки по периметру обороны, постарался женские полки поставить не в голой степи, а вблизи построек, как, например, здесь – вблизи зданий аэродрома.

Всадники, не приближаясь ко рву ближе ста метров, проскакали вдоль него километра два и ушли в степь, скрывшись за горизонтом. Через час с гиком и свистом, лава примерно из тридцати степняков пронеслась в разрез между узлами обороны, которые открыли по ним предупредительный огонь. Однако, не обращая внимания на совершенно не знакомые им звуки выстрелов и свист пуль всадники ворвались в ряды роющих землю женщин, которые в панике бросились бежать врассыпную.

Степняки догоняли их, хватали за шиворот, бросали животом вниз на спину своих лошадей, связывали им руки, приторачивали их тела веревками к седлам. Всё это происходило очень быстро. Выскочившие из окопов солдаты, боясь попасть по своим, стреляли только одиночными, продвигаясь навстречу всадникам, а те, закрепив добычу, разворачивали коней

в степь. Часть всадников, прикрывая своих товарищей с добычей, бросилась на вышедших из окопов трех солдат, чтобы тут же найти смерть от пуль. Остальные, уходя в степь, попали под огонь боевого дозора, и только меньшая часть шайки ушла-таки на восток, увозя часть добычи. Кузнецов отправил на аэродром снайпера, который на вертолёте должен уже догнать степняков.

– Сразу же за разбойниками был отправлен БТР со среднеахтубинского поста, и, думаю, с помощью вертолёта мы их быстро догоним и обезвредим, – закончил свой доклад Кузнецов.

– Д-а-а, – протянул Ярославцев и, обращаясь к командиру строительного полка, одетому в штатское, спросил:

– Как настроение Ваших людей?

– Как настроение? Паршивое.

– Понятно. Вот что, Виктор Викторович, сегодня же составьте инструкцию для действий всех рабочих полков в случае внезапного нападения таких вот разбойничьих шайк и отрабатывайте ежедневно эти действия: построение в каре, фалангу... я не знаю, но чтобы вот так, как кур лисе ни одного человека мы больше не отдали. И продумайте мероприятия по более глубокой разведке и предупреждению таких нападений, а разбор этого столкновения со всеми самыми горькими выводами доведите до личного состава всех Ваших частей и подразделений. Вот так-то. А вы, господин комполка, «паршивое» настроение Ваших людей используйте для мобилизации их на сопротивление, а не на паническое бегство.

– Слушаюсь, – угрюмо и покорно принял указание штатский командир полка.

– Ладно, – махнул рукой Ярославцев, – Сегодня доложите, Виктор Викторович, о принятых мерах на Совете обороны. Что там вертолёт? Не отвечает?

– Ну-ка, вызови борт, – скомандовал Кузнецов стоящему рядом лейтенанту.

Тот развернулся и побежал к УАЗику с высокой антенной.

– Отдайте распоряжения, и пойдём к радиостанции, Виктор Викторович, предложил Ярославцев и пошёл за лейтенантом.

А в это время пилот вертолёта докладывал, что обнаружил налетчиков примерно километрах в пятнадцати к востоку от аэродрома, они добрались до своего стойбища на краю леса. Стойбище очень велико, по кругу радиусом метров 100, огорожено со стороны степи повозками. Дальше, за стойбищем, пасутся табуны тысячами голов.

В стане большой переполох, несколько сот человек с копьями занимают позиции у повозок. По вертолету, который завис над краем стана с юго-восточной стороны на высоте около ста метров, открыли стрельбу из луков, снайпер нашёл шатер, у которого свалили четырех связанных наших женщин и стреляет по всем, кто пытается подойти к ним. Бронетранспортер уже в километре от стана и вдоль редколесья приближается к северо-западной линии обороны противника...

...Вася Чухнов так и не попарился в баньке в ту злосчастную ночь, и даже поспать ему не удалось. Около четырех утра его призвали по мобилизации. Расписавшись в листе у посыльного, чертыхаясь, он простился с женой, с тоской посмотрел на спящих малюток и погнал свой КАМАЗ, бросив прощальный взгляд в правое зеркало заднего вида, в котором, в свете окна их дома, стояла одинокая фигурка его жены.

Сдав свою машину на проходной и послав к черту охранника, который пытался протестовать и отказывался её принять под свою ответственность, он в седьмом часу утра уже переодевался в защитную униформу и получал снайперскую винтовку. Чухнов не просто имел воинскую специальность «снайпер», но ещё и брал в округе первое место по стрельбе из боевой винтовки. Узнав, об этом, капитан, командующий формированием новых подразделений, конечно же, определил его в отдельную снайперскую группу.

К восьми утра Василия привезли на аэродром, где он после долгих организационных передрыг и обустройства, в четыре часа пополудни, завалился спать на матрасе, постеленном на голом полу в диспетчерской, укрывшись шинелью. В шесть утра его растолкал командир отделения, и он отправился в боевой дозор, на ходу доедая последний бутерброд с овощной икрой, взятый ещё из дома. Это он был в том дозоре, который первым засек налетчиков. У них был приказ: огонь открывать только в самом крайнем случае, но сообщать о любых подозрительных вещах, что его напарник и сделал по рации, заметив приближающийся отряд всадников.

Однако никто не ожидал от них такой прыти и наглой дерзости, поэтому до последнего не открывали огонь. Зато, когда началась пальба у рва, они с напарником кинулись наперерез налётчикам, и он, выбирая тех, у кого к седлам была привязана воровская поклажа, успел уложить четверых. Винтовочная пуля, прошивая ворюг, сбрасывала их с седел и, пока его напарник вылавливал коней и развязывал пленных, Чухнов кинулся ко рву. Когда он добежал, уже подъехали УАЗики с Кузнецовым и радиостанцией. Кузнецов, которому докладывал раненный в левое плечо сержант, сразу заметил Чухнова со «снайперкой» в правой руке.

– Кто такой?

– Ефрейтор Чухнов, снайпер второго батальона, находился в боевом дозоре. Там отбили несколько женщин.

– Бегом на аэродром, на вертолёт. Догнать и уничтожить гадов!

– Есть!

Так Вася оказался в центре этой погони. В нём кипела злость за всё, что произошло с ним за последнее время, начиная с разбитого прицепа и разлуки с семьей и кончая наглой выходкой степняков у рва. Сейчас он отлично видел связанных, лежащих рядом четырех похищенных женщин. После того, как трое мужчин, которые стояли возле них, а также ещё один, пытавшийся к ним подойти, легли с простреленными головами возле пленниц, около десятка воинов, крутившихся вокруг, больше не решались подойти к четверем связанным. Один из них, показывая на пленниц и объясняя что-то седому бородатому старику, достал из колчана за спиной стрелу, но не успел он натянуть тетиву, как свист пули оборвал его жизнь, выпустив разбойничью душу на божий суд. Стрела, направленная было на связанную женщину, воткнулась в землю и сломалась под упавшим на неё телом хозяина. Старик поднял руки к небу, развернулся на восток и его взгляд уперся в гудящую высоко в небе на солнце стрекозу. Он опустил руки, что-то прокричал своим степнякам, потом протянул руки навстречу вертолёту и ухнулся на колени. Степняки стали собираться возле него, становиться на колени, протягивать руки к вертолету и сгибаться лицом к земле.

Чухнов повернулся к пилоту и прокричал ему в ухо: «Передай на БТР: они просят пощады», – и кивнул в сторону площади, куда продолжали стекаться соплеменники бородатого старика, чтобы присоединиться к нему.

Пилот сообщил на БТР и на центральный пост: «Похоже, степняки сдаются». С БТРа передали, что поняли и, разбив одну повозку-заграждение, ворвались во внутрь стана. Летчик сверху подсказал им дорогу. Пробравшись, наконец, к центральной площади, бронетранспортер остановился, заглушил двигатель, и из его люков вышли офицер и трое солдат. Солдаты сразу же бросились к пленницам и пока развязывали их и принимали на себя объятия и слезы радости, офицер подошёл к старику, безошибочно выделив его, как главу этого племени. Старик по-прежнему стоял на коленях, протянув руки к вертолету. В его глазах застыл ужас. Офицер, встав между ним и винтокрылой машиной, шагах в четырех от старика, повернулся к нему спиной и поднял вверх скрещенные руки.

– Всё, свободен, – крикнул он и махнул рукой, потом повернулся к БТРу и скомандовал, – Передай «борту», пусть возвращается на базу.

Вертолёт отвернул и, набирая скорость, пошёл на запад, а офицер повернулся к старику, усмехнулся и сказал:

– А мы побеседуем.

– Урус, урус, урус, – раздался шепот вокруг. Старик взглянул в глаза этому богатырю и, склонив голову, уронил руки.

Ярославцев передал по радио в администрацию, что задержится до одиннадцати тридцати, и на обратном пути заехал в больницу химкомплекса. Там находились трое солдат, которые первыми вступили в бой со степняками. Все трое были изранены стрелами налетчиков, которые перед своей смертью успели выпустить по две-три стрелы. Сержант был ранен в левое плечо и бедро, другой солдат – в левое предплечье и правую кисть, и только третий в тяжелом состоянии, раненный в шею, левый бок, левую щеку и грудь, находился еще на операционном столе.

– Спасибо, ребята, – сказал после краткой беседы с ними Ярославцев, – сегодня вы им устроили кашу. Они, кто живой остался, на всю жизнь зарекутся к нам соваться и детям своим, и внукам закажут. Выздоровливайте.

Затем он зашёл к женщинам. У одной из ягодицы извлекли шальную пулю, другая подвернула ногу при падении с лошади, а третьей ещё накладывали гипс на плечо, тоже неудачно слетела с лошади.

Ярославцев обрадовал пострадавших, сказав, что уже освободили их соседок-коллег по службе и приключению. Шок от случившегося у них уже прошёл и теперь, ещё и узнав об освобождении их подруг, женщины были словоохотливы, шутили и просто кокетничали перед ним. Тот отшучивался, пообещав молодой женщине, у которой извлекли пулю, лично проверить шов на ране на какой-нибудь очередной перевязке. Затем он прошёл с главврачом к нему в кабинет.

Послушав жалобы о проблемах с лекарствами, Ярославцев уловил настроение пока легкой паники у этого пожилого и уважаемого врача. Действительно, хотя лекарства в больницах и аптеках ещё были, причин для паники было больше чем достаточно, ведь они быстро кончатся, а где брать другие?

Председателя Совета обороны начало раздражать это беспомощное брюзжание.

– И что вы предлагаете?

– Я? Ничего не предлагаю. Вы власть, вы и думайте, где доставать лекарства, а мое дело лечить. Я могу дать вам список всего необходимого от аспирина до антибиотиков.

Ярославцевым начала овладевать ярость: «Ничего себе подходик. Этот эскулап что, с луны свалился?». Он даже прикрыл глаза, чтобы не сорваться на грубость. Чуть поостыв, тяжело взглянул на главврача. Тот тут же опустил глаза на папки, лежащие на столе, стал что-то перелистывать.

– Ну, вот что, уважаемый доктор, – в словах Ярославцева глухо прозвучала сдавленная ярость, – завтра в восемь утра я жду вас и ещё пять-шесть самых видных врачей и фармацевтов города на ваш вкус. Вы приходите и докладываете ваши предложения по организации производства самых необходимых лекарств. А нет, так и вам здесь делать нечего, завтра же пойдете копать ров. Не можете защитить, спасти граждан города в качестве врача, будете то же делать в качестве землекопа.

И, не ожидая реакции открывшего вместе со ртом и свои удивленные глаза главврача, Ярославцев встал и вышел из его кабинета, с шумом хлопнув дверь.

Уже в машине он, успокоившись, подумал о том, что вчера в суете мобилизационных мер, в самом деле упустил проблему лекарств. Но ведь ни один врач, НИ ОДИН не ткнулся к нему со своими проблемами. «Ткнёшься к тебе, небось уже и не прорваться, как к президенту, –

усмехнулся Ярославцев, – Ну ладно, пусть прочувствует свою ответственность за судьбу здравоохранения, а то прикинулись обиженными.»

К шестнадцати часам, традиционному уже времени заседания Совета обороны, его Председатель определился ещё с двумя комитетами о перспективах их работы. Приток воды в Волжском водохранилище шёл удивительно быстро и превосходил самые оптимистические прогнозы. Как объяснили академики, это происходило по двум причинам: Во-первых: была очень снежная зима, а сейчас наступила дружная весна с резким таянием снегов. Во-вторых: здесь бассейн Волги, в отличие от его состояния конца двадцатого века, находится в сплошных малопроходимых лесах, а значит её дебет (полноводность) в полтора-два раза выше. Всё это даёт надежду, что в начале мая крайний срок до десятого, удастся запустить ГЭС на полную мощность и остановить ТЭЦ-2.

Что касается нефти, то единодушно решили, что её добычу надо вести на апшеронском полуострове, возле Баку. Там нефть качественная и, главное, лежит очень близко к поверхности. Начать её добычу и организовать доставку танкерами можно очень быстро, если так же быстро решить вопрос с хозяевами этой территории.

Собственно взаимоотношения с народами, проживающими на территориях, где будут добывающие предприятия, это особая проблема. Ещё вчера, при образовании академических комитетов, Ярославцев предупредил их руководителей, что они должны рассматривать чисто технические и экономические задачи создания сырьевых баз на любых территориях. Вопросы колонизации этих территорий, их обороны, взаимоотношения с местным населением будут рассматриваться отдельно. Тем не менее, все комитеты, начиная с сельскохозяйственно-производственного, всё же, так или иначе, затрагивали эту проблему, которая весьма обострилась из-за утренней маленькой войны со степняками.

Кроме нефти нужен ещё и уголь, – хлеб металлургии. Здесь сложность с транспортировкой. Если бакинскую нефть без больших проблем можно транспортировать по Каспию-Волге, то, уголь с Дона переправить на Волгу надо ещё прикинуть как. В конце концов, решили эту задачку оставить промышленно-транспортному комитету, а энергосырьевики начнут готовить две разведочные экспедиции – одну на Донецкий край, другую – в Баку.

У рудно-сырьевого комитета задача была посложнее. Ближайшее крупное железорудное месторождение – курское – отмели из-за тех же сложностей с транспортировкой, и вообще решили браться за Урал, поскольку там кроме железа были и медь, и алюминий, и хром, и всё чего захочешь. Но главное, все эти месторождения располагались либо возле реки Урал, либо вблизи рек и речушек волжского бассейна. Так что решили в первую очередь послать две экспедиции на реку Урал, в район Медногорска, и Магнитогорска и, третью, в район Златоуста. Это позволит уже этой осенью начать добычу железной, медной, апатитовой руды и создать базу для разведки руд других металлов. Пока это первоочередные решаемые задачи.

К трем часам, оставшись один, Ярославцев перелистал десяток листов своего журнала и, взявшись за голову, стал раскладывать по полочкам всю сегодняшнюю информацию, но прежде, чтобы найти решение одной, общей для всех экспедиций проблемы, он вызвал Дюжеву:

– Мария Ивановна, срочно разыщите, пожалуйста, Гринёва, пусть подъедет, как можно, быстрее ко мне, до начала заседания Совета обороны.

«Итак, – думал Ярославцев, – получается шесть экспедиций: Эльтон, Баку, Донбасс и три на Урал. Провести весенний сев, создать крестьянство и казачество. Сколько же надо на все это ресурсов? Хватит ли их на эти первые, самые необходимые шаги? Всё, пора к этим проблемам подключать Зенина. В любом случае все эти шаги, надо делать быстро, бегом, пока ещё есть хоть что-то у города в запасе. Вот уж точно – промедление смерти подобно».

Он снова стал что-то записывать в журнал, шлепать по кнопкам калькулятора. За этим делом его и застал голос Дюжевой:

- Андрей Андреевич, к Вам Гринёв.
- Зовите, – Ярославцев убрал калькулятор и отложил журнал.
- Разрешите? – открыл дверь Гринёв.
- Заходи, заходи, Александр Беркетович.

На юго-восточном рубеже Ярославцев разминутся с Гринёвым, которого вызвал вместе с Кэчтэном и Лайсманом для переговоров со сдавшимися степняками. И сейчас Гринёв стал подробно рассказывать о своей миссии. Сначала он, с помощью Кэчтэна и Лайсмана, допросил пленного и выяснил, что это кочевое племя гэров, которое, дождавшись таяния снега, двинулось на северо-запад к богатой травами просыпающейся лесостепи. Ещё в субботу Гринёв во второй половине дня, отдохнув сам и дав отдохнуть половцам и Лайсману, провёл подробную беседу с Кэчтэном о народах, населяющих степь, нанося на карту места их расселения и пути кочевий. Поэтому особого удивления от появления гэров вблизи города Гринёв не испытывал. Он уже знал от Кэчтэна о том, что это племя, прежде им дружественное, ещё три года назад тайно перешло на сторону татар и вместе с ними коварно ударило в спину половцам. Поэтому-то Кэчтэн и засиял своим обезображенным лицом, когда, приподняв брезент, увидел дюжину лежащих рядом трупов своих врагов и, разговаривая с пленным, гордо поднял голову и поглаживал рукоять своего меча.

По всем прикидкам докочевать это племя до города должно было не раньше чем через неделю. Сегодня утром Гринёв собирался обсудить с Кузнецовым проведение более глубокой разведки навстречу им, но вот на тебе... Из допроса пленного, который охотно и гордо рассказывал об их многотысячных табунах, стадах и отарах, выяснилась следующая картина: вчера вечером, когда стемнело, дозорные пастухи обратили внимание на какое-то зарево на западе. Была послана разведка, которая доложила, что там, в степях видели горящие на высоких шестах очень яркие огни и огромные юрты и, что какие-то люди роют в земле ямы (это были солдаты второго батальона, которые окапывались, строя узлы обороны).

На рассвете, на племенном совете, разведчики доложили об увиденном. Брат вождя заявил, что это вызов их племени, которое монопольно владело этими путями кочевья. Это подтвердил и Чингиз, под знамёнами которого они теперь ходили в походы. Если кто-то: греки, урусы, болгары посмели посягнуть на эти земли, они должны быть наказаны. Под одобрительные возгласы присутствующих вождь Гэров согласился с предложением своего брата, и тридцать всадников во главе с этим братом отправились в налёт, разведку боем. Далее, двое разведчиков, проведя осмотр места налета, доложили поразительную новость: странно одетые женщины копают землю, а в ямах сидят странные воины без копий с какими-то топориками. Их немного, три человека в одной яме и через 400 шагов еще три. Почему они там сидят? Правда, в степи, шагов за тысячу от копающих землю женщин, они видели ещё двух солдат, один с топориком на плече, а другой с палкой, похожей на короткую пику. Брат вождя рассмеялся и сказал: «Это какие-то глупые греки или даже римляне, которые пригнали сюда рабынь и даже охранять их не умеют. Мы заберём этих рабынь и посмотрим, хороши ли они на кошме».

Дальше налётчики кинулись за легкой добычей и нарвались на смертельно жалящих шмелей, которые вылетали с тархтением и огнем из странных топориков солдат.

Выяснив это, Гринёв, Лайсман и Кэчтэн поехали в стан гэров для переговоров на той же ПМГ-УАЗке, которая и привезла их к аэродрому. На всякий случай взяли с поста на перекрестке двух автоматчиков. По дороге Гринёв прозондировал у Кэчтэна обычаи племён по наказанию обидчиков и принял окончательное решение о предмете переговоров с гэрами, уже подъезжая к их стану. Пройдя по разрушительным следам БТРа и мимо расступившихся людей, которые плотным кольцом окружили площадь, посланцы города застали следующую картину:

На БТРе сидели его командир, старший лейтенант, две женщины и ещё три солдата, держащие автоматы наготове и молча оглядывающие толпу, которая обступила их машину. По обоим её бортам стояли прикованные наручниками к поручням бронетранспортера по три степняка. Четверо солдат и две молодые горожанки стояли по левому борту от бронетранспортера и оживленно беседовали со степняками и степнячками, помогая себе жестами. Те, в массе своей, малорослые оживленно переговаривались между собой и тоже, помогая себе жестами, что-то объясняли своим победителям.

Когда УАЗка остановилась вплотную к корме БТРа, все замолчали, и под шум открывающихся и захлопывающихся дверей из машины вышли все её пассажиры. Тихое перешептывание степняков сменилось удивленными восклицаниями, когда на площади показался Кэчтэн со своим щитом и правой рукой на рукоятке меча. Видимо, этого воина здесь знали хорошо. Немало мужчин этого племени отправились в долину смерти к Большому Волку, или имели шрамы на теле от его меча.

Офицер прыгнул с БТРа, скомандовал «Смирно», сделал шаг навстречу Гринёву, приложил руку к каске и четко отрапортовал:

– Старший лейтенант Козырев, командир штурмовой механизированной группы. Находимся в расположении сдавшегося противника. Ищем взаимопонимания с мирным населением.

– Вольно, старший лейтенант.

– Вольно.

– Подполковник госбезопасности Гринёв, – представился Александр Беркетович Козыреву, – кто тут вождь? Разобрался?

– Вот этот старикан.

– Отстегивай его, да и остальных тоже.

– Есть, товарищ подполковник, – старлей бравировал своей строевой выправкой, приводя в изумление наблюдавших этот ритуальный воинский спектакль степняков. Они, глядя как по команде вытягиваются в струнку солдаты, как ведёт себя перед прибывшими офицер, принятый ими чуть ли не богом, восхищенно зацокали, с уважением и страхом глядя на Гринёва. Тот же, глядя на потиравшего запястье и подавленно ожидавшего своей участи вождя, спросил его:

– Пашгэр, это ты отправил своих людей на разбой?

Кэчтэн, который уже ориентировался немного в русской речи двадцатого века, с помощью Лайсмана, разъяснявшего ему наиболее сложные обороты и слова, стал переводить.

– Да, – ответил старик и склонил голову, ожидая решения своей участи.

– Созывай Совет.

Здесь же на площади Гринёв объявил им решение об их наказании за разбой; и был заключен договор о мире, который предложил Гринёв в ответ на их просьбы и заверения.

С помощью советов Кэчтэна, как союзника Волжской России, пришли к следующему соглашению:

1. В наказание за разбойное нападение на город гэры выплачивают контрибуцию в размере тысячи голов лошадей, ста голов коров и ста быков немедленно и в течение четырех месяцев, начиная с мая, поставляют городу по сотне овец в месяц.

2. Гэры возвращают 100 лошадей и 200 овец кэчам. (Кэчтэн заявил, что их род в прошлом году потерял от разбоя татар, вместе с гэрами, гораздо больше, но гэры признались, что они и так отдают всю свою долю добычи от разгрома половцев, остальное забрали татары и другие их союзники).

3. Город отдает им тела погибших соплеменников и возвращает пленных.

4. Местом кочевья гэров остается левый берег Волги от Волжского до Каспия на полосе шириной 100 километров.

5. Гэры никогда больше сами не предпримут агрессии против Волжской России.

6. Если их принудит к такой агрессии кто-то другой, то они обязательно предупредят об этом город.

Шестой пункт родился после того, как выяснилось, что у «татэр» находятся в заложниках три сына вождя. Чингиз, да и не только он, применял такой метод, чтобы союзники или данники-вассалы не вздумали ему изменить. Гринёв согласился на этот пункт, но посоветовал гэрам вызволить заложников и порвать с татарами. В этом случае он гарантирует им, что Волжская Россия возьмет их под свою защиту.

Доложив всё это Ярославцеву, Гринёв взглянул на часы, было без пяти четыре.

– Вот что, Александр Беркетович, – сказал Ярославцев, закрывая свой журнал с пометками, – после заседания Совета обороны задержитесь, мы с Вами рассмотрим некоторые проблемы.

– Какие, если не секрет?

– Какой от Вас секрет? Необходимо срочно отправлять экспедиции в Баку, на Донбасс, на Эльтон и три на Урал – всего шесть. Нужна максимально возможная информация о населении этих территорий, прогнозирование последствий нашего прихода и варианты наших действий. Отсюда посмотреть, сколько сил и ресурсов потребуется для колонизации этих земель шестью экспедициями. Собственные силы и ресурсы для разведки и добычи недр, считают академики, а вот то, что необходимо для безопасности геологов, посчитать нужно, исходя из рекомендаций Вашей службы. Вот об этом и поговорим после заседания.

– Добро.

– Мария Ивановна, – Ярославцев наклонился к микрофону селектора, там члены Совета обороны подошли?

– Да. Приглашать?

– Пусть заходят.

Состав Совета обороны, утвержденный вчера в пятом часу утра Городской Думой, был вчера же изменён самим Советом по предложению Ярославцева. Вместо Седенко в него ввели Зенина. Наталья Петровна была несказанно рада, что делом распределения и обеспечения занялся такой сильный профессионал, как полковник Зенин, и сама попросила его, как теперь уже её непосредственного начальника, освободить от заседания Совета обороны. Потом, связавшись с ней, Ярославцев поблагодарил Наталью Петровну за то, что ночью она мужественно согласилась взять на себя ответственность за дело тылового обеспечения. Седенко искренне заявила, что Зенин просто снял с неё тяжелейший груз, и она ему за это благодарна не меньше, чем Ярославцеву за доверие.

Первым докладывал Кузнецов. Он вкратце рассказал об утреннем бое и принятых мерах. Первое: Зенину передана заявка на пиломатериалы и гвозди для строительства двадцати пяти вышек высотой по пять метров. Это даст возможность наблюдателям просматривать степь на расстоянии 8—9 километров, а после, установленные на валу, они увеличат дальность обзора до двенадцати километров. Этого достаточно, чтобы подготовиться к встрече любого современного агрессора, так как даёт нам не менее получаса для такой подготовки.

Второе: из поставляемых сейчас герами коней будет выделено три десятка для организации учебного кавалерийского взвода из призывников. Это даст возможность со временем организовать более глубокую разведку.

Третье: во всех строительных полках отрабатывается построение в ротное каре для отражения конной атаки подручными средствами (лопатами). А вообще настроение в полках боевое. Все поняли важность скорейшего строительства оборонительного вала, и люди работают на совесть.

Жилин доложил об обстановке в городе. Ночью было несколько попыток взлома киосков. Задержано 20 человек взломщиков. Сегодня все товары из киосков перемещены в ближайшие

магазины под охрану. Задержано 150 человек, нарушавших комендантский час, 107 из них направлены в рабочие полки. Вообще же, в течение дня эти полки были пополнены почти тысячей вновь мобилизованных: это приезжие торговцы, бомжи, уклонившиеся вчера от мобилизации горожане. До людей доходит, что никого помимо мобилизации кормить не будут, а иначе пищу не добудешь.

– По нашим оценкам, ещё до полутора тысяч человек не охвачены мобилизацией. Поэтому охрана магазинов, складов, дворов и улиц города сегодня ночью будет усилена. Штатные сотрудники милиции отдохнули и сегодня в ночь в большей части выйдут на усиленное патрулирование, – завершил свой доклад Жилин.

Альтен обрисовал круглосуточную работу по восстановлению водоснабжения города из обмелевшего водохранилища. Прокладывается два километра трубопровода, который должен доставить воду к месту старого водозабора по пустому руслу.

– Сил и средств сейчас достаточно. Надеюсь, к завтрашнему утру воду в город дадим.

Зенин доложил, что снабжение продовольствием, учтённого населения, началось, в целом, без сбоев. Пока основной рацион питания будет состоять из блюд на основе свежей рыбы. Только из Ахтубы, сегодня, её будет взято не меньше двух тонн. Резко упал уровень воды, и в остатках реки рыба просто кишит. Не возьмем мы, она и так погибнет. Организуется десять пунктов заготовки рыбы впрок: засолка, вяление, копчение. Продолжается численное усиление рыболовецкого батальона до полка. Сегодня первые подразделения вышли через пойму к Волге и с завтрашнего дня рыба начнёт поступать в объёме 5—6 тонн в сутки.

– Нас ждет рыбная неделя или рыбный год? – пошутил Жилин.

– Мяса и колбас в магазинах и на хладокомбинате хватит только на месяц, мясные консервы мы могли съесть за две недели, а рыбы мы за неделю заготовим на 2—3 месяца, – отпаривал Зенин.

Ярославцев сегодня обедал на месте своей «приписки» – буфете администрации и вспомнил, что была, и жареная, и вареная в супе докторская колбаса.

– А колбаса была сегодня только у нас, Борис Васильевич?

– Нет, еще в школах, больницах, детсадах. Все варёные колбасы надо срочно переработать и потребить до завтрашнего дня, иначе пропадут, – невозмутимо ответил Зенин.

– Ну хорошо, ещё какие проблемы?

– Пока одна – при тех темпах заготовки, которые мы взяли, соли хватит только на полмесяца.

– А вы учитывали техническую соль, которая хранится на водоподготовке наших тепловых электростанций?

– Нет.

– А там десятки тонн. Она очень крупная, в этом её главное отличие от поваренной, а в остальном прекрасно подойдет для засолки. Её, Вам хватит, на год работы.

– Ясно, используем. У меня всё.

– Юлия Романовна, что у Вас?

– На всех постах при въезде в город организованы карантинные посты. Кстати, на ахтубинском, сейчас, проверяется пленный, а раненые степняки лечатся в отдельной карантинной палате. Пока показаний на инфекцию не обнаружено. Наши женщины и военные, бывшие в стане, тоже проверяются, но не изолированы пока.

– Я скоро всю кровь на анализы сдам, – усмехнулся Гринёв.

– Так присягались «не жалеть своей крови», – не полезла за словом в карман Бескаравайнова и продолжила, – во всех частях организованы санитарные посты, ведётся инструктаж всего личного состава по санминимуму. Сейчас готовится бригада из специалистов-коневодов, ветеринаров, санинспекторов по приему животных от степняков.

– У нас ещё есть коноводы? – удивился Ярославцев.

– Да, муж и жена Кириченко. Они два года, как организовали детскую конноспортивную секцию на Зелёном поселке. У них там 10 скаковых коней и лошадей.

– Прекрасно, Георгий Валентинович, а у Вас есть сведения о кавалеристах?

– Так точно, Андрей Андреевич, уже сделали выборку, пять человек, от тридцати до пятидесяти лет служили на границе и один в московском кавполку.

– Хорошо. Ещё есть что, Юлия Романовна?

– У меня всё.

– Тогда у меня к вам вопрос. Как обстоят дела с лекарствами, вакциной?

– Пока есть самое необходимое, но... тут, в этих организационных вопросах, пока завязла... А вообще-то, нужно организовывать их производство. Надо подумать, я пока не готова ответить на этот вопрос.

– Так вот, Юлия Романовна, свяжитесь после совещания с главврачом Химкомплекса. Я поручил ему подготовить предложения на этот счёт. Передайте ему, что вы направлены представителем Совета обороны. Подключайтесь, и завтра утром в восемь ноль-ноль я жду вас и его со специалистами-врачами.

– Хорошо.

– Ну и ладно. Вера Никитична, что у Вас?

Дьякова встала:

– Вчера на основании подписанного вами решения о временном преобразовании суда в трибунал и ускоренному рассмотрению дел, из судей городского суда были образованы пять троек. За сутки рассмотрено 15 дел, осуждено 32 человека на сроки от 15 суток до пяти лет. Все дела рассматриваются с участием дежурного адвоката. Из тех пятнадцати дел, одно отправлено на следствие и по одному вынесен оправдательный приговор. Все осужденные отправляются на строительные работы в составе нашей ИТК. Собственно у меня всё.

– Анализ дел. Какие преступления преобладают?

– Нарушение режима комендантского часа, связанное с сопротивлением служащим, и кражи,

– Хорошо. Что у прокуратуры, Александр Николаевич?

– Прокуратура тоже работает круглосуточно. Оперативно рассматривая все дела о правонарушениях со времени объявления военного положения, мы сосредоточились вместе со следственной бригадой ОВД на быстром расследовании накопленных дел и дела по разгрому преступных группировок, начатому ещё 15-го октября 1999 года. Допросы проводятся в поле, где трудятся подследственные. У меня всё.

– Ну хорошо, – Ярославцев встал и подошёл к карте, которая висела сзади него, – подведём итоги. Механизм военного положения заработал и набирает обороты. Наши люди с пониманием относятся к нашим с вами действиям по мобилизации всех ресурсов и всего населения. Значит, мы получили немного времени для манёвра. Каковы же главные, стратегические направления наших действий?

Председатель Совета обороны подробно рассказал о стратегиях, разработанных академиями, о сотне фермерских хозяйств, о трех казачьих полках-поселениях, о шести экспедициях.

– И вот перед нами две сверхзадачи: добыть пищу для наших людей и сырьё для нашей промышленности. Сделать это надо максимально быстро, так как запасы города, взятые из 1999-го года, весьма ограничены.

– Поэтому сегодня надо объявить по команде во всех мобилизованных подразделениях о фермерском и казачьем призыве. Сбор завтра в ДК «Октябрь» с восьми утра. Далее, во всех подразделениях надо выявить людей, работавших в добывающих отраслях. Нам срочно нужны специалисты для формирования геологоразведочных групп и организации добычи нефти, угля, металлов и так далее. Всё. У кого есть вопросы, и Александр Беркетович, прошу остаться.

Через час, расставшись с Гринёвым, Ярославцев поехал на Энергомаш. Он не забыл о своем обещании переговорить с каждым директором и обсудить их предложения. Сегодня вечером он запланировал встречу на Энергомаше и Подшипниковом. Дюжева предупредила руководителей о его приезде ещё днём, так что Ярославцева ждали, и ворота завода открылись перед ним сразу.

– К конторе? – спросил шофер.

– Нет, прямо, – скомандовал Ярославцев, опуская стекло дверцы, и крикнул охраннику, – Позвони Румянцеву, что я в ЦВИДе.

Проехав метров сорок, он остановил машину и, поручив шоферу ждать его у ворот завода, прошёл в цех.

Сколько он уже здесь не был? Лет двадцать. На него дохнуло юностью. Знакомые и родные запахи железа, смазки, озона электросварки и, Бог его знает, чего ещё. Когда-то он пришёл сюда сразу после дембеля самоуверенным двадцатилетним парнем. Пять лет работы слесарем-реставрационником и учебы на заочном отделении политехнического института были для Андрея удивительной школой жизни. Здесь он был в вечных комсомольских активистах: член комитета комсомола завода, председатель штаба «Комсомольского прожектора», оперативник городского комсомольского оперотряда ДНД, внештатный инспектор детской комнаты милиции, активист ДОСААФ и общественный инструктор по парашютному спорту. О, это была поистине боевая юность, времени не хватало катастрофически. Это тогда Филимонов приучил к жесткому планированию, ведению дневника-журнала для памяти и для составления ежедневных и еженедельных планов, а опытные старые слесаря, как-то сразу приняли этого безотказного и старательного «мальчишку», отучили его от суетливости и торопливости. Это у них он научился ко всякой операции, ко всякой детали, ко всякому делу подступать вдумчиво, начинать работу не торопясь, надёжно, чтобы потом не терять времени на остановки и переделки, а делать дело без спешки, но быстро и хорошо.

Здесь он вступал в КПСС, самую грабительскую, как он теперь понимал, политическую партию эпохи. А тогда на вопрос, ещё не старого слесаря Витька Киселёва: «Куда ты лезешь? Там же одни воры!», – он совершенно серьезно отвечал: «Вот и буду с ними бороться изнутри». «Ну-ну!! – ухмыльнулся тогда Киселёв, – если сам врать и воровать не научишься, там тебя и съедят».

Сейчас, стоя у своего радиально-сверлильного станочка, на котором он в своё время восстановил или приготовил к восстановлению столько деталей к автомашинам, Ярославцев, улыбнувшись, мысленно ответил ему: «Ох, Витёк, как ты был прав!».

Он нежно погладил коробку шпинделя по облупленной, шербатой краске и пошёл в противоположный конец участка, где перед бендежкой мастеров, у стола, на котором, в обеденный перерыв, слесаря сходились в доминошных баталиях, стояло человек 10—12. На столе были разложены какие-то детали и чертежи. Люди о чем-то увлеченно спорили и не заметили, как к ним подошел Ярославцев. Он вклинился к столу между двумя рабочими и спросил:

– О чем спор, братцы? Здравствуйте.

– Андрей Андреевич, здравствуйте! – удивился стоящий справа в конце стола главный инженер Бескаравайнов.

– Какие люди?!? Привет, Андрюха, – Киселёв, сильно постаревший, какой-то немного сморщившийся, со сплошь седыми редкими волосами под засаленной кепкой, весело улыбаясь, протянул Андрею Андреевичу руку.

– Привет, Витя, – и Ярославцев, тепло улыбнувшись, пожал ему руку. На мгновение ему показалось, что нет сейчас у него никаких забот о городе, что где-то там, далеко-далеко, Совет обороны, жуткие проблемы организации жизни в катастрофических условиях. Казалось, что вот сейчас он, Андрюха Ярославцев, спустился из раздевалки и, обсудив задание с мастером,

возьмет на себя ответственность за ремонт «железок», а там – трава не расти, главное точно и хорошо выполнить задание и сдать ОТК свою работу без замечаний.

Он пожал руки всем столпившимся у стола, и Бескаравайнов стал ему объяснять, что из деталей, которые привез Роман Карпенко, надо собрать ветроэлектростанции мощностью 15 киловатт. Беда в том, что много брака.

– Так потому и брал их по цене металлолома, – вступил в разговор Карпенко, – а сейчас надо всё проверить, подогнать и испытать, испытательный стенд я тоже привёз.

– И сколько таких агрегатов вы можете собрать? – спросил Ярославцев.

– Пока двадцать, – ответил Бескаравайнов, – на это количество есть генераторы, электронная автоматика и лопасти. Остальное дело нехитрое, доделаем, подгоним, соберём.

Подошёл директор завода Константин Сергеевич Румянцев.

– Здравствуйте, Андрей Андреевич.

– Здравствуйте, Константин Сергеевич, пойдёмте, покажете, чем сейчас занимаетесь. Про ветроагрегаты я уже в курсе.

Ярославцев хорошо знал и Бескаравайнова и Румянцева. Двадцать лет назад первый был технологом в ЦВИДе, а второй начальником производственного отдела. С Бескаравайновым они, даже, немало выпили на «банкетах» участковой избирательной комиссии в те советские времена, когда выборы были чистой проформой. Помнили и они Ярославцева, энергичного молодого слесаря, общественника, смело и рискованно выступавшего на партсобраниях ещё тогда, во времена Брежнева. Румянцев даже, как-то раз, в перерыве такого собрания по-своему хлопнул молодого Андрея по плечу и сказал сочувственно: «Эх парень, ежели тебе шею не свернут, то далеко пойдешь», а потом, уловив удивленно-решительный взгляд Ярославцева, улыбнулся и добавил: «Ну-ну, без обиды, удачи тебе».

Сейчас, помня и зная друг друга давно, и Председатель Совета обороны, и директор, тем не менее, держались официально. Минут через сорок, обойдя все цеха небольшого завода, они вошли в актовыв зал, где собрались рабочие и служащие действующей смены.

Ярославцев вкратце, за двадцать минут, обрисовал события прошедших суток, рассказал о последних решениях Совета обороны и попросил задавать вопросы, предупредив, что у него времени на ответы только полчаса.

Вопросов было, конечно, много: о воде холодной и горячей, о хлебе, о горячем и о металле, о том, чем сеять, о дачах, но, вот, на вопрос о деньгах и зарплате, он решил ответить поподробнее:

– С деньгами поступим, скорее всего, так. Пока, минимум неделю, мы, все, будем работать, только, за ту пайку хлеба и порцию ухи, которые вы начали получать сегодня. Не раньше чем через неделю, а может и позже, будем вводить новую денежную единицу Волжской России, тогда всем снова и начнем начислять зарплату, и заработает финансовая система, а пока у нас будет коммунизм, военный коммунизм. Что касается Российских денег и иностранной валюты, то банки их будут собирать и выдавать хозяевам сертификаты или другие документы об изъятых у вас деньгах образца 1999 года. Когда-нибудь лет эдак через 20, 30, 50, 100, но мы свяжемся с нашей землей, которая находится на противоположной стороне Солнца, и тогда эти деньги снова заработают. Получилось так, будто мы отправились в дальнее плавание, а валюта наша на корабле не действительна, и мы храним её, пока не вернемся в порт.

Через тридцать минут, глядя на часы, Ярославцев попросил последний вопрос.

– Так что, значит у нас полный «швах»? – спросил его угрюмо какой-то инженер или техник в халате.

Ярославцев раздраженно закипел. Ничего себе, полчаса вселял в них тут оптимизм, рассказывал о прорывных решениях. Однако, поразмыслив, он не стал возмущаться и оправдываться.

– Вы совершенно правы, у нас действительно полный «швах». Больше того – это катастрофический «швах». Только позвольте вам напомнить, господа, наши предки бывали в «швах» и похуже, но ведь выбирались! Выберемся и мы. Для того вы здесь сейчас и работаете тремя сменами, по двенадцатичасовым вахтам, без выходных. Для того сейчас 45 рабочих полков роют ров вокруг города, а ученые ищут пути выхода из этого «шваха». И находят! Как говаривал Киселёв, – здесь он, дорогой мой? – головой поработать надо, а руки сами сделают.

– Здесь, здесь я, Андрюха! – потянул откуда-то с задних рядов руку хитро улыбающийся Виктор, – пусть подходит ко мне, я ему линию жизни вправлю.

Под смех зала Ярославцев, попрощавшись со всеми, вышел вместе с Румянцевым и Бескаравайновым, которые проводили его до машины. На прощание он сказал им обоим:

– Кирки и лопаты – это хорошо, конные повозки, что начали делать, – это вы молодцы, а вот ветроагрегаты – это просто блеск, это то, что нам, как воздух, понадобится уже очень скоро в больших количествах. Так что, Константин Сергеевич, пригласите-ка к себе руководителей заводов электроприборов и радиотехнического. Пусть подумают об изготовлении генераторов и автоматики, а лопасти, Гаврила Кириллыч, пока большая наша химия стоит, попробуйте из дерева, может, со стальной арматурой. Вон трубный выпускает же сейчас прямоугольные трубы – вот вам и её сердцевинка.

– Подумаем, Андрей Андреевич, – сказал Румянцев.

– И сделаем, – продолжил его фразу Ярославцев, – так?

– Так, – без энтузиазма согласился Румянцев.

– А надолго нас подчинили Зенину? – спросил Бескаравайнов.

– Не знаю, по крайней мере, пока не заработают, финансовые механизмы. А что?

– Да ведь он не вникает, что мы можем, а что не можем, – вновь вступил Румянцев, – вот вынь ему да положи 5 тысяч лопат. Мало ли что ему надо? Легко сказать: «Сделай». А как? Возможности у нас не безграничны...

– Это не ему надо, а городу, – жёстко прервал его Ярославцев, – а ваша задача: искать свои «границные» возможности. И не надо мне рассказывать о ваших трудностях. «Кто хочет – делает, а не хочет – ищет причины».

И уже смягчившись добавил:

– Успехов Вам, господа, а на Зенина жаловаться бесполезно, сами ищите с ним общий язык. Деловой язык.

Он пожал, прощаясь, руку Румянцеву, потом Бескаравайнову и сел в машину.

– «Всё, – подумал Ярославцев, – завтра же собираю банкиров и финансовый отдел администрации, остальные ресурсы без них досчитают, запру их в отдельном помещении и, пока не подготовят решение о финансовой политике, не выпущу. Это надо же, всего два дня поработали на коммунистическом чисто моральном интересе, а уже начали жаловаться, что работы много. Нет-нет, срочно запускать деньги, иначе вернемся к социализму и будем делать вид, что работаем, а потом и в окончательную разруху, как при Ленине, свалимся».

Впереди показалась проходная подшипникового...

ДЕНЬ ТРЕТИЙ, понедельник, 18.04.1224 г.

Константин Ефимович Барков, в шесть утра, был уже на ногах.

...После той сумасшедшей ночи, когда он поселился с женой, сыном и племянником в гостиницу «Волжская», прошли не менее сумасшедшие два дня. В субботу, в первом часу пополудни, его разбудила жена – им принесли обед. Пришли и племянник Степан с Ваней. За обедом, Зоя Максимовна рассказала о том, что их будут кормить, только, сегодня, а завтра будут только мобилизованных. Деньги превратились в ничего не значащие бумажки, потому что закрыты все магазины.

– Давайте решать, что делать будем? Еды у нас в машине на один раз перекусить, – завершила она свой рассказ.

– Так что, нас кормят бесплатно? – спросил Степан, допивая компот.

– Да.

– Прямо коммунизм какой-то, – весело вступил в разговор Ваня.

– Не какой-то, а военный, вот какой, «назидательно уточнил Константин Ефимович, – мы тут всё на карантине?» – спросил он у жены.

– Нет, карантин сняли. Наверное, анализы в порядке.

– Так, прекрасно. Ну, вот что, ждите меня здесь, я сейчас разведу, что почём.

Барков набросил пиджак и вышел из номера. Он спустился в холл, где дежурная посоветовала ему обратиться к директору гостиницы. Директор, приятная женщина, лет тридцати пяти, объяснила ему, что по приказу коменданта, все приезжие обязаны зарегистрироваться по месту временного проживания, и подлежат мобилизации на общих основаниях. Поэтому их семье надо получить карточки о временном проживании в гостинице и явиться к квартальному коменданту для записи в один из рабочих полков или на другую службу. Сегодня Гринёв распорядился из запасов ресторана при гостинице накормить всех постояльцев обедом и ужином, а с завтрашнего дня все гости должны определиться, где они будут служить – там их и будут кормить. Работники же гостиницы, уже с сегодняшнего дня, переведены в распоряжение службы безопасности и формируемого Гринёвым же министерства иностранных дел.

Вернувшись в номер, Константин Ефимович удрученно сообщил своим всё, что узнал.

– Господи, за что нам такое наказание? Ни кола, ни двора. Идти куда-то мобилизоваться, в какие-то, рабочие батальоны. Что они хоть делать будут? – расстроено спросила Зоя Максимовна мужа.

– Рыть ров и насыпать вал вокруг города, – ответил Барков.

– Что ж, дядя Костя, надо идти да записываться куда-нибудь. Ясно ведь, иначе кормить не будут, а там посмотрим, может и другая какая работа пойдет.

– Погоди, не суетись, – Барков глянул на висящий на стене динамик радиосети, – а ну-ка, Ваня, покрути, может работает?

Иван встал, подошёл, крутнул регулятор громкости, и они услышали женский голос, рассказывающий о порядке мобилизации населения города. Барков взял трубку телефона и набрал 09. Узнав номер телефона приемной администрации города, Барков вновь позвонил. Трубку подняли тут же, и он услышал высокий девичий голос: «Приёмная Председателя Совета обороны, слушаю Вас».

– Девушка, я крестьянин, сейчас весна, срочно надо сеять. Вы уж не подскажете, кто у вас занимается сельским хозяйством, к кому обратиться?

После короткой консультации с кем-то девушка ответила:

– Сейчас в администрации этим никто не занимается, но вы попробуйте обратиться в сельскохозяйственный комитет при академии наук, его вместе с академией сегодня утром создали.

Она дала Баркову телефон и, пожелав ему всего доброго, в ответ на его «благодарю», положила трубку.

Позвонив в комитет, узнав, где он находится, и напросившись на предложение зайти к ним, Барков побарабанил пальцами по столу, встал, приказал всем ждать его, ничего не предпринимая, в гостинице и, одевшись, ушёл.

Вернулся он через три часа. От удручённого состояния не осталось и следа. Он был весел, решителен и сосредоточен.

– Значит так, – подытожил он, вкратце рассказав о стратегии, разрабатываемой комитетом, – сейчас вы трое регистрируетесь на всякий случай, то есть берёте карточки о временном проживании здесь, и идёте к квартальному коменданту записываться в какую-нибудь часть, где вас будут кормить завтра, ну может ещё послезавтра. Я же, с завтрашнего утра, буду решать вопрос с землёй. Как только получу разрешение пользоваться машиной, найду вас всех и заберу. Будем осваивать гектаров 100 на правом берегу. Поэтому постарайтесь быть все вместе, чтобы я вас мог быстро найти и забрать. Будем фермерствовать, а, Степан? Надеюсь, будешь с нами?

Жена и сын уже жили и работали с ним в одной фермерской упряжке, но Степан не очень-то к земле был привязан. Согласится ли.

– Конечно, будет! – воскликнул Ваня, – Степан! Ты же с нами?!

– А возьмёте? – улыбнулся Степан.

– Он ещё спрашивает. Да там твои руки знаешь, как нужны будут! Я представляю, как нам придётся там, на пустом месте, обживаться. Костя, а инструмент, технику там, какую, дадут? – спросила Зоя Максимовна.

– Догонят и ещё дадут, – съязвил Барков, – ну ты вопрос задаешь, что я 100 гектар лопатой вспашу? А дом ставить, а сарай, двор какой никакой. В общем, завтра с утра этим всем и займусь.

Сказано – сделано.

На следующий день Зоя Максимовна, Степан и Ваня, перекусив бутербродами с горячим чаем, прощальным угощением гостиницы, ушли на построение своей пятой роты 24-го рабочего полка, куда им удалось записаться всем вместе, а Константин Ефимович отправился в администрацию дожидаться результатов совещания по сельскому хозяйству.

Чанов провёл его вместе со своими комитетчиками и оставил ждать в приемной. После, когда Ярославцев поспешно уехал на место боя со степняками. Чанов взял его с собой в кабинет Жилина.

Виктор Борисович Жилин прочитал и подписал за Ярославцева приказ, а потом, выслушав Чанова, попросившего помочь Баркову, остался вдвоем с Константином Ефимовичем.

Барков рассказал Жилину о себе и своих планах, ответил на вопросы коменданта и ушёл с разрешением на пользование машиной, проезда на правый берег, получения 50 литров бензина и запиской о суточном питании в буфете администрации. А Жилин, попрощавшись и проводив Баркова взглядом до двери, подумал: «Нет, ребята, нас голыми руками не возьмёшь, с такими мужиками не пропадём», и на душе у него как-то посветлело.

Барков вернулся пешком в гостиницу, забрал из номера оставшиеся вещи, загрузил всё в машину и поехал обедать. Когда он пересёк плотину, было уже около часа. В лесном массиве саперы ещё вчера прорубили просеку, и сегодня подразделение какого-то рабочего полка строило из брёвен забор в двадцати метрах от плотины. Пройдя с полсотни метров по узкой пока просеке, потом еще метров 100 по редколесью, и, наконец, еще 100 метров через кустарник, джип Баркова выехал на поле.

Слева в метрах 150 тянулась полоса кустарника, теряясь вдаль. «Это же вдоль Верхней Мечётки», – подумал Барков. Он вышел из машины, огляделся: «Нет, это будет самая оживленная трасса». Как-то не очень светило брать землю посреди большой дороги, того и гляди,

что потравят посевы или уворуют что, а то и просто посреди ночи будут проситься на ночлег. Нет, тут должно быть село с харчевней, гостиницей, торговцами. Это не то, что ему надо.

Ефимыч снова сел в свой джип и поехал вдоль полосы кустарника. Пройдя километра три, он заметил пригорок с более редкой порослью. Развернувшись влево и продравшись через редкие кустики, он спустился почти к самому срезу воды. Мечётка разлилась метров на двадцать, по ней спускались редкие последние льдинки и разный мусор вроде каких-то веток, листьев, травы; вода была грязная и мутноватая.

«Эх, вот бы на ту сторону, – почесал затылок Барков, – там, между двумя Мечётками, уже точно не будет никаких магистралей. Место более-менее тихое. Как же туда перебраться?».

Он осмотрелся, шагах в двадцати стояла маленькая берёзовая рощица соток на 20 с грязными остатками снега между деревьями. Он подошёл поближе к увидел валявшуюся березу, пнул – вроде не гнилая, видать только осенью ураганом свалило. Вернулся, взял из багажника топор, ножовку, веревку, и через час у него был связан четырёхбрёвный плотик. Барков взял с собой ружьё, топор, длинный шест и через четверть часа пристал к противоположному берегу, скатившись по течению метров на 40. Он привязал плот к берёзе и поднялся по крутому склону, продираясь между кустами и молодняком березового леса.

Выйдя из леса, который закончился почти сразу же вместе со склоном, Барков увидел впереди более пологий склон с двумя отдельными дубами на его вершине и разными кустиками вокруг. Ефимыч решительно двинулся к дубам и минут через 15 добрался до вершины холма, который возвышался над пространством, изрезанным небольшими овражками с востока и юга. На севере текла Верхняя Мечетка, и только на запад, не считая небольшой, заросшей рощицей впадины, тянулась степь. Между рощей на западе и восточными оврагами было километра полтора, а между Верхней Мечёткой и южным оврагом – метров 700—800. Холмик с двумя дубами был невысок и если назад, на север, его уклон был небольшой – градусов десять, то на юг и на запад уклон был едва заметен. Барков загорелся желанием поселиться именно здесь, возле этих дубов. За четыре часа он обошёл облюбованную территории вдоль и поперёк, обнаружил 12 ключей, которые били в оврагах, попробовал их чистой, холодной воды, прикинул, где поставить запруды, исковырял топором целину – земля, под толстым слоем прошлогодней травы, была хороша, но ещё холодная. «Ничего», – подумал он, – «при такой погоде через неделю можно будет пахать и сеять. Красота».

Вернулся Барков в город, когда солнце уже садилось. Заехал сразу в комитет и на карте Волгограда показал Чанову примерное место, выбранное им. Получалось где-то между алюминиевым заводом, Спартаковной и Третьей продольной.

– Да, – вздохнул Чанов, – карту надо переделывать. Нет больше Волгограда.

И, уже обращаясь к капитану в старой советской форме, сказал:

– Петр Владимирович, оформите первого фермера уже сейчас, что ему завтрашнего дня ждать. Завтра будет и так работы не впрокорот.

– Чутко попозже, ещё не со всеми делами определился, – капитан повернулся к Баркову, – Вы, как я понимаю, на машине?

– Да.

– Подбросите меня в администрацию?

– Да ради бога. Прямо сейчас?

– Так точно. Поехали.

Капитан встал, собрал в кожаную папку какие-то бумаги и, бросив Чанову: «Буду через час», пошёл с Барковым.

По пути к машине и в машине капитан рассказал, что для начала каждому фермеру и на его семью будут выдавать продуктов на семь дней и выдадут максимально возможный инструмент, а потом им завезут продуктов на три месяца. С техникой посложнее, и, скорее всего, будут присылаться тракторы с оборудованием для пахоты и сева централизованно,

а за неделю хотя бы обустроились немного. А сейчас ему надо решить с командующим тыловой бригадой Зениным, из какого склада что отпускать...

Итак, на следующий день, то бишь в понедельник, Барков в шесть утра был не просто на ногах, но уже и «на колесах». Он сидел за рулем своего «Джипа», в бардачке которого лежали накладные на два топора, двуручную пилу, плотницкий набор, четыре лопаты, двое граблей, тяпку и многое другое из различного огородного, строительного, хозяйственного инвентаря. Кроме того, была ещё пачка накладных на восемь буханок хлеба, 10 кг муки, соль, сахар, картофель, вермишель, маргарин, пшено и т. д. и т. п. Предстояло объехать больше десятка складов и магазинов, но Барков сейчас спешил к ЗОСу – там располагался 24 рабочий полк. Он должен был забрать своих, начать столбить участок и только потом объехать склады. С того времени, как Барков вчера перебрался назад, его не оставляло ощущение брошенности облюбованного им поля, всё время казалось, что вот сейчас кто-то забирает эту землю себе. Как будто он оставил чемодан посреди площади и сейчас торопился вернуться к нему и боялся, что его «уведут».

Поэтому первое, что он хотел сделать, это забрать свою семью и отправить их стеречь эту землю.

В начале седьмого он добрался до кухни 24 полка, возле которой собралось стоя и сидя на земле человек 100.

Остановившись недалеко от этой кухни, которая была на полозьях вместо колес, видимо из тех наспех сделанных, Барков вышел из машины и огляделся.

Метрах в сорока за кухней возвышался вал полтора метра высотой, а сама кухня стояла под высоковольтной линией. Между валом и находящимся сзади Баркова забором ЗОСа было метров 30. Из ворот забора колонной по три показалось первое подразделение 24 полка. Константин Ефимович уже собрался подойти к стоящим у кухни рабочим, чтобы узнать про своих, как к нему оттуда подбежал сын с миской в одной и ложкой в другой руке. Следом подошли и Степан с Зоей Максимовной, держа в руках посуду с едой и хлебом.

После объятий и поцелуев жена рассказала Баркову, что вчера они в числе 88 человек из полка записались желающими крестьянствовать, и сейчас завтракают раньше всех и отправляются строем в город, в ДК «Октябрь», на регистрацию и получение земли.

– Землю мы уже получили, – Барков, с которого не сходила улыбка от радостной встречи, полез в бардачок и извлёк оттуда лист бумаги. – Вот, свидетельство о регистрации крестьянского хозяйства. Сюда надо только дописать номера ваших паспортов, так что надо ехать сейчас. Вас дозapiшут, поставят печать, и поедем на нашу землю. Время не терпит, надо обустроиваться и сеять. Так что, дорогие мои, доедайте свой завтрак, показывайте, кто у вас тут командует, и поехали.

Через двадцать минут Степан сидел уже за рулем, а Ефимыч на переднем сиденье ел добрый кусок парного осетра с хлебом и запивал чаем из фляжки. Командир полка расщедрился и вместо суточного сухпайка, которого всё равно не было, распорядился выдать каждому из 88 будущих крестьян по килограмму парной осетрины и буханке хлеба, это не считая завтрака. Вот сейчас Барков и завтракал частичкой этого пайка. Машина тронулась, набирая скорость, выскочила на шоссе и понеслась к городу. На заднем сиденье сидели Ваня, Зоя Максимовна и Шура Зернова, жена капитана запаса Александра Зернова, который сдал командование своей ротой ефрейтору запаса, но прорабу по жизни, а сам возглавил маршевую роту из будущих крестьян, поскольку тоже решил взять землю.

Город его не держал. Два года назад его демобилизовали по сокращению средств ПВО, и теперь он с женой и двумя детьми-погодками – семнадцатилетним сыном и шестнадцатилетней дочерью ютился в малосемейном общежитии, ожидая очереди на квартиру среди таких же уволенных в запас офицеров. Работал он то грузчиком на складах, то приторговывал разными

товарами. Поэтому здесь ему терять было нечего и, посоветовавшись с женой, они решили попробовать крестьянскую жизнь и записались в кандидаты.

Беседуя с Константином Ефимовичем, который подошёл со Степаном, Зернов поинтересовался, как тот получил землю? Барков рассказал ему о комитете, о своей поездке на правый берег, о том, где он нашёл себе участок и даже показал его на ксерокопии карты Волгограда, на которой выделялся заштрихованный красным четырёхугольник с надписью в нем «Хозяйство Баркова», а снизу была подписанная Чановым и заверенная городской печатью надпись: Утверждено выделение Баркову Константину Ефимовичу.

– Послушайте, Константин Ефимович, – загорелся, ткнув пальцем в карту. Зернов, – а вот здесь, восточнее, что-либо есть? Как там земля?

– Пожалуй, поуже будет, лес от Мечётки подальше продвигается, но в общем, поле такое же, кое-где редкий кустарник, а так нормально.

– Так, Константин Ефимович, не возьмёте мою жену с собой? Я ей свой паспорт дам, чтобы она начала оформлять именно здесь участок на нас, а?

– Возьмем, конечно, может, доведётся, так соседями будем.

Барков от радости встречи с семьей испытывал душевный подъём, да и простое открытое лицо Зернова располагало к себе, искренне хотелось ему помочь.

– Так что давай свою жену. Доставим в лучшем виде.

Без четверти семь они подъехали ко дворцу культуры «Октябрь». У входа уже стояла очередь человек двадцать, ещё с полсотни толпились перед стеной, где висел лист с перечнем условий для регистрации крестьянского хозяйства. Люди понемногу подходили и уходили, видимо, уточнив по перечню, какие нужны документы.

Барковы и Шура подошли к входу, Шура, было, хотела занять очередь, но Ефимыч дёрнул её за локоть, заговорщически прошептал: «Куда?! Идём с нами!» За десять минут, что Степан летел по дороге, сигналив проходим, уже отвыкшим от движения по ним автомобилей. Зернова рассказала им о своей семье, о муже-отставнике, об общежитии; и теперь Барков ещё больше убедился в необходимости помочь им.

Он решительно двинулся к двери. Очередь застыла в сомнениях. Учитывая, что почти все машины давно на приколе, а этот подъехал на джипе, плюс уверенный шаг Баркова, выдавали в нем какого-то «крутого» босса, но за ним шли двое простецких молодых людей и две так же нешикарно одетые женщины. Какой-то нерешительный голос из очереди попытался им напомнить, что, дескать, товарищи-господа, здесь очередь. Но Барков вытащил карту с печатью и объяснил:

– У нас уже есть земля. Тут нужна маленькая формальность: их паспорта вписать и всё.

– А можно глянуть? – Заинтересовался долговязый молодой человек.

– Пожалуйста. – Барков положил карту на картонную папку, из которой её доставал, и махнул руной Степану, дескать «Заходите». Минуты три он рассказывал столпившимся вокруг людям, что сперва им дадут только пропуск за плотину, землю они будут выбирать сами и только потом её им нанесут на карту и выдадут свидетельство о выделении. Затем, Барков извинился, сказал, что очень спешит, и вошёл в ДК, где у порога ждали его спутники, которых задержал дежурный милиционер.

– Мы к Чанову, это моя семья, надо дооформить документы, – и достал свою магическую карту с подписью Чанова.

Милиционер пропустил их, посоветовав решить вопрос без Чанова, у столов приёма, здесь, в вестибюле. У окон лицом к залу стояли столы и пять стульев, ещё пять стульев за столами стояли у стены слева. «Как на избирательной комиссии», – подумал Барков.

У окна сидели двое мужчин и перед ними сидели двое будущих землепашцев, за которыми стояли, видимо, их жены, слева сидел ещё один мужчина, перед которым тоже кто-то сидел и заполнял какой-то бланк, а рядом сидела жена.

Барков узнал того, что слева, он работал в комитете у Чанова, Костров, кажется.

– Здравствуйтесь, – подошёл он к его столу.

– Здравствуйтесь, – поднял тот голову, – а, это фермер Барков?

– Крестьянин, – поправил Ефимыч.

– Ну да, а это Ваши все?

– Ага.

– Подождите, сейчас закончу с вашим коллегой. – Он взял у закончившего писать мужчины листок, посмотрел его, кивнул: «Хорошо», дал ему чистую карту, справку на 50 литров бензина, пропуск за плотину и, пожелав им скорого возвращения, обратился к Баркову:

– Слушаю Вас.

– Надо дописать паспортные данные моих, – кивнул на стоящих рядом родных, – на свидетельстве и поставить там печать и подпись.

– А, вот оно что. Давайте дооформлю, а печати поставите наверху, там Чанов студенток инструктирует, они сейчас сюда рассядутся, и пойдёт приём. По предварительным данным, сегодня тут пройдет вместе с семьями около шести тысяч человек.

Когда он заполнил свидетельство и отдал его и паспорта Барковым, а те все расписались в журнале, Константин Ефимович достал карту и сходу попросил закрепить участок к востоку от Барковского за Зерновыми.

– Вот жена его здесь, а он сам будет через час.

– Машина у вас есть? – спросил Костров у Шуры.

– Нет, мотоцикл с коляской, «Урал».

– Прямо не знаю. Сколько совершеннолетних членов семьи?

– Двое.

– Ну-у, а образование сельскохозяйственное какое или опыт работы на земле, какой-никакой есть?

– Нет.

– Да-а, – и обращаясь к Баркову, Костров сказал, – я ничем не могу помочь. У нас четкая установка: в фермеры записывать только со своим автотранспортом, не меньше трех совершеннолетних и трудоспособных членов семьи, опыт работы в сельском хозяйстве или хоть какое-то специальное сельскохозяйственное образование.

– Да послушайте, у них есть мотоцикл, раз; сыну 17 лет и дочке 16, два; они будут моими соседями, и я им всегда подскажу, как да что. А, может уважим?

– А почему бы вашей семье ни пойти в казаки? – снова обратился Костров к Зерновой. – Те будут селиться хуторами по 30 семей-дворов, работать и служить скорей всего колхозом. Ваш муж не казак?

– Нет, офицер запаса.

– Ну вот, тем более, атаман.

– Нет, нет, я его знаю, не захочет он в казачий колхоз.

– Ну не знаю, не знаю. Я решить не могу.

Тут на лестнице появились девушки и среди них, как лом в цветущей клумбе, возвышался Чанов.

Он увидел Баркова, улыбнулся, поздоровался с ним и его спутниками. Ефимыч рассказал ему о возникшей проблеме и попросил пойти навстречу Зерновым.

Чанов немного подумал, махнул рукой дежурному милиционеру:

– Запуская по десять семей, – потом вновь посмотрел на Шуру и сказал, – Ну вот что, пишите заявление, а ты, Константин Ефимыч подпишешь, что ручаешься за них и берёшь ответственность как сосед и опытный фермер?

– Подпишу.

– Ну и отлично. Вот, Михаил Николаевич, оформляйте этих соседей Барковых.

Зал наполнился гудением голосов. Костров, получив указание Чанова, объяснял что-то севшей на его место студентке.

– Ну что, Шура, мы пошли, думаю, вы нас найдёте или уж подождите, часа через два-три я сюда подъеду, провожу Вас.

– Да найдем, спасибо Вам огромное.

– Не за что, – Константин Ефимович подписал снизу поручительство за Зерновых на чистом бланке заявления, и Шура, тепло попрощавшись с Барковыми, села заполнять этот бланк.

Когда Джип, ведомый Константином Ефимовичем, пересёк плотину и проехал по просеке, Барковы обратили внимание на большое количество рабочих, валящих лес и прорубающих просеку к Верхней Мечётке.

– Отлично, строят мост, – довольно сказал притормозивший Константин Ефимович, – завтра можно будет переправить машину.

Добравшись до знакомой переправы, Барков увидел, что вода немного спала, и его плот лежит на берегу у кромки воды.

Он вместе с сыном и Степаном стащил его в воду и устроили паромную переправу по веревке, привязанной к деревьям по обоим берегам. Затем переправились сами и переправили весь небогатый скарб со своей машины. Через час, захватив с собой большую часть переправленного, они поднялись к дубам. Огляделись.

– Красота, – улыбнулась Зоя Максимовна, – а Зерновы где будут?

– Вон там, – махнул рукой на восток Ефимович и продолжил:

– Значит так, мы с матерью поехали за инструментом и продуктами, а вы, ребята, перетасщите сюда всё остальное и начинайте строить землянку и сортир.

Он отсчитал от дуба на юг пятьдесят шагов и воткнул в землю саперную лопату:

– Здесь копаете яму под туалет.

Потом вернулся к дубу и, отсчитав десять шагов на восток – получалось посередине между двумя дубами, повернулся на юг и, пройдя еще пять шагов, положил топор:

– А здесь будет землянка. За неделю надо обустроиться, а отсеемся, будем ставить дом. Степан, ты старший, Ванька начинает копать под туалет, а ты заготавливай лес у речки. Пошли, мать.

– Лес какой? – спросил Степан.

– Да небольшие деревья, – Ефимович показал пальцами круг диаметром сантиметров десять, – нам для туалета и крыши землянки.

– Понятно.

– Ну, с богом, пошли, мать.

Заполнив свой Джип инвентарём и продуктами, Барковы около двух часов пополудни возвращались «домой». У своего паромы они нашли мотоцикл Зерновых, а к плоту, стоящему на противоположном берегу, была привязана верёвка.

– Молодцы Зерновы, догадались, – сказала Зоя Максимовна, подтягивая плот.

Разгружавший машину Барков заметил:

– Что-то мы их не встретили на складах, получили они что-нибудь или нет?

– Сейчас узнаем.

Переправившись одна и разгрузив плот, Зоя Максимовна взяла два пакета и скрылась в лесу, а Барков подтащил «паром» и стал грузить и переправлять остальное. Когда всё было переправлено, а подоспевшие Степан с Ваней, нагруженные под завязку, вместе с Барковым поднялись к дубам, Зоя Максимовна уже расстелила одеяло и расставляла еду. Мужчины сложили поклажу под дубом, и Ваня пошёл забрать оставшиеся пакеты. Константин Ефимович

оглядел сложенные берёзовые стволы и кучу березовых веток, потом посмотрел яму под туалет. Ребята вырыли чуть больше метра глубиной.

– Красота, – восхитился Ефимович, – глянь, почти полметра почвы, вот это целина!

– Да, странно, куда же все это делось через 770 лет? – удивился Степан.

– Э-э, милый, если десять лет эту землю пахать и ничем её не подкармливать, то всё это превратится в пыль, глину, а потом природе понадобятся опять десятки тысяч лет, чтобы восстановить такую красоту. Так что будем её беречь, Стёпа.

Они вернулись, развели костёр, и пока на нём разогревалась рыба и кипятился чай, Барковы перекусили, а закончив трапезу и запив её чаем, Барков встал и посмотрел на восток, где вился, смещаясь на север, дымок костра.

– Соседи тоже трапезничают.

За обедом Степан с Ваней рассказали, что Зерновы приехали сначала вдвоём, притащили чемоданы, рюкзак, потом Зернов вернулся и привёз дочку, потом сына и уже четвертым рейсом приехал сам. Умолчали они только о том, что Ваня бросился помогать тащить сумки дочке Зернова Даше и проводил её до их стана.

После обеда занялись обустройством. Ваня продолжил копать яму. Степан, скрепил из жердей остов шалаша, похожего на вигвам, и подсоединился к Ефимычу копать большую землянку 5х5 метров, а Зоя Максимовна обвязывала шалаш веревками и покрывала его плотным целлофаном, рулон которого они получили сегодня. Вечером, когда солнце уже приблизилось к горизонту, к ним подошёл Зернов.

– Бог в помощь, соседи.

– Бог-то бог, да сам бы помог, – засмеялся Ефимыч, – ну как вы там, обустриваетесь?

– Обустриваемся, но до вас далеко. Шалаш, правда, тоже сделали, но туалет еще не успели.

– Сделаете ещё, а так вот, землянку будете строить?

– Нет, скорее всего, сил не хватит, зато шалаш у нас посолиднее, а к зиме посмотрим, если с избой не поспеем, придётся землянку с печкой рыть.

– Ну, добро.

– Так, Ефимыч, проскочим к мосту, может, сделали уже. Технику бросать не хотелось бы, хоть и людей вокруг вроде бы нет, но мало ли что.

– Да, пока светло, поискать дорогу через Спартановку. Это ты прав, что-то я заработался. Сейчас соберусь, и поедем.

Через минут двадцать они уже ехали по обратной дороге, впереди мотоцикл, за ним джип.

Мост был уже готов. Он был составным из трех частей, деревянным, но прочным на вид. Середина моста, длиной метров десять, лежала на воде, посреди реки, и крепилась к мощным высоким пням на обоих берегах тросами, а на правом и левом берегу на этот деревянный понтон спускались, опираясь на берег и на среднюю часть, две другие части. Переправившись на правый берег и поднявшись по просеке наверх, они проехали ещё метров триста по редколесью, забирая вправо, и остановились.

Барков вышел из машины.

– Кто бы мог подумать, что здесь такие леса, – восхитился подошедший к нему Зернов.

– Да, уж, пока человек не начал тут обживаться. Быстро превратим в пустыню, если погрём, как всегда.

– А ведь погрём.

– Не знаю, не знаю. Всё же у нас есть печальный опыт издевательства над природой, которого эти поколения ещё не знают.

– А история учит тому, что она ничему не учит.

– Ладно, поживем – увидим. Теперь «к нашим баранам», кажется, пора поворачивать на запад.

– Да, только придётся пробираться через кустарник.

– Вот я и поеду впереди.

– Лады.

Через сорок минут, плутая между зарослями и подминая мелкие кусты, они выбрались на расширяющуюся к западу поляну и, проехав по ней ещё метров двести, свернули чуть направо, объехав лес. Тут крестьяне далеко впереди увидели дым костра Зерновых. Там радостно встретили завершение автопробега своего отца и соседа. Смеркалось.

Барков согласился поужинать вместе с Зерновыми, а за ужином выяснились планы на завтра. Ефимыч предложил Зернову вместе с ним съездить отоварить его накладные, а заодно попробовать достать хоть какие-то стройматериалы, и, главное, нужны гвозди.

Шура, которая уже знала историю о том, как Барковы попали в город, спросила:

– Так у вас же ничего нет? Мы-то хоть из дому то да сё принесли. Саша, вы завтра дома заберите всю посуду и поделимся.

– Да у нас уже есть миски там, сковородка, кастрюля. Чего же беспокоиться? – возразил Барков.

– Вы своей жене расскажите, что отказываетесь, она вам задаст, Константин Ефимович. Так что без разговоров. Чем можем – поможем.

Барков вернулся уже, когда стемнело, рассказал своим об ужине у Зерновых, и с тем уставшая крестьянская семья легла спать в шалаше на постели из подсохшей травы, которую нарвала Зоя Максимовна.

Завтра на рассвете начнется их тяжёлый и большой трудовой день.

Ещё два дня назад на них давила безысходность, потом забрезжила маленькая надежда, и вот они снова на своей земле. И счастливые засыпали без ванной и тёплого туалета, без телевизора и телефона. Счастливые, потому что на своей земле, и с надеждой, что отсутствие комфорта временное. Оно компенсировалось здоровым дыханием природы – они были НА ЗЕМЛЕ.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ, вторник 19.04.1224 г.

Александр Беркетович Гринёв проснулся рано. Последние дни, начиная с той вообще бессонной ночи с 15 октября 1999-го на 16 апреля 1224-го, он работал с огромным напряжением.

С трудом засыпал за полночь и просыпался на рассвете, как от толчка, вскакивал с ощущением опасности и, уже умываясь и одеваясь, продолжал анализировать прошедшее и прогнозировать события наступающего дня, недели, месяца. Сегодня в его службе должны были приступить к работе ещё шесть человек новеньких. С ними вместе его аппарат уже составлял 187 человек. После того, как у него под началом было только три штатных сотрудника и 22 внештатных агента, такое резкое увеличение штатов требовало быстрого слагивания новой структуры Службы Безопасности.

Большую часть своего времени Гринёв занимался созданием внешней разведки, он разбил эту службу на четыре отдела – западный, южный, восточный и северный и уже привлёк к работе всех запасников и отставников разведки, контрразведки, пограничников – пенсионеров, уволенных из ФСБ, ФПС, ГРУ... и даже ещё из КГБ.

Начальники направлений комплектовали посольства и разведку при них.

Пока было решено готовить четыре посольско-разведывательные группы, в Киев и Рязань – как самые близкие русские княжества – Волжскую Булгарию и сильное владимирское княжество; и две чисто разведывательные группы – в Тамань и в Среднюю Азию – вотчину Чингисхана. Естественно, что разведкой комплектовались и все экспедиции. Все группы были переведены на казарменное положение и интенсивно изучали всю имеющуюся в городе научную историческую литературу, занимались физподготовкой, в основном фехтованием, которые им преподавали шестеро спортсменов-любителей, среди которых четверо уже давно оставили этот экзотический спорт, но с чего-то надо было начинать. Для организации отдела информации Гринёв включил в штат четырех библиотекарей с основных библиотек города. Самое трудное было с изучением языков. Если со славянским языком русичей ещё было, куда ни шло, тут Лайсман был как рыба в воде, и западное направление стонало от интенсивной работы, то с тюркскими языками проблема была ужасная – никаких исторических манускриптов, ни одного специалиста даже по современным языкам, не то, что по средневековым. Тем не менее, Гринёв привлёк к работе, четверых коммерсантов-азербайджанцев, двое из которых были горожанами, а двое гражданами более не существующей на этой земле Азербайджанской республики.

Вчера, уже поздно вечером просматривая сводку агентурной информации, он наткнулся на сведение о том, что на застрявшей возле половцев барже какая-то студентка Кошкина изучает с какой-то половчанкой их язык. «Не родственница ли казака Кошкина?», – подумал Гринёв и тут же кинулся к телефонному справочнику. Г. П. Кошкин был известной фигурой в городе, один из создателей городской организации казаков. Трубку взяла Клавдия Андреевна. Гринёв представился и попросил к телефону Григория Петровича, однако того не было дома, так как он уехал организовывать казачьи хутора. Тогда спросил, не родственница ли им Кошкина, которая на барже, и через десять минут ему с трудом удалось остановить словоохотливую казачку и положить трубку, вежливо прервав разговор – он знал о Кошкиной Любви Армаисовне более чем достаточно.

Потом, уже связавшись с Кузнецовым, которому подчинялся смешанный авиационный полк, договорился о посылке на рассвете к барже вертолёта за двумя женщинами. Затем, съездив в порт, связался с капитаном Кадыровым и поручил ему срочно отправить обеих женщин – и половчанку, и Кошкину – в город. Если будут проблемы с половчанкой, то подключить к её решению Кэчтэна, передав ему привет от него. Тот должен был вместе с Кэчушем уже пере-

гнать свой табун из сотни лошадей и стадо из 200 баранов к родному стану. Они тепло попрощались ещё накануне утром.

И вот сегодня, умывшись, Гринёв первым делом позвонил на аэродром и узнал, что вертолёт 10 минут как вылетел. Тогда он позвонил в гостиницу и приказал дежурному по тревоге поднять начальника южного направления и отправить его на аэродром за двумя женщинами – Кошкиной Любой и половчанкой Арваной, которые должны прилететь вертолётom, и сразу их к нему в гостиницу.

Вышла потягиваясь жена, глянула на одевшегося мужа:

– Уже побежал?

– Да, тоже давай, академик.

Ирина Яновна училась на одном курсе с Гриневым в МГУ. На одной из студенческих пирушек в начале пятого курса математик Гринёв и познакомился с филологом Ириной Буявичус. Сокурсники удивлялись вспыхнувшей между ними горячей и страстной любви и предрекали ей скорое остывание – слишком разные они были – горячий, чернявый, быстрый сын цыгана и терской казачки Александр был полной противоположностью медлительной и холодноватой блондинке из Литвы Ирине. Их внутреннее различие было куда глубже и прямо противоположно внешнему. Ирина любила Сашу безрассудно, она всю жизнь следовала за ним, как кролик за удавом, готовая ждать его возвращения из бесконечных командировок недели и месяцы. Дольше всего Ирина ждала его из командировки в Афганистан – 1,5 года, получая от мужа редкие и скупые письма. Можно только удивляться, как она, при такой самоотдаче в любви, смогла окончить аспирантуру и защитить кандидатскую диссертацию, что-то там о влиянии на историческое развитие итальянского языка языков других народов.

Александр никогда ничего не любил более, чем математику, её логику, и философию неотвратимости последствий событий, заложенных в строгую математическую формулу. Он и согласился после пятого курса идти в школу КГБ потому, что надеялся приложить свои силы именно для прогнозирования различных жизненных ситуаций, изучать это прогнозирование. А Ирина... Женщины вообще-то интересовали его опять же, как объекты исследований их ситуативных реакций и прогноза их действий, все и всегда, но тут получилось иначе. Она понравилась ему, но он действительно как-то быстро остыл. Друзья оказались правы, через месяц она его уже не волновала, как нераскрытая книга с интригующей обложкой: он её быстро прочитал. Однако у него не было никакой охоты искать другую подругу. Более того, в привычных ситуациях с девушками, когда вроде бы всё располагало к флирту, он только отделялся легкими шутками и всё. У него была ОНА и ему никакая другая была больше не нужна почему-то. Конечно, ему льстило, что возле него, прижимаясь к его плечу, стоит, идёт или сидит красивая светловолосая девушка, но главное, он почувствовал эту её безрассудную любовь и не мог предать. Ирина, таскаясь за мужем по стране, то бросала работу по специальности, то опять возвращалась к ней. Гринёв, правду сказать, не особенно понимал и уважал её кандидатскую. Защитилась и молодец, и ладно – много вас таких кандидатов и докторов, изучающих сгибы ножки паука при пережёвывании мухи. Он считал это блажью, бесполезной тратой времени и государственных средств. Сам же он за свой профессионализм пользовался всё большим уважением в службе и с 1994 года, получив звание подполковника, был переведен в Москву в аналитический отдел по терроризму начальником отдела. Всё шло хорошо до декабря 1994 года, когда он выдал отрицательный результат на ввод войск в Чечню. Его уже тогда чуть не отстранили, но его прогнозы на 95—96 годы оправдались, оправдались бы и дальше, если бы Лебедь не вывел оттуда войска, создав тем самым совершенно новую ситуацию.

Последней каплей его самостоятельного и независимого цыганско-казачьего характера, переполнившей чашу терпения начальства, был отрицательный прогноз на повторное избрание Ельцина и предложения по изменению ситуации путем изменения команды президента, в первую очередь отстранения от участия в ельцинской избирательной компании Коржакова.

Заодно и изменения приватизационного зуда правительства, спасение ещё не разгромленных предприятий и предложение по объединению с Лебедем во втором туре. Сам прогноз явно не добавил бы ему лавров, но уж никак не навлёк бы такой грозы. Зная его блестящий профессионализм, начальник аналитической службы не дал бы в обиду, скрыл бы своего лучшего сотрудника, но Гринёв сам себе навредил. Ему надоело работать «в стол», практически ничего не меняя. Он подстроил появление копии своего секретного доклада на столе у Ельцина, тот почитал и передал Чубайсу, и всё, на его карьере на следующий день был поставлен крест. Коржаков настаивал, чтобы его вообще уволили, но, соврав Коржакову о выполнении, начальник службы отправил его в Волжский. Коржакова президент все же отставил, но Гринёв так и остался здесь, в этом городе. Опасаясь мести Коржакова, начальник аналитической службы берёг его и не пускал пока в Москву, но сам не раз нелегально приезжал к нему, чтобы использовать в качестве консультанта по тому или иному комплексу информации. Так что никто в городе, даже его жена, не подозревали, что во главе их горотдельчика стоит одна из светлейших голов среди порядочной, помнящей о личной чести, блестяще образованной части офицеров Российской службы безопасности.

Хотя Ярославцев, видимо, уже интуитивно об этом догадывался и потому всецело доверял Александру Беркетовичу.

– Ты, Иришка, тоже не задерживайся, – обратился Гринёв к жене, когда та поправляла ему галстук и воротник рубашки под пиджаком.

– Не бойсь, буду вовремя, мужа не подведу. Сейчас дочку разбужу, провожу на завтрак и приду, – и вдруг прижалась к нему, – бедный мой начальник, аж глаза ввалились, жене некогда о тебе побеспокоиться, а на секретаршу ты, наверное, не производишь впечатления, – улыбнулась она, заглядывая в его карие глаза.

– Главное на тебя производить впечатление, – поддержал, улыбаясь, шутку Александр и погладил её по левой щеке и уху.

– Ладно, – отстранилась Ирина и хлопнула его ладошкой по груди, – Катись давай, соблазнитель, а то опять без завтрака останешься.

– Ну, пока, – Гринёв спустился во двор, вышел на улицу и быстрым шагом пошёл к ресторану гостиницы, который стал теперь местом питания для его штаба и всей службы, кроме офицеров, прикомандированных к полкам, и разбросанной по городу агентуры. Здесь же питалась Ирина, которая возглавляла сейчас языковой сектор. Ему ещё в субботу пришлось лично убеждать Президента только-только созданной Академии наук Волжской России передать Ирину в его службу. Сошлась она на том, что та не меньше двух часов в день будет отдавать работе в АН комитету внешних связей. На что Гринёв наспех согласился без особого удовольствия, но потом, подумав, увидел определенные выгоды от такого соединения с наукой. Более того, он вместе с Ириной со вчерашнего дня стал отправлять туда на те же два часа начальников направлений для изучения разрабатываемых там рекомендаций.

Запив чаем бутерброд с копчёной колбасой, он отправился в свой кабинет на втором этаже. Был ещё один старый кабинет на прежнем месте работы, но там сосредоточилась служба внутренней безопасности, а здесь спешно создавалась внешняя разведка: служба иностранных дел и пограничная служба, и здесь он был сейчас нужнее.

Как всегда к семи утра к нему прибыли начальники – военной контрразведки молодой лейтенант Сергей Винтовкин и службы безопасности города опытный капитан Давид Куладзе. Первым докладывал Винтовкин:

– По полкам начались замены командиров полков и подразделений. Вчера вечером Кузнецов, исходя из собственных наблюдений и учтя нашу информацию, заменил двух командиров рабочих полков, 10 командиров батальонов и 26 командиров рот и взводов. Только небольшую часть командного состава заменили вместо выбывших в крестьяне и казаки, а в основном по причине явной неспособности организовывать коллективы и эффективно работать. Более

того, двух командиров рот и трех взводных отдали под суд за рукоприкладство и создание криминальной обстановки в своих подразделениях, ещё 15 человек рядового, и скажем, сержантского состава (командиров отделений) отдали под суд. Только одного за драку, а остальных за кражи.

– Так, всё нормально – главное нацеливайте всю вашу службу на борьбу с сокрытием преступлений, а смена командного состава ещё не скоро остановится, всё же моментальная мобилизация не могла не привести на командные должности много случайных людей. Так что продолжайте отслеживать ситуацию и работайте с Кузнецовым, чтобы не допустить впопыхах взрыва недовольства из-за действий или бездействий командиров, а для этого развивайте там агентурную сеть. Кто владеет информацией, тот владеет ситуацией. Пока непонимания с Кузнецовым и его штабом нет?

– Так точно, Александр Беркетович, тут всё нормально.

– Добро, переходим к городу.

– В городе больших проблем нет. Комендантская структура оказалась очень удачной, – начал Куладзе, – Жилин и его милиция вполне справляются, преступления резко пошли на убыль, порядок в городе на высоком уровне. Однако возникают проблемы с формированием правобережной части государства. Крестьяне в основном вопросов не вызывают – их всего сто семей и у них сейчас головы забиты посевной и обустройством. Эти семьи заняты по уши собой, им не до выпендрёжа, могут, правда, возникнуть споры на меже между соседями, но чановский комитет сегодня же с утра направляет на выбранные крестьянами земли своих землемеров для размежевания и защиты лесов, а то там быстро и реки обмелеют и ключи иссохнут. Сами понимаете, человеку только дай волю, он изгадит вокруг всё, что можно и нельзя.

– Не скажи, собственный лес наш крестьянин будет беречь.

– Ну не знаю, не знаю. По крайней мере, Чанов вчера поздно вечером подготовил Ярославцеву предложение с обоснованием по организации государственного комитета по лесному хозяйству.

– У тебя хоть есть копия?

– Обижаешь, начальник, – Давид ухмыльнулся, достал из папки десяток отпечатанных на принтере листов, скреплённых скрепкой, подал Гриневу.

– Молодец, Давид.

...Куладзе, в отличие от Гринёва, рассчитывал сразу же по окончании школы КГБ остаться в Москве, по крайней мере, так бы оно и было. Его дядя, полковник 6-го отдела, держал для него в Москве штатную единицу, но с этой перестройкой, в полном её разгаре, перед самым выпуском эту единицу сократили. На семейном совете решено было, что Давид сначала отправится в провинцию, а потом, как только освободится какое-либо место, дядя его переведёт к себе или к кому-нибудь из друзей в другие отделы.

Через три года Давид, усилиями дяди едва успел получить звание старшего лейтенанта, как случилось 19 августа 1991 года, и уже отпечатанный приказ о его назначении повис в воздухе. Более того, в сентябре дядя был сокращен вместе со своим отделом, и Давид понял, что он застрял здесь надолго. Более того, он как-то тихо проскочил через все перетасовки и сокращения и остался при должности, но без агентуры. Однако после фиаско в Чечне на агентуру стали, наконец, поступать деньги, и он занялся её восстановлением, уже имея богатый опыт оперативной работы. Когда начальник отдела уходил на пенсию, Давид надеялся занять его место, ибо второй оперативник через три месяца тоже выходил на пенсию.

Однако прислали Гринёва, который, подсластив пилюлю, привёз приказ о присвоении Давиду Куладзе капитанского звания. Они быстро нашли общий язык, Новый начальник прощал своему подчинённому подчеркнутую независимость, никогда не отчитывал за ошибки, хотя не упускал случая язвительно напомнить о них. Как-то сразу у них сложилось неуставное обращение друг к другу – «Давид», «Беркетович». Уже через полгода Куладзе понял, что

перед Гринёвым он со всем своим опытом и знаниями просто абитуриент перед профессором, и Давид бросился с головой в учебу вместе с новеньким лейтенантом Винтовкиным. Благо Гринёв никогда от них не скрывал ни свой опыт, ни свою методику. Когда в прошлом году Давид, будучи проездом в Москве, зашёл к дяде, тот предложил ему выйти в отставку и присоединиться к его бизнесу. Случись это года три назад, а то и раньше – не раздумывал бы, но сейчас ему было просто интересно работать с Гринёвым, да и уже как-то сжился он со своей службой...

Гринёв положил «Предложения» в папку на столе.

– Почитаю.

– Почитай, Беркетович, надо поддержать эту идею на СО.

– Направление мысли правильное, но не леса же тебя так беспокоят. Что ещё?

– Так вот главные опасности у казаков. Дело в том, что туда записались все, кто не прошёл в сотню фермеров, немало и тех, кто просто не хочет копать ров и лишь бы куда, а то и просто криминальные элементы. В общем – сброд. Не знаю, как они там будут работать, но охранять границу я бы им не доверил. Руководят всем этим романтики казачества из руководства их Волжской организации, так что хлебнём мы с ними лиха. Тем более, что настрой у них там, в хуторах, организовывать работу то ли по типу коммун, то ли колхозов, а это всё мы проходили: воровство, бардак. Ладно бы так, внутри, но ведь как бы не начали грабить зарубеж. Ударятся в вольное казачество и пойдут за военной добычей, тогда таких врагов вокруг наживём.

– Что ты предлагаешь?

– Я думаю поручить охрану границы пограничным комиссарам. И все эти казачьи формирования отдать в оперативное подчинение небольшому штабу из трех-четырёх человек вместе с комиссаром на каждые восемнадцать-двадцать километров границы. Я исхожу из того, что на каждые 6 км границы будет стоять один хутор из тридцати казаков плюс их семьи, а на каждую сотню казаков – станица, в которой их будет сорок человек и опять же семьи. Там в станице и планируется школа, больница, почта, ну и другая инфраструктура. Вот там и будет располагаться пограничный комиссар со своим штабом.

Раздался стук в дверь, которая тут же открылась, и секретарша Катя, просунув голову, доложила:

– Прибыли Кошкина и половчанка.

– Хорошо, пусть подождут, – и, обращаясь к Куладзе, после того, как дверь закрылась, Гринёв сказал:

– Понятно. Сегодня у нас доукомплектована группа пограничной безопасности; там отставники, пенсионеры и даже демобилизованные срочники. Начальника этой группы знаешь?

– Да, подполковник Доросов.

– Ну и прекрасно. Передай ему свой анализ ситуации и пусть он с её учетом подготовит сегодня предложения по организации пограничной службы на правобережье. Они там этим уже занимаются. Всё. Вопросы есть?

– Нет.

– У меня рапорт, товарищ подполковник, – официально, положив листок на стол, бухнул Винтовкин.

Гринёв удивился, внешне не показывая это, и взял рапорт в руки. Там была изложена просьба, перевести его в службу внешней разведки.

– Ну что ж, товарищ лейтенант, вечером дам ответ, а вы пока заберите рапорт и перепишите его как положено с указанием причин и предложением хотя бы одной, лучше больше кандидатур на ваше место. – Так же официально ответил ему Гринёв и закрыл тему:

– Всё, вперёд, за дело.

Потом, посидев секунд десять в тишине и одиночестве, встал и пошёл в приёмную приглашать Кошкину с половчанкой.

Ирина Яновна, которой Гринёв передал после беседы Любу и Арвану, поразились тому объёму работы, который за три дня сделала эта девушка, едва-едва успевшая стать студенткой. Та составила словарь из почти 600 слов и даже провела кое-какие исследования грамматики половецкого языка: спряжение 12 глаголов, склонение слов по падежам. Это была работа если и на любительском, то всё равно на очень высоком уровне. Бегло просмотрев материалы, собранные Любой, Ирина Яновна обратила внимание, что половецкий язык незначительно отличается от гэрзовского и тоже относился к тюркской группе языков. Они уже третий день занимаются с одним из пленных. Вчера его должны были освободить вместе с ранеными товарищами в обмен на табун лошадей и стадо коров и быков, но Гринёв показал их старшему больницу с его тяжелоранеными соплеменниками и пообещал вернуть их, как только они вылекутся. Пожелали уйти и ушли со своими только трое ходячих, а вот Гарш, так звали пленного юношу, согласился остаться для изучения русского языка и для помощи русским в изучении языка гэров. Он сам сказал об этом своим соплеменникам, пообещав вернуться через месяц.

Дело в том, что перед тем, как вести его на встречу с делегацией гэров, Гринёв в своем кабинете дал ему подержать охотничий нож с красивыми ножнами и ручкой, потом забрал его и положив в сейф, сказал: «Это твой нож, если за месяц поможешь нам изучить язык гэров». Горящие глаза юноши говорили о том, что он теперь, ради такого царского подарка, готов сделать для Гринёва всё, даже продать с потрохами свое племя. Александр Беркетович даже засомневался, что, дескать, не продешевил ли, но потом, улыбнувшись и дружески хлопнув обалдевшего Гарша по плечу, сказал: «Мы ещё поработаем вместе», а про себя подумал: «Вот и у гэров будет наш человек».

Ирина Яновна сама проводила Любу с Арваной в ресторан, где их ещё вчера ночью по приказу Гринёва включили в список на питание. Пока они завтракали, Гринёва договорилась с машиной, которая отвезёт женщин к Любе домой – к бабке Пелагее. Они там отдохнут после перелёта, а потом, к обеду, их заберёт та же машина, привезёт сюда, и они займутся делом.

Проводив новых штатных работников, Ирина Яновна углубилась в сопоставление уже собранных сведений и планированию знакомства разведчиков и дипломатов с нынешними тюркскими языками.

Сегодня Ярославцев, вместе с Сафоновым и Зениным, в 11 часов принимал финансовую группу в составе 15 человек. Это были директора банков, их помощники и заведующий финансовым отделом администрации, Цекач Михаил Павлович. Вчера Зенин, который обладал теперь полной информацией о наличии в городе товарной массы, выдал банкирам количественные данные по всей этой массе, а также по данным городского БТИ информацию о недвижимости. Кроме того, справку о сумме основных средств, не учтённых в БТИ предприятий города, к 9 утра должна была дать этой рабочей группе налоговая инспекция. Дальше Ярославцев поставил перед ними трудную задачу: Первое: денежная масса – ноль, второе: давайте для удобства деноминируем стоимость всех товаров, недвижимости, основных средств в 100 раз, третье: запускать новую денежную массу под обеспечение всей массы оценённого имущества, и четвёртое: разработать систему наличных денежных расчётов с учётом наших технологических возможностей, а скорее невозможностей пока производить новые дензнаки.

И вот сегодня они должны были обсудить то, что было наработано за прошедшие сутки. С утра Ярославцев был, как на ножах. Дело в том, что в эту группу попала в качестве помощника директора филиала Русюгбанка его жена. И он уже вчера утром чувствовал себя неуютно при постановке задачи этой группе. Ярославцев хорошо помнил эссе главного инженера Вол-

гоградБамстроля Овчинникова Валентина Ивановича. Это был мудрейший мужик, всю жизнь проработавший строителем от мастера до начальника управления. Помотался он по стране и по стройкам от ГУЛАГовских до комсомольских, дай бог каждому. И вот на старости, за три года до пенсии, поехал строить БАМ. Среди молодых строителей – от начальника до лесоруба – к нему крепко прилипло прозвище «Дед». Он мудро взирал на этих бьющих энергией и максимализмом «мальчишек», безобидно матерясь своим хриплым басом. Как правило, бесполезно «вправлял им мозги», спал на партсобраниях, удерживая очки на кончике посапывающего носа, спасался от волевой и ревливой жены, работающей там же, в конторе, и, главное, добротнo строил посёлок. Однажды на таком собрании его разбудили, попросив выступить по какому-то очередному производственному вопросу. Он грузно пошёл на сцену, вспоминая по какому поводу собрание, но, видимо, так и не вспомнив, бухнул фразу, которая легла на сердце и потому запомнилась Ярославцеву: «Товарищи, нам тут надо ещё один особый коэффициент доплаты вводить за особо вредные условия труда – мы вынуждены работать вместе с жёнами». Хохот и аплодисменты, видимо, взбодрили его, и, вспомнив, о чём тут вообще идёт речь, дальше «Дед» уже говорил как надо, то есть без мата и валя всё на недопоставки стройматериалов с большой земли.

Ярославцев не только берёт свой милый семейный очаг от треволнений своей работы, но и свое дело не меньше, а может и больше, берёт от влияния своей жены. Когда она поначалу, так или иначе пыталась интересоваться его делами и работой, он отшучивался, переводил разговор на другую тему и постепенно приучил её не вмешиваться в них. А вот сейчас они должны были вместе делать это дело. Это было непривычно, неловко, выбивало из колеи. Вчера она, как будто поддразнивая, смотрела на него нежно и обезоруживающе улыбалась, когда они на совещании встречались глазами. Он отводил глаза, но его, как магнитом, тянуло взглянуть на неё. Только когда финансисты ушли, он, наконец, успокоился и помотал головой: «Нет, дорогой, или работать, или любить». Ночью Ярославцев вернулся домой около часа. Ещё на трех предприятиях он встречался с руководителями и коллективами, – опять убедился, что действует правильно, и опять казалось, что всё идет медленно, хотя все, кто был вокруг него, работали уже без всякого предела возможного. Вот и жены не было дома. Он набрал телефон финансового отдела, узнал у его заведующего, что они завершают работу над одним вариантом, отбросив еще около десятка других.

Потом, по просьбе Цекача, поднял с постели завхоза Горина, поручил ему срочно обеспечить финансовую группу бутербродами и кофеем без ограничения и лег спать.

В шесть утра его разбудил будильник, возле которого лежала записка: «Доброе утро, милый командир. Легла спать 4:20, поставь будильник на 9 часов. Целую. Таня». Когда он умылся, побрился и собрался уходить, то зашёл в спальню и на обратной стороне её записки написал: «Добрый день, милый мой бухгалтер. Не вздумай приходить на совещание, я тебя отстраняю от работы до 14:00. За невыполнение моего приказа ответишь по законам военного времени», и расписался. Потом поставил будильник на 12 часов, нежно коснулся губами её волос над ухом, разбудил мальчишек, строго наказав им не шуметь и не разбудить маму, и ушёл.

Сейчас он с удовольствием отметил её отсутствие, и, начиная совещание, сказал:

– Насколько мне известно, вы остановились на каком-то одном варианте. Начнём тогда с того, что вы доложите о вариантах отвергнутых.

Цекач за 10 минут прошёлся по восьми вариантам, начиная с самых экзотических и кончая неприемлемыми из-за полного отсутствия золотовалютных резервов. В конце концов, за материальный эквивалент приняли товарную массу, сосредоточенную на складах и в магазинах, энергоносители, сырье и комплектующие на промышленных предприятиях, часть основных средств, которых действительно что-то стоят, то есть, способны производить, и всю недвижимость.

– Далее продолжит Сергей Сергеевич Можайский, – предоставил слово директору городского отделения Центробанка Цекач.

Сергей Сергеевич встал. Грузноватый пятидесятилетний мужчина с темными кругами под глазами на уставшем, но выбритом лице с тщательно причёсанной богатой шевелюрой. Он начал солидно и основательно. Опираясь на цифры, обосновал, что общая эмиссия при заданном масштабе цен не может превышать 14 миллионов рублей. Условием для увеличения эмиссии может быть начало работы тех предприятий, которые сегодня стоят, а это подавляющее большинство пока ничего реально не стоящих основных средств. При полном их использовании можно добавить еще 5—7 миллионов рублей. Ещё закон о земле. Если она станет товаром, то с учетом только земли в черте города можно добавить ещё 3 миллиона рублей, а с учётом земель Волго-Донского междуречья, которое начало осваиваться, рост эмиссии может дополнительно составить от 1,5 до 20 миллионов рублей. Все зависит от степени их освоения и наличия Закона о собственности на землю. Пока она не является товаром, не может быть и предметом залога.

При таких условиях денежная эмиссия не приведёт к росту цен.

Главное различие между двумя оставшимися основными вариантами – кто будет контролировать эмиссию. Первый вариант – государство в лице либо парламента, либо президента или правительства через центральный банк. Второй вариант – сами банки создают центральный эмиссионный банк, контролируют его работу и несут солидарную ответственность за устойчивость валюты.

– После долгих споров, взвешивая все «про» и «контра», мы, в общем-то, единогласно остановились на последнем, – продолжал Можайский.

– Какие у нас доводы? Главное, от чего мы все устали, что тормозит финансирование экономики и уводит деньги в спекулятивный оборот – это устойчивая инфляция. Ценовая стабильность – вот главный аргумент, который мы взяли за основу при рассмотрении всех вариантов, в том числе и этих основных. Государство, в лице своих суверенных органов, не несёт ответственности за свои действия, за действия этих органов расплачивается всё население. Поэтому мы и предлагаем систему, при которой финансы, вопросы ценообразования получили бы независимость. Государство только законодательно закрепляет за банковским Советом ответственность за стабильность цен. К примеру, мы зафиксировали в проекте предполагаемого закона, что инфляция не может превышать 3% за три года. В случае нарушения этого условия банки, а не государство и народ, как я уже говорил, несут солидарную ответственность за восстановление статус-кво финансовой системы. Здесь же и уголовная ответственность должностных лиц за нарушение порядка принятия решения, который эту стабильность гарантирует.

– Значит, – вступил в разговор Сафонов, – государство будет выступать перед банком на равных, как и всякий другой субъект?

– Совершенно верно, и уже никто не сможет нарушить финансовую стабильность волевым решением, кроме самих банкиров, но и они этого делать не будут – себе дороже.

– Если эта система такая надёжная, то почему же мы её ещё там, в России, не ввели, почему у нас не была остановлена инфляция? – задумчиво, как бы сам у себя спросил Ярославцев и добавил, – садитесь, Сергей Сергеевич.

Можайский сел, а директор филиала Газпромбанка, попросив у Можайского разрешения, стал объяснять Ярославцеву, как студенту, задавшему профессору интересный вопрос:

– Дело в том, что у нас именно государство своим несбалансированным бюджетом накачивало денежную массу и потом: здесь мы начинаем с замкнутой финансовой системы, а там вписывались в систему мировую, но в любом случае, если бы Дума вместе с правительством не накачивали рынок пустыми деньгами, стабильность была бы. Однако повторяю, что там этого достичь было бы сложнее, как мне представляется.

– Хорошо, значит, в принципе государство тоже сможет брать у вас кредиты под залог государственной собственности? – спросил Ярославцев.

– Совершенно верно, – вновь попытался встать Можайский.

– Сидите, сидите. Ну что же, если никто ничего не хочет добавить... – Ярославцев взял кипу распечатанных на принтере бумаг и стал вслух перебирать скрепленные пачки, – «Закон о банковской системе», «Устав банковского союза», «Положение о Совете банков». Поработали очень плодотворно, спасибо.

Он вызвал Дюжеву и, поручив ей обе автомашины администрации передать банкирам, чтобы их развезли по домам, вновь обратился к членам финансовой комиссии:

– Значит так, сейчас пообедаете, возьмете с собой ужин и по домам отдыхать до завтрашнего утра. Завтра в 8 часов. Михаил Павлович, жду вас у себя. Всё, банкиры, свободны. Михаил Павлович, задержитесь.

Оставшись вчетвером, Ярославцев, Сафонов, Цекач и Зенин занялись обсуждением метода формирования бюджета. В конце концов, Ярославцев поручил Зенину вернуть с завтрашнего дня всех бухгалтеров и экономистов администрации, а также депутатов думы из отряда Седенко в администрацию. Сафонов и Цекач вместе с этим аппаратом и депутатами в экстренном порядке должны были подсчитать затратную часть бюджета и подготовить предложения по его доходной части.

– В новом масштабе цен, – спросил Сафонов, – минимальная у нас остается 84 копейки?

– Давайте посмотрим три варианта, Николай Степанович. Первый: 1 рубль. Второй: 10 рублей, всё же хоть будет соответствовать прожиточному минимуму, и, наконец, средний, третий вариант: 5 рублей. Теперь о наличности. Я вчера не зря задал такой масштаб цен, ибо пока у нас вообще нет бумаги, а тем более бумаги для дензнаков, то выпуск монет достоинством от 1 копейки до хотя бы 10 рублей наладить вполне возможно. Значит, Михаил Павлович, свяжитесь с директором Трубного, мы с ним вчера уже обсуждали эту тему. У него можно в БРЦ организовать монетный участок. Сегодня там должны уже начать перестановку оборудования для штамповки монет, а его художники, которых мы сняли с работы на валу, готовят их эскизы. Так вот, с завтрашнего дня, Вы, пожалуйста, возьмите на себя координацию их работы с банкирами, Жилин пусть займётся организацией режима охраны и секретности этих работ, а то наши мастера начнут печатать фальшивые раньше, чем мы – подлинные.

Цекач согласно кивнул и спросил:

– Андрей Андреевич, а как быть с документами? Ведь Закон о банковской системе будут рассматривать в Думе не меньше месяца.

– Да хоть 10 лет. Сегодня на Совете обороны примем решение, что законы Волжской России будут на время военного положения подписываться и вводиться в действие мною, а городская, или правильнее теперь, государственная дума рассматривает эти законы, уточняет и вносит поправки.

Сафонов покачал головой.

– Но это, извините, Андрей Андреевич, диктатура, ничем не ограниченная монархия какая-то.

– Снова-здорово, – вступил в разговор Зенин, – во-первых, эти, да и другие законы готовятся не Андреем Андреевичем, а специалистами; а во-вторых: ситуация сейчас такая, что немедленно нужны нормативные акты, отличные от тех, по которым мы жили до сих пор. Стабилизируется положение, и тогда можно будет возвращаться ко всему, что сделали, доделывать и исправлять, как жизнь подскажет. А сейчас висим на волоске.

– Люди не поймут, Борис Васильевич, – не сдавался Сафонов.

– Люди как раз понимают, что мы спешим встроиться в этот мир с минимальными потерями и надеются, что этот болезненный напряжённый процесс пройдет как можно быстрее. А вот что там не поймут депутаты, я им через месяц и объясню, как обещал, – Ярославцев

глянул на часы, – всё, разговор окончен, обедать и за дело, – завершил он совещание, встал вместе со всеми и вышел, чтобы не остаться голодным перед встречей с общественно-правовым комитетом.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ, среда 20.04.1224 г.

В 13:00 Замятин Александр Николаевич зашёл в кабинет к Ярославцеву вместе с Дьяковой Верой Никитичной.

Вчера, после заседания Совета обороны, тот, уже в ранге и. о. Президента, попросил их задержаться и положил перед ними скреплённые скрепкой листы.

– Сегодня, вот только что перед заседанием Совета обороны, я закончил совещание с комитетом Академии наук по законодательству. Те предложения, которая эта группа разработала по изменениям в Конституции и Закон о земле я сейчас подпишу, на основании предоставленных мне Советом обороны полномочий. С постановлением о временном, до выборов, возложением на меня обязанностей президента Волжской России тоже всё ясно. Но вот проект изменений в уголовном кодексе... Меня смущает его революционность, хотя целый час мы потеряли, обсуждая именно его. Там, в этот комитет затёрся студент 5 курса Волгоградского Университета Кручевский Володя, – он посмотрел в свой журнал, – Владимир Михайлович, вот вам его адрес и телефон.

Ярославцев написал на листочке и дал его Вере Никифоровне, которая сидела ближе к нему.

– Видите ли, господа, я понимаю его идею умом и сердцем, но... Не знаю что, может здоровый или нездоровый консерватизм? Поэтому я бы попросил Вас, как практиков, обсудить эти изменения со своими юристами. Послушайте этого студента. Комитет из теоретиков он убедил, меня тоже, но, повторяю, уж очень резко меняются принципы уголовного наказания и его справедливости.

– Так в чем эти изменения, если в двух словах? – спросила Дьякова Ярославцева и посмотрела на прокурора, листающего проект.

– Там все начинается с общей части, – кивнул Ярославцев на листы, – принципом является возмещение ущерба пострадавшим от уголовного преступления, справедливостью – такое же возмещение, целью – оно же.

– Но это же гражданское судопроизводство, оно ведь само по себе, заметила Дьякова.

– Вот-вот, комитет признал необходимым поставить привычные нам методы уголовного наказания в зависимость от реальной расплаты преступника с потерпевшими. В общем, соберите своих людей и проведите дискуссию, а завтра в 13:00 жду ваших предложений по результатам этой дискуссии.

Вечером, после ужина в кафе, за которым были закреплены работники суда, прокуратуры и адвокатуры города, все судьи, помощники прокурора и следователи прокуратуры, а также члены городской коллегии адвокатов, перед тем, как отправиться по домам, оставив ночную дежурную смену, собрались в самом большом зале. Замятин за полчаса зачитал предлагаемые Комитетом «Изменения» в общей части и рассказал о принципах изменений особенной части, приведя несколько примеров, и, в заключении, сказал:

– Завтра с 8 до 12 мы должны обсудить эти изменения и передать наши предложения Ярославцеву. Он не решается их вводить в действие без совета с нами, так как применять изменённый уголовный кодекс придется нам.

– А подробнее с «Изменениями» можно до утра ознакомиться?

– Да, но только здесь. Вы знаете, что в целях экономии бумаги запрещено размножать любые проекты, а это пока проект. Так что, если кто хочет подробнее ознакомиться с этими «Изменениями», прошу оставаться здесь вместе с дежурной сменой и изучить поподробней предлагаемый материал.

И вот 20 апреля, когда к 8 утра в том же зале вновь открылось вчерашнее собрание, по приглашению Дьяковой подошёл председатель Комитета по правовым вопросам Туржен Иван Иванович, и Кручевский. Зал, как уже здесь говорилось, предназначался для судебных заседаний, поэтому Дьякова заняла место председателя суда, по правую руку от неё расположился Замятин, а по левую – Туржен. Кручевского Вера Никитична посадила за стойку прокурора, справедливо рассудив, что он-то и будет главным выступающим на сегодняшней дискуссии.

– Все собрались? – начала совещание Дьякова, – начнём, пожалуй.

Вчера большая часть сегодняшнего зала осталась для подробного изучения «Изменений», и сегодня с утра, ещё до завтрака, листы с ними вновь гуляли по этому залу, и так же, как вчера, гуляла бурная дискуссия. По живым, разгорячённым спорам лицам можно было определить, что равнодушных или сомневающихся почти нет. Большая часть зала раскололась на ярых сторонников «Изменений» и их не менее ярых противников, примерно поровну. При этом большая часть судей и работников прокуратуры была «за», а большинство адвокатов против.

– Поскольку все, так или иначе, знакомы с «Изменениями в уголовном кодексе», то начнём обсуждение с высказывания всех желающих. Кто хочет выступить?

Первым поднял руку Зурский – помощник прокурора.

– Я хотел бы сказать, что, конечно, всё это сыровато. Эта попытка соединить старые принципы уголовного наказания с новыми, то есть с теми, которые заложил Комитет, выглядит, грубо говоря, неуклюже. Здесь необходимо поработать более тщательно. Нельзя спешить и принимать эти изменения такими сейчас. Слово попросил адвокат Кушкин:

– Я не согласен с этими «Изменениями» категорически. Сами принципы я считаю неприемлемыми, – он одел очки на свой тонкий нос, задвинув дужки за свои торчащие уши под богатой, наполовину седой шевелюрой, и посмотрел в свой блокнот, – нельзя путать кислое с пресным. Долги есть долги – это гражданское судопроизводство, которое не предусматривает уголовного наказания. Что же, мы будем возвращаться к долговой яме, к средневековью? Я вообще не понимаю, что происходит? Ярославцев заполучил власть абсолютного диктатора, издаёт самоличные законы, – Кушкин потряс полученными утром бюллетенями, в которых были напечатаны «Закон о земле», «Закон об изменениях в Конституции РФ», законы и постановление о назначении Ярославцева и. о. президента. – Обрадовались, что нет на вас Совета Европы по правам человека? Решили установить диктаторский режим? В общем, я категорически против таких изменений. Преступившие закон тоже люди, на них тоже распространяется основополагающие права человека, и надо быть гуманными к ним, а не опускаться до первобытной жестокости и беспредела.

Он сел, гордо держа свою седую голову. Поднялась тянувшая руку Замятина Наташа, дочь Александра Николаевича. Она только полгода как защитила диплом юриста-правоведа в Волгоградском Университете, где училась пять лет на вечернем отделении. Все эти годы она работала в городском суде сначала секретарём суда и последние три года судебным исполнителем. Видно было, что Наташа волнуется. Волновался и Замятин, он как-то с трудом привыкал к тому, что дочка уже взрослый и самостоятельный человек и специалист. Александр Николаевич хотел было ответить Кушкину по поводу диктаторства Ярославцева, ситуация с экстренным введением новых законов действительно требовала разъяснения, но Дьякова дала слово Наташе и он опустил голову, чертя квадратики на листе бумаги.

– Вот господин Кушкин заговорил тут о правах человека, – Наталья справилась с волнением, и голос её зазвучал ровно, без эмоций, которыми она явно была переполнена, – так вот, я хотела бы напомнить ему о главной предназначении Закона – защите человека от преступных посягательств на его основополагающие права. Право на жизнь, на здоровье, на собственность и так далее – все эти права нарушаются преступниками, которых вы, господин Кушкин, так

защищаете, а наше уголовное законодательство на практике защищает не потерпевшего добropорядочного человека, а того, кто преступно нарушил его права. Вот вам один пример: двое воров занимались угоном автомобилей и их продажей. Пять лет назад я вела протокол заседания суда над ними. Из предъявленного им обвинения в краже 10 автомобилей удалось доказать только пять. Они получили по шесть лет лишения свободы. Естественно, на них судом была возложена обязанность: выплатить стоимость пяти автомобилей пострадавшим. И что? А ничего. За три года работы в ИТК они выплатили пострадавшим сумму одного автомобиля, за примерное поведение выпущены на свободу с «чистой совестью» и почти за два последних года не возместили пострадавшим ни копейки. А я, как судебный исполнитель, ничего не могу сделать, так как у них нет имущества, которое подлежит аресту, они нигде не работают, а едят в ресторанах, живут в шикарных особняках, ездят на БМВ, но всё это имущество оформлено на подставных лиц, а они пользуются им по доверенности. Через подставных же лиц крутят свои деньги, чихают на закон и на потерпевших. Скажите, господин Кушкин, как же обеспечить защиту прав потерпевших граждан?

– Это ваши проблемы.

– Правильно, мои. Поэтому я обеими руками за эти изменения. Потому что этот уголовный закон наконец-то защищает потерпевшего гражданина, а не того, кто преступно посягнул на его права. Потом я не вижу тут никакой жестокости. Никто преступника не собирается унижать, измываться или хотя бы бить плетью. Всего-навсего новый закон не прекращает уголовного наказания, пока преступник не расплатится с пострадавшими. Я считаю, что это более чем справедливо.

Наталья села, а Замятин, которому было как-то неудобно после дочери, ответившей на выпад Кушкина, продолжать в том же духе самому, попросил Дьякову прокомментировать подписанные вчера Ярославцевым законы.

– Так вот по поводу узурпации диктаторской власти Ярославцевым, я хотела объяснить вчерашнее решение Совета обороны, – начала Дьякова, – во-первых: как вы знаете, у нас военное положение. Мера вынужденная, так как мы оказались в полной изоляции от той цивилизации, частью которой являлись. Это военное положение, состав и полномочия Совета обороны сроком на четыре недели утвердила городская дума.

– Во-вторых: Изменения в Конституции Российской Федерации внесены чисто формальные, которые просто констатируют нынешнее наше положение. Это название государства – «Волжская Россия», кстати, рожденное городской думой. Также, естественно, исключён из текста перечень субъектов федерации – их просто нет. Исключены из числа государственных органов Совет Федерации, а его функции переданы государственной думе, а уж численность государственной Думы, понятно, сведена до численности городской, которая и будет исполнять обязанности государственной до выборов. И, наконец, возложение обязанностей президента на Ярославцева, как на главу правительства, сделано точно по Конституции и так же по Конституции он назначит выборы в течении трех месяцев, но только сделает это после окончания срока военного положения, об этом в постановлении Совета обороны написано – прочитайте повнимательней.

– В-третьих: «Закон о земле» введён в действие Ярославцевым немедленно по той причине, что нам надо побыстрее выходить из военного положения и политики военного коммунизма в нормальное состояние. А если не будет многообразной собственности на землю, то не будет её товарного оборота, не будет реально работать финансовая система, и мы так и застрянем в подвешенном к полувоенному нищему коммунизму положении. Правильно я говорю, Иван Иванович?

– Да, да, – кивнул своим большим острым носом Туржен.

– В-четвертых: законы до подписания их Ярославцевым обсуждаются и пишутся специалистами, и наше, кстати, сегодняшнее обсуждение тому пример.

– И, наконец, в-пятых: после отмены военного положения все подписанные Ярославцевым, да и другие российские законы будут в обычном порядке обсуждаться в государственной думе, и, я думаю, она будет вносить в них изменения и дополнения. Но сейчас надо раскрывать всё очень быстро, у нас весьма ограниченные ресурсы выживания и высокая скорость принятия решений даже в ущерб их качеству для нас единственное спасение. Так, Александр Николаевич? – закончила Дьякова, повернувшись к Замятину.

– Совершенно верно, Вера Никитична. Я просто хотел бы добавить, что если бы Ельцин в 92-м году не тянул тягомотину вместе с коммунистами, а подписал бы в январе вместо трех все 42 подготовленные Гайдаром Указа, то мы бы уже к середине девяностых были на крутом подъеме и не проиграли бы НАТО Югославию. Это мое личное мнение, и потому я прямо заявляю, что удовлетворён решительными, но продуманными и просчитанными с помощью специалистов действиями Ярославцева. Так что, господа специалисты уголовного и гражданского права, вернёмся «к нашим баранам».

...Дискуссия продолжалась уже больше полутора часов, то опускаясь до деталей в конкретных статьях, то вновь поднимаясь до принципиальных основ «Изменений». Высказались почти все присутствующие, некоторые, как, например, Кушкин, по несколько раз, но убедительной победы принципы «Изменений» еще не одержали.

Дьякова объявила перерыв на 10 минут, и споры вылились из зала в коридор.

– Не пора ли вводить в бой артиллерию, Вера Никитична? – спросил Замятин.

– Да, пожалуй, – не сразу сообразив о чем тот говорит, ответила Дьякова и, подозревав Кручевского, спросила, – готов, господин студент?

– Готов, – Кручевский был сосредоточен и серьезен. Его решительный и несколько отчаянный взгляд воспаленных от недосыпания последних дней глаз из-под черных кудрей как бы говорил: «Сейчас или никогда, победа или смерть, всё или ничего».

– Посолиднее и поосновательней, Володя, главное, не суетись, – ободрил его, улыбнувшись, Туржен.

– Да, а Вы, Иван Иванович, завершите обсуждение. Так, Вера Никитична? – спросил Замятин.

– Так, так, Александр Николаевич, – согласилась Дьякова и заметила, – однако, дочь ваша просто умница, честно говоря, не ожидала от неё такой прыти.

– Гм, так и папку скоро за пояс заткнёт, – улыбнулся Замятин.

Через 10 минут, в затихающем после перерыва зале, раздался голос Кручевского:

– Вся прошедшая здесь до перерыва дискуссия показывает, насколько мы оторвались от изначальной сущности справедливости. Огромные наслоения в законодательных актах очень часто выхолащивают – самые простые, сформулированные ещё в незапамятные времена, истины: не убий, не укради, не возжелай..., и там же: «око за око, зуб за зуб». Всё правильно, вот вам регламентирующие нормы и вот вам санкции за их нарушение. Мы с вами попали в период развития человечества, определённый историками, как раннее средневековье, и вот, что мы здесь наблюдаем.

– Товарно-денежные отношения уже достаточно развиты и, скажем, «бартерная» санкция – «око за око» – почти повсеместно вытесняется товарно-денежной, даже кровная месть вытесняется откупом. Вот вам наисвежайший пример: гэровцы совершили разбойное нападение на 45-й рабочий полк и в наказание, а приняли они это как должное, без тени сомнений в несправедливости такого решения, поставляют нам контрибуцию. Напомню, что это решение принял начальник СБ Гринёв по совету Кэчтэна, на основании существующих здесь обычаев.

– Позвольте вопрос, – перебил Кручевского Кушкин, – почему же Гэры не потребовали выкупа за своих убитых соплеменников, а согласились сами платить нам? Ведь у нас погибших не было, а судя по вашему выступлению именно за жизнь человека следует основная расплата.

– Вот здесь мы имеем дело с двумя разными вещами. Первое – это само разбойное нападение на невооруженных, застигнутых врасплох людей. Это однозначно нарушение тех самых принципов справедливости, тех древних заповедей – «Не укради, не возжелай» и так далее. Второе – гибель в бою. Тут обычай повсеместно рассматривает сражение вооруженных людей, как божий суд. Все погибшие соплеменники гэров погибли в бою, с оружием в руках, и это в большей степени считается честным решением со стороны победителей. В принципе, если бы гэры открыто вызвали на поединок наших воинов и кто-то из наших погиб, то это не считалось бы преступлением с их стороны – божий суд.

– Но мы отвлеклись. Обычаи живущих здесь людей, конечно, надо знать и учитывать в наших с ними взаимоотношениях, но вернёмся к нашим «Изменениям». Итак, мы видим, что в основе библейских принципов справедливости лежит возмещение вреда пострадавшему от преступления самим преступником. Эта та самая санкция в виде конкретных материальных ценностей, или уже даже денег, как в ныне действующей «Русской правде», которые получает пострадавший. Но вот дальнейшее развитие государства привело к перекосу этого принципа. Этот самый денежно-материальный штраф сначала частично, а потом полностью забирает себе государство, оставляя пострадавшего ни с чем. Отсюда появление термина «казнить» – забрать виру (штраф) в казну. Справедливость в данном случае получается усечённой. Да, преступник наказан, да, он расплачивается за свое преступление, но пострадавший получает только моральное удовлетворение оттого, что преступник наказан. В конце концов, государство, развивая и преобразуя эту санкцию, довело её до абсурда от смертной казни до унижения обязательным лишением свободы. При всём этом государство совсем забыло о потерпевшем, оставив его один на один с проблемами хоть какого-то возмещения ущерба, опираясь на гражданский кодекс.

Что я предложил комитету, а комитет согласился со мной и предлагает в виде вот этих «Изменений»? А ничего, собственно, нового, как видите. Просто здравый смысл и восстановление справедливости по отношению к пострадавшему. Сегодняшний уголовный кодекс фактически не является серьезным препятствием для роста преступности, так как преступный бизнес выгоден. Я не беру исключительные случаи, когда мы имеем дело с маньяками. Основная масса людей, преступающих закон – это люди, делающие выгодный преступный бизнес. Что далеко ходить за примером, когда вот Наташа, простите, Наталья Александровна привела вам здесь ярчайший пример того, как два проходимца, по самым скромным подсчетам, за год противоправных действий заработали 350 тысяч рублей, потом они три года отработали в ИТК, вернув пострадавшим порядка 40 тысяч рублей. Так, госпожа Замятина?

– Тридцать восемь.

– Вот-вот. Выйдя на свободу, они имеют, за минусом затрат на реализацию ворованного и не очень скромное житье в течении года воровства, никак не меньше 200 тысяч рублей. Напоминаю, это по самым скромным подсчетам, а по максимуму эту сумму надо утроить. А теперь скажите, кто из здесь сидящих или известных вам добропорядочных граждан от рабочего до президента сможет за 4 года скопить честным трудом что-либо похожее на такое состояние? Единицы. Вы можете сколь угодно насыщать программы от школьной до телевизионной морально-нравственным воспитанием, пропагандировать с амвонов и трибун устои честной жизни – всё напрасно. Выгода от преступного ремесла столь очевидна, что в эту сферу вовлекаются всё новые и новые молодые граждане, ибо жизнь подсказывает им: «Кто не ворует, тот не пьёт шампанского!» Таким образом, первое, что решают «Изменения», это безразмерность уголовного наказания – лишения свободы с обязательным привлечением к труду до тех пор, пока преступник не возместит прямой ущерб пострадавшему или пострадавшим. В данном случае и обязательный труд приобретает прямой и ясный смысл – будешь принудительно зарабатывать возмещение ущерба, раз не хочешь это делать добровольно. И не надо придумывать бессмысленные объяснения о воспитательном значении труда на благо общества. Всё ясно

и понятно – заработай и отдай уворованное. Эта цель принудительного труда куда более справедлива и сама по себе несёт мощнейшее воспитательное значение. Существой этот закон пять лет назад, двое этих архаровца отдали бы всё награбленное, чтобы только не тянуть пять лет каторги. Да и есть ли в таком случае смысл их держать так долго в местах лишения свободы – отсидели для острастки полгода и гуляйте, действительно с чистой совестью.

– Теперь второе, мы давно и много говорим о моральном ущербе, судебная практика уже значительно накопила материал по подобным искам, связанный с ложью, клеветой, оскорблениями в средствах массовой информации. Но вот вдумайтесь, моральный ущерб потерпевшего от преступного посягательства на его жизнь, здоровье, имущество, как бы не существует. Парадокс – если вас оскорбили словом – есть моральный ущерб, дали в морду или отобрали кошелек – нет. Вот эту-то явную несправедливость и ликвидируют наши «Изменения». При имущественном или финансовом преступлении осуждённый должен не только возместить ущерб – вернуть имущество или возместить его стоимость, но и уплатить пострадавшему штраф в размере 10% от стоимости похищенного, но не менее пяти прожиточных минимумов – это и будет законодательно утвержденным тарифом возмещения и морального ущерба потерпевшему. В случае же преступления против личности, сумма морального ущерба определяется от пяти минимальных оплат за оскорбление (статья 130), до 1000 минимальных за убийство (статья 105). Это всё, не считая обычных в таких случаях обязательств по оплате лечения в случае утери здоровья пострадавшим, содержания нетрудоспособных членов семьи в случае убийства, возмещение страховой фирме страховки и тому подобное. И, наконец, последнее. Все правоохранительные органы – суды, прокуратура, милиция содержатся исключительно за счет бюджета, но почему исключительно добропорядочные граждане – налогоплательщики – должны их содержать, за свой счет. Преступники тоже ведут себя по-разному. Одного за три-четыре дня следователь оформляет и передает дело в суд, а другой, работая более изощренно скрываясь и изворачиваясь, вынуждает месяцами работать над его изобличением целую группу следователей, криминалистов, экспертов. Поэтому мы считаем вполне естественным, что надо обязать преступника выплатить бюджету расходы по его изобличению.

– Таким образом, по преступности наносится смертельный экономический удар. Преступный бизнес становится убыточным и происходит его естественное сворачивание, чего мы все и хотим. Вот, пожалуй, и всё. – Кручевский посмотрел на Дьякову и медленно сел на свое прокурорское место.

Посыпались вопросы уже по изменению конкретных статей Кодекса. Здесь инициативу взял на себя Туржен и отвечал уже на чисто профессиональном языке. Настроение было переломлено в пользу «Изменений», и Туржен закреплял эту тенденцию...

...Ярославцев вышел к ним, пожал руки и Замятину и Дьяковой и, усадив их рядом, за стол заседаний, сам сел напротив и спросил:

– Ну, как вам Кручевский?

– Очень энергичный и убежденный молодой человек, – ответила Дьякова. —

– Итак? – согласно покивав головой, спросил Ярославцев.

– Итак, – улыбнулся Замятин, – полчаса назад мы завершили обсуждение и вот к какому выводу пришли, – он достал из своего дипломата листы с «Изменениями».

– Я весь в нетерпении, – Ярославцева заинтриговала многозначительная улыбка прокурора.

– Ну, так вот, мы пришли к выводу, что предложения комитета недостаточно революционны. Если менять принципы уголовного наказания, то в особенной части можно значительно сократить сроки лишения свободы за подавляющее большинство преступлений, конечно, при условии полной расплаты преступника с потерпевшим.

– Итак, выстраиваем особенную часть. За убийство и тяжкие телесные повреждения сроки прежние?

– Да, плюс самый высокий штраф родственникам убитого, а при отсутствии родственников государству. Дальше штраф уменьшается и обязательные сроки лишения свободы тоже сокращаются в два раза. Но главное, мы все-таки оставляем преступника лишенным свободы и после отсидки обязательного срока, если он не выплатил всё, что ему причитается за уголовное преступление. Как говорил Глеб Жеглов: «Преступник должен сидеть в тюрьме».

– Некоторые адвокаты так и остались против такого принципа, вступила в разговор Дьякова, – действительно: это несколько негуманно по отношению к преступнику.

– Может быть, может быть, – вновь продолжил Замятин, – но тут надо выбирать – к кому Закон будет гуманен: к преступнику или к потерпевшему, а вот тот, кто жалеет преступника, пусть заплатит за него и тем облегчит его ответственность. К тому же этот кодекс будет куда более справедлив и для понимания его народами, которые живут вокруг нас.

– Да, это было одним из аргументов комитета, – Ярославцев встал и прошёлся по кабинету, – Ну так что: вы отдали свои предложения на доработку в комитет?

– Да, конечно. Они обещались к завтрашнему утру переделать «Изменения» с учетом наших предложений, в том числе и оставить единственную форму лишения свободы не расплатившемуся осужденному – это работа в закрытых зонах для зарабатывания им средств на свои долги. Ну а кто погасил долг и согласен платить за свое содержание, может сидеть в камере и не работать.

– Я бы хотела ещё сказать, что в отличие от тех актов, которые Вы, Андрей Андреевич, вводили в действие со дня их подписания, эти «Изменения» надо вводить хотя бы со следующей недели. Всё же нужен людям срок для знакомства с ними, и для осознания новой ответственности за преступления. Дело в том, что на самом деле эти «Изменения», несмотря на снижение обязательных сроков лишения свободы и отсутствие смертной казни, сильно ужесточат наказание. Можно согласиться и с Комитетом, и с Александром Николаевичем, что это мощнейший удар по преступности, но тут я бы согласилась и с адвокатами, что от суммы да от тюрьмы... В общем, надо, чтобы все ознакомились с тем, что их ждет в случае совершения уголовного преступления.

– Принято. Ну что ж, спасибо, я очень рад, что те, кому придётся непосредственно применять обновленный уголовный кодекс, поддержали его. Хотя, я думаю, в перспективе он приведёт к падению преступности, а значит и необходимости в ваших услугах.

– Поживём, увидим, – сказала вставая Дьякова.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ, четверг 21.04.1224 г.

Борис Васильевич Зенин большую часть дня мотался вместе с двумя адъютантами по городу и полкам. Уже с понедельника его рабочий день начинался с восьми утра, после завтрака. До часа или двух часов он посещал склады, комендатуры и учреждения города, потом полки. Проверял всё: как идет отгрузка продуктов и товаров, как организовано питание, как осуществляется охрана и как идёт работа на предприятиях и в рыболовецком полку. В два часа выслушивал сводки от руководителей своих частей и организаций. И, наконец, после заседания СО ставил задачи перед своим штабом и рассматривал итоги его работы за прошедшие сутки. Сегодня с утра он проводил вторую партию из 10 тракторов с навесным оборудованием для вспашки целины. Первая, из пяти «Кировцев», ушла вчера.

Еще во вторник он организовал механизированную колонну из собранных на всех предприятиях 28 разнокалиберных тракторов, но вот плуги, культиваторы, бороны, сеялки – все это удалось собрать в смешном количестве, укомплектовать только десяток тракторов. Поэтому, уже в ночь со вторника на среду, по чертежным эскизам, прямо из-под кульманов четыре завода одновременно взялись за срочное изготовление всего этого, и, по мере комплектования, машины уходили на правый берег. Несмотря на огромное напряжение последних дней, Зенин чувствовал себя в родной стихии. Он руководил снабжением огромной армии, да что там армии – фронта. Еще два десятка лет назад он проигрывал варианты обеспечения фронта в Академии, однако последние годы уже не надеялся осуществить такое руководство на практике. Казалось, через пару лет он так и уйдёт на пенсию с потолка своей военной карьеры – начальника тыла бригады. И вот, как это часто бывает у военных, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Уже к концу понедельника Зенин выстроил работоспособную структуру и сейчас практически завершил её отладку. Вчера утром он круто поменял двоих командиров частей, директора механического завода, несколько руководителей подразделений, одного из которых отдал под суд за хищение с помощью приписки. Прошедшие сутки показали, что решение было правильным – его хозяйство заработало слаженней, как будто ему добавили смазки и подтянули зазоры. Сегодня утром приказом по тыловой службе он образовал подчиненную непосредственно ему контрольную группу из 15 человек во главе с Седенко, которой вменялась регулярная проверка всех частей и подразделений и выявление хищений, приписок перерасходов и тому подобное.

Зенин вернулся с объезда своего хозяйства в звании генерала. Ярославцев издал Указ о присвоении генеральского звания ему, Кузнецову, Жилину и Гринёву.

Дочка, сияющая от удовольствия, протянула ему этот Указ, как только он вошел в кабинет, а потом добавила, лукаво улыбаясь:

– А теперь танцуйте, господин генерал.

– Что ещё? – слегка смутившись, спросил Зенин и оглянулся на двоих офицеров своего штаба, сидящих тут же. Те улыбались.

– Танцуйте, танцуйте, Борис Васильевич, – поддержал его дочку начальник штаба тыловой службы шестидесятилетний полковник запаса Пуглаев.

Зенин заинтригованно улыбнулся, потом пробил ладонями дробь по груди и коленкам, притопнув, развел руки.

– Bravo, папка, – не по-уставному воскликнула его дочка, аплодируя вместе с офицерами, – держи, – она протянула ему листок бумаги.

Зенин прочитал «Распоряжение», внизу стояла подпись Ярославцева и печать. Это была ксерокопия распоряжения начальнику хозяйственного управления президента Горину – так теперь называлась прежняя должность завхоза горадминистрации. Горину поручалось выде-

лить генералу Зенину трехкомнатную квартиру из резерва администрации и обставить её мебелью по вкусу генерала за счет бюджетных средств из реквизированных товаров.

Зенин присел за свой стол, дочитал «Распоряжение» до конца и задумался. В круговерти последних дней всё, что он мог сделать для своей жены, дочери и сватов, это пристроить их по мобилизации в свою службу – дочка работала секретарем в его штабе, сваха, благо у неё был опыт работы кладовщицей, с женой работали на отпуске продовольствия на одном из складов, сват командовал одной из рыболовецких бригад-взводов. Об остальном времени подумать было как-то некогда. Зенин понимал всю ответственность своего дела, от которого сейчас на восемьдесят процентов зависел успех выхода города-государства из кризиса. Попробуй не накормить людей – голодный бунт будет страшен и катастрофичен, а дай растащить запасы – тут же они осядут у самых хватких и бессовестных. Учёт и контроль безденежной системы распределения требовал огромной энергии от руководителя. Что и говорить, было приятно, что его труд, знания, опыт, а главное, неплохие результаты того, что он успел сделать, получили такую оценку у Ярославцева. «Ох, Андрей Андреевич, – подумал Зенин с восхищением, – умеешь ты людей покупать». Их отношения складывались сначала несколько напряжённо. Вообще, Зенин был единственным из состава Совета обороны, которого не знал толком никто из горожан, а он сам взялся за дело, постоянно ожидая, что эти штатские начнут вмешиваться, замучивать советами. Однако Ярославцев не только не вмешивался в его распоряжения, но и постоянно расширял ему полномочия. Зенин знал, что на него уже жалуются президенту, но тот, видя результативность тыловой работы, всегда отстаивал его позицию. Подозрительное отношение к нему, как к чужаку, менялось очень быстро, и не в последнюю очередь это происходило благодаря поддержке Ярославцева. Зенин, всё больше узнавая президента, проникался уважением к его стилю руководства.

Под его началом нельзя было расслабиться и допускать серьезные промахи, однако всё время чувствовалось уважение к тому, что и как ты делаешь. И вот на тебе – первая и, главное, прямо в жилу награда. «Надо Ярославцева поблагодарить», – подумал Зенин, а вслух сказал: —

– Ну что ж, очень рад, – и добавил, улыбнувшись, – стоило танцевать.

Потом, обращаясь к дочери, спросил:

– Вот что, милая, у тебя все приказы готовы?

– Да, вот в папке «На подпись».

– Хорошо, сходи-ка к Горину, узнай, когда он будет готов дать ключи от квартиры, потом возьмишь у начальника транспортного грузовик, и вместе с матерью организуйте доставку мебели и обживание. Позвони, если что-то не будет решаться. Ясно?

– Ясно.

– Действуй.

Дочка ушла, а они с начальником штаба сели разбираться с оперативными сводками, потом со стратегическими запасами.

После того, как отряд Седенко закончил подсчеты ресурсов, механизм расчетов возможных вариантов обеспечения всех необходимых работ и служб был раскручен вовсю. Офицеры тылового штаба дневали и ночевали в комитетах Академии наук, в штаб они заскакивали только поесть, так как были приписаны к буфету администрации, и передать расчеты по необходимым затратам ресурсов.

Огромной удачей были две баржи. Одна, застрявшая перед шлюзом с 12 тысячами тонн топлива, в основном, с соляркой, но было также и значительная часть авиационного керосина и бензина. Это, вместе с имевшимися запасами на аэродроме, позволяло в течение года обеспечить авиационную связь с геологоразведочными или, как их еще правильнее называли, первопроходческими экспедициями, отправляющимися на Эльтон, Донецкий кряж, Урал и Апшерон. Солярки, при нынешнем ее экономном расходовании, даже с учетом затрат на полевые работы и на колонны первопроходцев, хватит на полтора года, а вот с бензином будет потяже-

лее. Даже при нынешнем крайне экономном его расходовании, когда весь личный транспорт, кроме фермерского, и большинство транспорта организаций стоит на приколе, все равно его хватит только на год.

Вторая баржа с мукой, что по прогнозу её капитана ещё дня три простоит на мели у половецкого стана, подвезёт десять тысяч тонн муки. Вот с ней хлеба хватит до октября, только бы удачно снялась с мели и дошла в порт, сохранив груз. Иначе не дотянем и до нового урожая. Хотя, так или иначе, продовольствие на планете производится, на худой конец можно будет закупить в русских княжествах и причерноморских городах, торгующих со всем средиземноморьем. Правда, неизвестно, целы ли они после татарского разбоя в этих степях.... Да бог с ним, зато рыбы – Волга просто кишит ею. В общем, с голоду не помрём. А вот горячее, да что там горячее – нефть. Всё же наша цивилизация, так называемая технологичная, на самом деле просто нефтяная. Потому что нефть – это топливо, масла, резина, пластмасса, синтетика, тепло и свет... Не зря Ярославцев так торопит Гринёва и комитеты Академии с экспедициями первопроходцев.

Обо всем этом думал Зенин, проверяя и подписывая отпечатанные приказы на отпуск материальных ресурсов. Подготовлены эти распоряжения были Пуглаевым, он же давал по ним пояснения Зенину. До сих пор всё, что отпускалось со складов, фиксировалось в накладных только в объемах, без указания цен. Так наспех решил Ярославцев и. как оказалось, удачно, потому что сейчас, накладывая новый масштаб цен на уже отпущенные продукты, можно было не путаться в ценах, а считать задним числом всё в новом масштабе. Просто закупочные цены реквизируемых товаров уменьшать в 100 раз.

Вчера на Совете обороны было принято ещё три важных решения. Первое: для всех рабочих полков установить один день отдыха в неделю – воскресенье. На этот день каждому мобилизованному выдавать суточный набор продуктов и строем вводить полки в город, до дворов, где они формировались.

Второе: за службу и работу за четыре недели военного положения выдать каждому мобилизованному от президента до землекопа по пять рублей новых денег, не считая питания. И, наконец, третье: каждому, кто в служебное или рабочее время желает провести весенние работы на своем дачном огородном участке, такую возможность предоставлять в виде неоплаченного отпуска, только за эти рабочие дни не начислять зарплату, и выданное на время отпуска продовольствие отнести за счет отпускника.

Где-то за полчаса до заседания Совета обороны к Зенину заглянул Кузнецов, поздоровался, покосился на офицеров тылового штаба, потом хитро подмигнул хозяину кабинета и заговорщически произнёс:

– Разговор есть, господин генерал, на миллион рублей.

Пуглаев тактично встал:

– Разрешите отлучиться в расчётный отдел, Борис Васильевич?

– Да, конечно.

Начальник штаба удалился вместе со своим помощником.

– Садись, Виктор Викторович, что там за миллион?

Не успел Кузнецов сесть на придвинутый к зенинскому столу стул, как открылась дверь, и вошел Гринёв:

– Приветствую ваших сиятельств, – усмехнулся начальник СБ.

Дело в том, что в указе Ярославцева о присвоении им генеральского звания устанавливалось обращение офицеров друг к другу «господин» и далее звание. При этом обращение офицеров к солдатам и солдат к офицерам допускалось и «товарищ» тоже. Так что шутка насчет «сиятельств» была весьма кстати.

– Проходи, проходи, Александр Беркетович, бери стул, подсаживайся, по-хозяйски и весело распорядился Кузнецов, который ещё раньше созвонился с Гринёвым и пригласил его сюда.

Зенин, заинтригованный бесцеремонностью Виктора Викторовича, поднял брови. Всё лицо его выражало некоторое удивление. Поздоровавшись за руку с Гринёвым, он в тон вошедшим спросил Кузнецова:

– Так что там насчёт миллиона, сэр?

Кузнецов, не дожидаясь, пока Гринёв поудобнее усядется, начал:

– Вот что, господа «енаралы», не кажется ли вам, что надо как-то обмыть наше звание? А?

– Интересное предложение, – Гринёв стал серьезен и не удержался, чтобы не съязвить, – главное, вовремя.

– Да погоди ты, Беркетович, что я сейчас, что ли предлагаю? Ты, насколько я знаю, свои экспедиции планируешь отправить в субботу, так?

– Ну так.

– У Бориса Васильевича, как я понимаю, система в основном отлажена, так?

Зенин кивнул.

– Так вот, я предлагаю в субботу ближе к вечеру рвануть на двух вертолётах на Дон. Посидим у костерка, поохотимся, порыбачим, отметим Указ, в общем, проведём мальчишник. Жилина я беру на себя, а ты, Беркетович, пригласишь Ярославцева.

– Значит, нас будет пятеро? – уточнил Зенин, – а что, в одном вертолёте не уместимся?

– Уместиться уместимся, но я вперёд отправлю офицера с разведкой и связью. Он подготавливает место, обеспечит охрану и связь, на всякий случай. Ну, как идея?

Гринёв поморщился:

– Только, чур, уху будешь есть сам, я заботами Борис Васильевича и так уже скоро начну светиться фосфором.

– Ладно, – усмехнулся Зенин, – выделю по такому случаю на компанию свининки на шашлыки.

– Это другое дело, – Гринёв подмигнул Кузнецову, – значит, суточным продовольствием тыл нас обеспечит?

– Сколько ещё будет там твоих людей? – спросил Зенин Кузнецова.

– Два лётчика и человек пять разведчиков, завтра вечером скажу точно.

– А обмывать сгущенкой будем? – спросил Гринёв, – Жилин ещё в субботу всё спиртное собрал в склады и подсобки и опечатал. Вряд ли Ярославцев даже ради такого случая даст разрешение что-то вскрывать до конца военного положения.

– Ну, тут не беда, – у меня в сейфе бутылка коньяка завалилась, да и у тебя, Беркетович, должно быть что-нибудь в заглазнике. А?

– Ладно, поищем, – подумав немного, сказал Гринёв и добавил, значит так, оставь свой коньяк в сейфе, с тебя обеспечение места и доставка, моя выпивка, Василича закуска. Пойдет такой расклад?

– Нормально, – Кузнецов поставил ладонь ребром на стол, – только смотри, чтобы выпивки хватило.

– Гм, – улыбнулся Гринёв, – не бойсь, мало не покажется.

– Так, – глянув на часы и вставая, подытожил разговор Кузнецов, – пошёл к Жилину.

Оставшись вдвоем с Гринёвым, Зенин спросил его:

– Как твои экспедиции, штаты все укомплектовал?

– Да, как будто все. Полторы тысячи человек, из них 250 человек вооруженной охраны. Оружия не хватает, так веришь ли, все охотничьи ружья, что собрали у населения и реквизи- ровали в охотничьем магазине раздали, чтобы хоть по единице на каждого охранника. Да что я тебе говорю, сам же выписывал.

– Да уж. Ничего, через неделю начнет подшипниковый Калашниковы изготавливать, на тысячу штук металла хватит – перевооружим.

– А патроны? Спасибо этим авантюристам, четыре вагона к Калашникову запасли, а дальше?

– Тут уж верно посложнее, но академики работают, им лабораторию на СК выделили. Думаю, осилят проблему.

– Будем надеяться.

– А не много ли охраны?

– Меньше уже невозможно. Вот посмотри, – Гринёв достал из дипломата старую карту Союза, – южное направление: надо по пути к Баку поставить форты при аэродромах подскока, примерно в районе Астрахани и Дербента. Причем у Астрахани планируется оставить охрану всего в десять вооруженных человек, а в районе Дербента мало одного фортика, здесь узкий стратегический проход между морем и непроходимыми отрогами Кавказа. Тут и промежуточный порт надо будет строить. Следовательно, ну никак меньше 25 человек тут не оставить. Согласен?

– Угу, – Зенин согласно кивнул головой, глядя на карту.

– Ну вот, а в Баку привести сто двадцать человек первопроходцев с охраной меньше 30 человек просто преступно, учитывая, что там сейчас возможно вассальный Чингисхану эмир способный вместе с соседями поставить под копье и саблю не меньше пяти тысяч отчаянных бойцов. Там тоже надо ставить свою крепостишку и вести ещё охрану мест разведки и добычи нефти. Как бы не пришлось их ещё усиливать. И так почти везде, а ты говоришь много.

– Трудновато экспедициям придётся.

– А то. Поэтому главный упор мы и делаем на мирные договоры с местными князьями и князьями. Войны, сам понимаешь, дело дорогое и плохо прогнозируемое по результатам.

– Да уж, – опять пробормотал Зенин, вспомнив чеченскую кампанию, потом глянул на часы и заторопился, – пойдём, на заседание опоздаем.

Он вдруг с радостью осознал, что окончательно вписался в команду, которая приняла его «своим».

Ярославцев, заканчивая заседание Совета обороны, вынес предложение об отмене обязательных ежедневных его заседаний. Главные экстренные решения приняты. Механизм военного положения отлажен, и ежедневные совещания превращаются в простой сводочный отчет членов Совета, а для сводок есть телефонограммы. Так что заседания будут теперь только по понедельникам, начиная с той недели. Возражений не было. На том и порешили, но после обычных слов президента «Все свободны» Гринёв остался.

– Какие-то вопросы, Александр Беркетович? – несколько удивлённо спросил Ярославцев, когда они остались вдвоём.

– Да, – ухмыльнулся Гринёв, – заговор генералов – есть предложение обмыть Указ, – он красноречиво хлопнул себя по плечу, – на Дону. В субботу вечером вылетаем на вертолетах, ночуем и в воскресенье возвращаемся.

Ярославцев встал и подошел к окну. С площади перед зданием администрации разъезжались машины с мигалками – после запрета на использование легковых автомобилей в городе остались на ходу только служебные с мигалками. Любая другая машина немедленно арестовывалась за нарушение комендантского режима жилинскими подразделениями. Он повернулся к Гринёву, присев на подоконник.

– Ну и что, господам генералам нужно «добро» на использование вертолетов?

– Так авиация в подчинении Кузнецова. Ресурсы ГСМ – у Зенина, нормы расхода Вы, Андрей Андреевич, подписали. Так что для летчиков это будет рядовой плановый разведывательный полет, а для нас – возможность отдохнуть на природе у костра, в свой законный

день отдыха. Но поскольку речь идет о событии в жизни любого служивого, то и отметить его надо по-нашему обычаю, как полагается. Кстати, мне поручено пригласить на этот мальчишник и Вас, Андрей Андреевич. – Гринёв хитро улыбнулся, дескать: «Понял, зачем я всю эту бодягу развёл?»

Ярославцев усмехнулся:

– Мальчишник, так мальчишник, спасибо за приглашение, я подумаю. Кто там у Вас закопёрщик?

– Кузнецов.

– Ну, так я ему вечером позвоню.

– Хорошо, – Гринёв поднялся, – разрешите идти?

– Да, конечно. Александр Беркетович.

Гринёв вышел, а Ярославцев сел за свой стол и задумался. Панибратство с генералами не входило в его планы. Он, конечно, не ханжа и, когда подчинённые приглашали его на сабантуйчики в конце работы по поводу чего-либо, как правило, не отказывался, но особенно и не задерживался. Тост, два, поздравление юбиляру, зачитка подготовленного к случаю приказа и он, извинившись, покидал компанию. Это, во-первых, сохраняло его дистанцию от подчинённых, а во-вторых, избавляло компанию от некоторой скованности в присутствии начальника. У него были, конечно, друзья, для которых он был просто Андрюха, и которые были для него Васькой и Юркой, но это были друзья юности, с которыми он никогда не работал. С ними были общими рыбалка, семейные торжества, выезды на природу, но никогда совместного дела и больших денег. Поэтому-то они отдыхали друг с другом и со своими семьями душой, – им нечего было делить, ибо то неосязаемое, что у них было общим, было неделимым и существовало только вместе с ними. Сейчас же ему предлагалось принять участие в служебном сабантуйчике с выходом на отдых на природу.

Ему действительно хотелось отдохнуть в воскресенье от нагрузки этой сумасшедшей недели, но поездка на Дон с людьми, которые были его непосредственными подчинёнными отдыхом не будет – дистанцию удерживать даже в непринужденной обстановке всё же надо.

Ярославцев взял линейку и подошёл к карте. «Значит, на Дон, – подумал он, – что же, на Дону должен будет стоять наш портовый город, иначе уголь не провезешь». Самое кратчайшее от плотины место на Дону – это в районе Вертячего. «Значит, дорогу к Дону надо прокладывать здесь, и здесь строить донской порт», – решил Ярославцев. Ещё с минуту постоял, улыбнулся и подумал без злорадства: «Я вам устрою мальчишник на Дону». Потом, положив линейку и взяв папку со своим неизменным журналом-дневником, вышел из кабинета.

– Я в Академии наук и сегодня вряд ли сюда вернусь, – поставил он в известность Дюжеву и направился к выходу.

...Где-то в половине восьмого вечера Ярославцев разыскал по телефону Кузнецова:

– Виктор Викторович?

– Да, слушаю Вас, Андрей Андреевич.

– Виктор Викторович, вы определились с местом на субботу с воскресеньем?

– Нет ещё, думаю примерно в районе Калача.

– У Вас там есть карта под рукой?

– Да, минуточку, – Кузнецов замолк, видимо доставая и разворачивая карту, – есть, готово.

– Посмотри севернее, хутор Вертячий.

– Есть.

– Есть предложение там. Как Вы, не против?

– Да нет, можно и там, – как-то не очень уверенно, чувствуя подвох, согласился Кузнецов.

– Ну вот, и отлично. Теперь у меня к Вам просьба, не смогли бы вы, Виктор Викторович, завтра уже забросить туда разведгруппу подготовить площадку приземления для самолета. Я,

конечно, прошу прощения, пикник и праздник Ваш, генеральский, но я вот пользуясь вашим приглашением, решил взять с собой ещё трех человек – двух академиков и архитектора города. Нам нужен город-порт на Дону, и они там заодно посмотрят местность и останутся отдохнуть и поздравить вас всех со званием. Как, Виктор Викторович, пойдет такое дело?

– Можно, конечно, и так, Андрей Андреевич, только... Я так думаю, что если и ещё кто-то прибавится, ничего страшного, только чтобы без баб-с – мальчишник, так мальчишник. Только общее количество согласуйте с Зениным – он обеспечивает мероприятие закуской, так чтоб хватило.

– Ясно, Виктор Викторович, это мы решим. Ну, всего доброго.

– До свидания.

Ярославцев положил трубку и вышел из кабинета ректора Волжского инженерно-строительного института, где он провёл весь вечер. Здесь и работали все группы ученых, разрабатывая рекомендации, прогнозы и проекты в различных направлениях. Здесь он и обсудил в комитете по промышленности вопрос о строительстве в районе Вертячего города с размещением там части промышленных предприятий.

Программа, как и её география, готовилась в комитете обширная. Так нефтепереработка по этой программе должна была сосредотачиваться в Баку, металлургия – на Урале, а остальная, не имеющаяся в городе промышленность, – в междуречье Волги и Дона. Район Вертячего рассматривался, как место производства бумаги.

Согласовав с комитетом задачу по строительству первой дороги к Дону в район Вертячего, Ярославцев пригласил совместить приятное с полезным президента Академии наук Александра Николаевича Бердникова и председателя промышленного комитета Тулаева Артёма Дамировича. Они согласились принять участие в генеральской затее, а заодно прикинуть на месте расположение нового города.

Вернувшись в администрацию, Ярославцев поужинал и, не спеша, отправился домой. Было уже около девяти, он уже давно не возвращался так «рано».

Поэтому и не спешил, обдумывая итоги сумасшедших дней своего правления городом. Итак, за пять дней не просто слаженно заработал механизм военного положения, но уже намечены главные меры по его отмене и введению обычных гражданских общественных институтов в экономике и государственном управлении.

Главное, уже сеется хлеб для населения, и в субботу отправляются экспедиции за «хлебом» для промышленности. Сегодня у Ярославцева было на редкость умиротворённое и какое-то даже воодушевленное настроение.

Дома не спали, хотя свет уже отключили. Татьяна успела заварить свежего чая, и они сидели с мальчишками на кухне в темноте и рассказывали друг другу страшные сказки. Татьяна уже собиралась скомандовать мальчишкам «отбой» и ложиться спать самой – глаза начинали слипаться – вот только закончит Вовка рассказ про черные перчатки, как щёлкнул замок и вошёл Андрей.

– Папка пришёл! – Пётр прервал Вовкину страшилку и мальчишки бросились в коридор.

У Татьяны сон как рукой сняло. С того яркого воскресного утра, как будто в наказание за те счастливые мгновения близости, они только раз виделись на совещании банкиров. Андрей приходил за полночь и уходил ни свет, ни заря, а она, измученная четырнадцатичасовой работой сперва в отряде Седенко, а теперь в банке, приходила и проваливалась измотанная в тяжёлый сон, в котором если к видела что-то под утро, то только цифры и счета. Банки ускоренно переходили на новую систему, консервируя старые счета, активы и пассивы клиентов и свои собственные. Всем уже объявили, что денежные средства замораживаются, а населению и предприятиям предлагалось сдавать наличные денежные средства на бессрочное хранение, на всякий случай, а новые расчеты начинаются с чистого листа. НИКТО, кроме эмиссионного банка, который возглавил бывший управляющий отделением Центробанка, не имел ни

копейки средств. Со следующего понедельника все предприятия и граждане могли их взять только в банках в виде кредита. Для этого и для расчетов друг с другом вот уже второй день предприятия и организации открывали новые счета.

Сегодня директор Русюгбанка, видя, как основной массив этой работы сдвинулся и пошла кропотливая доделка, с которой уже несложно справиться к сроку, отпустил всех служащих домой в восемь вечера, и Татьяна, поужинав в столовой, пришла, когда свет ещё не отключили. Она решила устроить дома с мальчишками праздничное, по случаю раннего возвращения домой с работы, чаепитие и даже успела побыстрому замесить тесто и испечь печенье.

Пока Андрей разувался, обнимал в темноте мальчишек и выслушивал их болтовню о чае, печенье, Татьяна достала свечной огарочек и зажгла его.

Он вошёл на кухню, увидел её усталое с печальной улыбкой лицо в неровном свете пламени, и такая нежность и жалость разлилась у него в груди, что он просто подошёл и молча обнял её. Мальчишки тоже умолкли, понимая каким-то своим детским чутьём необычность момента.

– Сколько лет, сколько зим, – проговорил, наконец, Андрей, потом посмотрел на отстранившуюся жену и добавил, – устала бедненькая моя.

– Ты на себя посмотри, президент замученный, – улыбнулась Татьяна, – садись, чайку будешь?

– Ага.

– Я сам, мама, сиди, – Пётр подал на стол четвертую чашку и разлил всем чаю.

Ярославцеву было так хорошо в этом привычном милом мирке, Вовка стал рассказывать сначала недосказанную им страшилку, но видно не суждено ему было рассказать её сегодня до конца, потому что Пётр влез со своим воскресеньем.

– Пап, а что, в воскресенье все будем кушать дома? Нам в школе сказали, что в субботу после ужина каждому желающему, у кого родители будут дома, дадут продукты на сутки и в воскресенье можно будет в школу не приходить.

– Ну не совсем у всех, только у рабочих на валу, и у тех, кто служит и работает не посменно, а, как наша мама, каждый день, правда, если не будет необходимости довести кое-какие дела до конца или, например, часть учителей с теми детьми, кто придёт в школу в воскресенье.

– Значит, вы с мамой будете дома? – обрадовано спросил Вовка.

– Я буду, за два дня, думаю, в банке управимся с основной подготовкой, – ответила Татьяна, и, взглянув на Андрея, прислонила под столом свою коленку к его бедру.

Ярославцев вдруг почувствовал свою вину перед женой и пацанами – вот ведь, собрался на какой-то там пикник, вместо того, чтобы хоть раз в неделю побыть с семьей, которая вся, не исключая его самого, просто соскучилась по общению. Он даже нахмурился и, виновато взглянув на Татьяну, сказал:

– Я не смогу. Тут вот такая беда – в субботу вечером вылетаем на Дон провести рекогносцировку местности, город-порт на Дону нужен, ну и генералы наши собираются провести мальчишник – обмыть звание, то да сё, отдохнуть на природе... В общем, я согласился с ними там... Вернемся только в воскресенье после обеда.

– Ууу, – затаил Вовка.

– Жалко, – подхватил Петр.

Татьяна убрала свою коленку и с деланным равнодушием подала взрывную идею:

– Мальчишник так мальчишник. Вот и хорошо. Ты заберешь с собой мальчишек, а я тут ото всех вас отдохну, – хитро улыбнулась и добавила, – может, даже соскучусь.

– Ура! – закричал Вовка.

– Здорово! – воскликнул Петр.

– Стоп, стоп, стоп, – приподнял руки Ярославцев, к нему вернулся его решительный и требовательный тон, – обрадовались! Да выезжает чисто мужская компания. Потом, во-вторых, выезжаем по делу, а в-третьих, если хотите знать, на этот пикник меня самого пригласили, детей там не будет.

– Пап, ну ты попроси разрешения, чтобы нас взяли, – затынул Вовка.

– Вовка, – строго начал было Ярославцев, но его перебила Татьяна.

– Что ты, Вовка, кого это наш папка будет просить? Он же президент, главнокомандующий, глава государства, прикажет и всё.

– Папа, ну правда, возьмите нас с собой, – законючил Вовка, – ты же президент? Как Ельцин?

– Так, бунт на корабле? – голос Ярославцева стал глухим, он уставился в недопитую чашку с чаем, уперся в стол грудью, глаза недобро сузились.

– Ладно, мальчишки, пошутили, и будет, давайте в спальню, разбирайте постели, умываться и спать. – Скомандовала Татьяна, зажигая второй огарочек в блюдце и передавая его Петру.

Дети ушли, а она прижалась к мужу:

– Ладно, прости, Андрюша, нет, так нет. А кто там будет, кроме твоих генералов? – она то взлохмачивала, то снова приглаживала волосы на его затылке.

– Провокаторша, – угрюмо, но без злобы проворчал Андрей, – надо было пацанов раз-егорить. Каково им теперь? Обнадежили и ушат на голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.